

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л Ю Т И Я

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
ССР

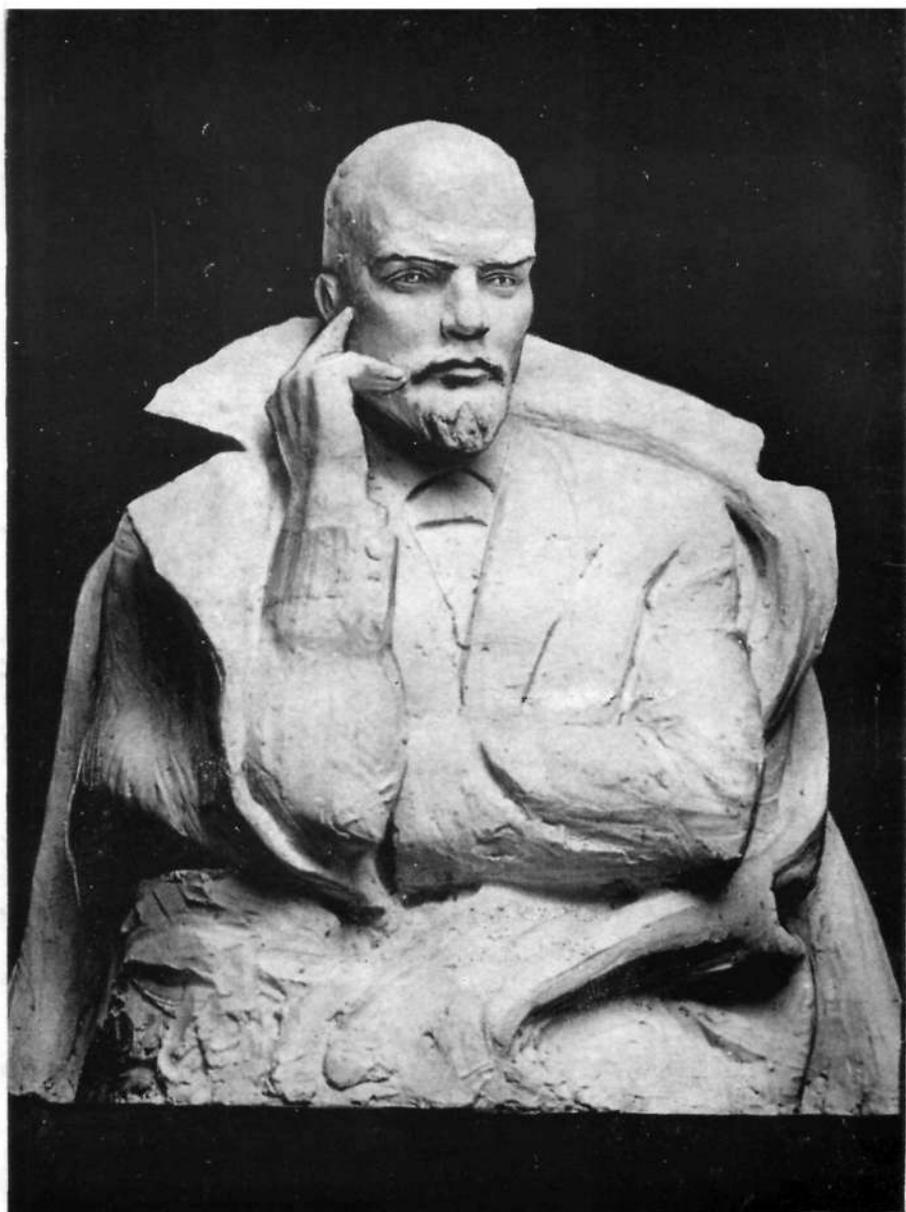

НАУЧНО-
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

БАКУ—1970

2

В. И. ЛЕНИН

Работа скульптора Омара Эльдарова.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ—1970

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСҚАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. ҚОНОНОВ, Н. И. ҚОНРАД, Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОР-
ТЯН, И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), Б. М. ЮНУСАЛИЕВ, ЯШЕН КАМИЛЬ

Ответственный секретарь Э. Х. ИБРАГИМОВ

Адрес редакции: Баку-73, просп. Нариманова, 31.

М. А. ДАДАШЗАДЕ

ОБРАЗ В. И. ЛЕНИНА В ЛИТЕРАТУРЕ

«Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения, — будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц, — были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде»¹.

Для литературы и искусства социалистического реализма эти слова имеют программное значение. По мысли основоположников научного коммунизма, образы вождей и руководителей коммунистического движения, символизирующие идеи пролетарской революции, должны отображаться суровыми реалистическими красками.

Создание правдивых жизненно-убедительных образов вождей пролетарской революции—одна из наиболее ответственных и почетных задач, стоящих перед мастерами литературы и искусства. В числе первых это относится к образу гениального руководителя пролетарской революции в России, вождя и учителя мирового пролетариата — В. И. Ленина, столетие со дня рождения которого отмечает в этом году все прогрессивное человечество.

Образ В. И. Ленина—вождя и человека, гениального мыслителя и великого революционного практика, неизменно привлекал и привлекает внимание писателей и поэтов, служа для них неиссякаемым источником вдохновения. Созданная ими Лениниана является неотъемлемой и весомой частью всей социалистической культуры, служащей делу утверждения идеалов коммунизма. Воплощая черты великого образа в поэтических, прозаических, драматургических произведениях, советские писатели вместе с тем раскрывают художественными средствами великую и всепобеждающую силу ленинских идей.

Образ вождя мирового пролетариата, основателя и руководителя Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства, столь величествен, многогранен и всеобъемлющ, что в первое время лишь немногие поэты и писатели решались брать за его художественное воплощение. Очерк М. Горького о Владимире Ильиче и поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» были первыми в советской литературе произведениями, в которых нашли свое правдивое, художественно полноценное и убедительное отображение черты гениального

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. I, М., 1957, стр. 13.

вождя, его революционная мудрость, гуманизм, величественная простота и высокая человечность.

В дальнейшем литературная Лениниана обогащалась и пополнялась новыми и новыми произведениями, проникнутыми чувствами искреннего восхищения, глубокой любви и сердечной признательности к «самому человеческому человеку». Многие из этих произведений, посвященных различным этапам борьбы под руководством В. И. Ленина за победу пролетарской революции и социалистическое строительство в нашей стране, вошли в золотой фонд многонациональной советской литературы.

Образ В. И. Ленина всегда был для народов нашей страны, для всех людей труда знаменем борьбы за светлое будущее, символом грядущего счастья. Именно таким и стремились изобразить в своих произведениях образ вождя поэты и писатели. И хотя вначале не все решались братья за ленинскую тему, она со временем все более властно овладевала их умами и чувствами, становясь для многих из них одной из главных тем творчества.

Первыми над созданием художественного образа В. И. Ленина начали работать поэты. Революционная поэзия, последовательно выступавшая за свободу и счастье человека, неизменно вновь и вновь возвращается к отображению образов народных героев и людей, посвятивших себя борьбе за народное дело, за осуществление вековых чаяний человечества. Эта особенность революционной поэзии всегда несла в себе идейный заряд огромной силы.

Наряду с поэтами и писателями всех народов нашей страны, с прогрессивными представителями литературы многих стран мира значительный вклад в сокровищницу Ленинианы внесли представители и тюркоязычных народов, принявшие деятельное участие в создании ее самых первых вдохновенных страниц.

Достаточно вспомнить стихотворения узбекского поэта Хамида Алимджана, татарского поэта Хади Такташа, туркменского поэта и писателя Берды Кербабаяева, казахского поэта Сакена Сейфуллина, турецкого поэта Назыма Хикмета, таких народных акынов и поэтов-ашугов, как Джамбул, Токтогул, Сулейман Стальский и многих других, которые вслед за В. Маяковским, Е. Чаренцом и Г. Табидзе обогатили поэтическую Лениниану 20-х годов.

Над поисками новых художественных средств для создания образа «простого, как правда», «яркого, как солнце», «мудрее мудрых» гения революции, великого государственного деятеля, олицетворявшего собой самую передовую мысль эпохи, увлеченно работали и азербайджанские писатели. Поэты М. С. Ордубади, Али Моджуз, С. Рустам и другие своими произведениями, полными скорби в связи со смертью вождя и глубокой веры в бессмертие ленинского дела, заложили прочную основу азербайджанской Ленинианы. А южноазербайджанский поэт Али Моджуз еще при жизни вождя призывал свой угнетенный народ к борьбе за свободу под знаменем великого Ленина:

Ухватимся скорей за край его одежды.
— О Ленин, защити от угнетенья нас!
Моджуз, ты с ним свяжи моленья и надежды:
Он веку повзвестил освобожденья час!

(Перев. П. Панченко)

Отображая образ В. И. Ленина, воспевая его великие, преобразующие мир идеи, поэты подчеркивают неразрывное единство Ленина и пар-

тии. Они вдохновенно пишут о всенародной любви к Владимиру Ильичу, чье «имя славное... гремит над миром вновь и вновь».

О Ленин! Мы в сердцах храним к тебе сыновнюю любовь,
И имя славное твое гремит над миром вновь и вновь.
Азербайджанец с древних гор, из южных цветников Грузии,
Бурят из северных лесов, с эйлагов бархатных лезгин,
Туркмен, гарцуя на коне, с клинком сверкающим в руках,
С каспийских золотых степей свободный песенник казах,—
Со всех сторон идет народ, все к мавзолею держат путь,
У всех стремление одно—на площадь Красную взглянуть.

Где вечно Ленина хранит
Державный мрамор и гранит,
Где имя славное его,
Как солнце яркое, горит.

С. Вургун. «Мавзолей», 1955 г.
(в русском переводе «Ленин жив».)
(Перев. В. Гурвича).

Это произведение азербайджанского поэта перекликается со стихотворением узбекского поэта Х. Алимджана «Самарканд 21 января 1924 г.», в котором с большим чувством воспевается всенародная любовь к вождю мирового пролетариата.

Образ Ленина поэты рисуют в тесной связи с судьбами народов, с их борьбой за свободу. С большой искренностью и теплотой они пишут о нелегком пути революционной борьбы вождя, о победах, одержанных большевиками под руководством В. И. Ленина над классовым врагом.

Изучая бессмертное наследие В. И. Ленина — «итог мудрости земной», — находя в них ответы на все сложнейшие вопросы, выдвигаемые жизнью и революционной борьбой, поэты проникаются чувством глубокого восхищения гением вождя.

И я налюбоваться не могу
Вот этой книгой, лучшею на свете,
Здесь, на столе, раскрытой предо мной,
Она не сказка, чтоб читали дети, —
Она—итог всей мудрости земной...

С. Вургун. «Книга Ленина», 1950 г.
(в русском переводе «Читая Ленина».)
(Перев. П. Антокольского).

Событием в азербайджанской поэтической Лениниане следует считать поэму С. Вургуна «Знаменосец века» (1952), раскрывающую в ярких убедительных художественных образах идею неразрывного единства Ленина и партии. Поэму отличает эпическая монументальность, широкий охват исторических событий и сила обобщения. Она напоминает читателю о пройденных человечеством этапах борьбы за свободу на протяжении всей его истории. Читатель видит, что только с выходом на мировую арену революционного пролетариата освободительная борьба народов принимает организованный и победоносный характер: сражаются бесстрашные парижские коммунары; создается «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал»; «усиливаются стократ рядовые славных революций»; трудящиеся смотрят в завтра «глазами Ленина»; «настает Октябрь семнадцатого года»...

С большой эмоциональной силой в поэме выражена мысль, что основанные В. И. Лениным Коммунистическая партия и Советское государство представляют собой закономерный итог развития человеческого

общества, результат многовековой борьбы людей труда за свободу и справедливость на земле.

Поэма завершается строками, проникнутыми чувством безграничной любви и благодарности к партии Ленина—«знаменосцу века»:

Идет она в твердом и слитном строю,
Грядущему страсть отдавая свою;
И тысячи ленинских строк ее разум,
И тысячи глаз открываются разом,
Я тысячи юных сердец узнаю,—
Идут они в твердом и слитном строю.
Людских поколений слились голоса!
То наше единство и мужество наше!
А песня все шире, и выше, и краше!
И отзвук той песни везде раздался!
То наше единство и мужество наше!

(Перев. П. Антокольского)

Рисую образы Ленина и других вождей партии и народа как выдающихся партийных и государственных деятелей, поэты и писатели вместе с тем стремились показать их многосторонность, широту и глубину их личности. Самед Вургун, работавший над оставшейся незавершенной пьесой, посвященной теме борьбы В. И. Ленина с враждебными партиями в период установления первого в мире советского социалистического государства, в статье «Отразить великие образы нашей эпохи» (1941) писал: «Мне хотелось бы обратить внимание драматургов на необходимость показывать наших вождей не только как организаторов, но и как самых гуманных людей, как философов, ибо вся борьба нашей партии с враждебными партиями была одновременно и борьбой теоретической».

Столь же важную и сложную задачу поставил перед собой и азербайджанский поэт Расул Рза в своей получившей широкую известность поэме «Ленин». По глубине разработки ленинской темы, полноте охвата основных вех жизненного и революционного пути великого вождя, а также по силе художественного воплощения образа Ленина эта поэма занимает видное место в Лениниане советских поэтов. Поэт весь проникнут чувством огромной ответственности за взятую им на себя задачу. С первых же строк поэмы автор заявляет читателю, что, работая над ней, он призвал на помощь весь свой поэтический арсенал, все свое мастерство:

Как товарища,
на помощь
призывал я вдохновенье:
— Выручи меня!
Приди!..
...Ленин!
Где слова найти,
чтоб они могли сравниться
с этим словом
о пяти
буквах, полных до краев
смысла будущих веков?

(Перев. А. Тарковского)

Образ Ленина вырастает из строк поэмы величавый и монументальный. Читатель находит отображение этого всеобъемлющего образа в народном движении, в борьбе миллионов против гнета и несправедливости, за жизнь, достойную человека. Ленин в поэме — олицетворение самых светлых чаяний трудового народа, его извечных стремлений к свободе и счастью. Ленин—великий организатор и руководитель масс, поднявших-ся на борьбу с тиранией, гнетом, эксплуатацией.

В ярких и точных образах поэт шаг за шагом отображает суровые годы революционной борьбы: Петербург, тюрьмы, ссылки, эмиграцию, Финляндский вокзал, Октябрьские дни, ночь в Смольном, интервенцию, голод... В поэме воскрешаются важнейшие события, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина.

Ленин и народ, народная вера в ленинскую правду — одна из основных линий в творчестве азербайджанских поэтов. В единстве Ленина с народом, в силе народной любви и веры в Ленина поэты видят неизбежность и закономерность победы идей Ленина.

Исключительно большое место ленинская тема занимает в творчестве народных поэтов-певцов (ашугов, акынов и бахши). Тесно связанные с народом, живя и работая в его гуще, ашуги являются непосредственными правдивыми выразителями его мыслей и чувств. Образ Ленина — вождя и борца за народное счастье, мудрого, непреклонного и глубоко человеческого — навсегда вошел в сердца простых людей труда. Именно таким и воспевают его в своих многочисленных песнях народные певцы.

Творчество ашугов и акынов всегда отличалось острой отзывчивостью на общественные и социально-политические события в жизни страны. В условиях Советской власти они стали активными поэтическими пропагандистами политики нашей партии в народе, популяризаторами достижений страны в области экономики и культуры. Все явления счастливой жизни народа связывались и связываются с именем Ленина. Поэтому тема Ленина, Октябрьской социалистической революции и Коммунистической партии занимает в творчестве народных певцов главное место. Они с чувством законной гордости воспевают успехи социалистического строительства, которые стали возможны благодаря претворению в жизнь великих идей Ленина.

Киргизский акын Токтогул Салтыганов поет о том, как Ленин киргизам «дал добра, дал рудники золота и серебра, угнетенному народу дал он землю и свободу». В ряде своих произведений казахский акын Джамбул Джабаев воспевает Ленина как революционного преобразователя родного края, вдохновителя всех побед советской страны.

Азербайджанский ашуг Мамед из селения Карадонлу в стихотворении «Салам товарищу Ленину!» также прославляет Ленина как символ всенародного счастья:

Ты, кто дал нам Советов власть, мудрый Ленин, тебе привет!
Да не меркнет пусть никогда, вождь, зажженный тобою свет...
И в труде, и в бою с врагом нашей силе предела нет!
Пятилетка по всей стране зданья новые возвела...
Бедняка и середняка дружба вместе в колхоз ввела.
Для трудящихся жизнь теперь и привольна и весела...

(Перев. Б. Лебедева и Л. Кацнельсон)

Народные певцы славят вождя за то, что он «создал союз пастуха и кузнеца», что теперь в его стране «электрических фонарей яркий свет подобен луне», что «трактора бороздят поля, поднимается целина», что «в селах много открыто школ, и щечечут ребята в них», что «тьмы, невежества больше нет, нам сияет науки свет»... (ашуг Али из Казахстана).

Великой Октябрьской социалистической революции и ее великому вождю свои вдохновенные строки посвятили многие ашуги: Гусейн Джаван из Иранского Азербайджана, Иман, Вели, Гусейн Бозалганлы, Кязим, Афган и др.

Популярный азербайджанский ашуг Панах Панахов по специальному приглашению выступал по телевидению в Ульяновске с циклом своих песен, посвященных Ленину.

Значительное место занимает ленинская тема и в творчестве прозаиков. Эта тема всегда была органически связана с темой народно-освободительного движения народов Востока, с борьбой трудящихся за установление Советской власти. Писатели, разрабатывающие эту тему, рассказывают в своих произведениях о борьбе народных масс за свое социальное и национальное освобождение, об огромном значении для этой борьбы идей Октября и вождя революции Ленина. Не только в таких больших романах и повестях, как «Шамо» С. Рагимова, «Мир рушится» А. Абульгасана, «Утро» М. Гусейна, «Наступит день» М. Ибрагимова, «Манифест молодого человека» Мир Джалала, «Нина» С. Рахмана, «Северный ветер» Г. Мусаева, но и во многих других произведениях, посвященных революционной борьбе трудящихся, зримо или незримо, всегда присутствует образ В. И. Ленина. Взоры трудящихся с надеждой и верой обращены на север, к России, к Ленину, с именем которого неразрывно связано счастье и будущее народа.

В многотомной эпопее С. Рагимова «Шамо», повествующей о жизни дореволюционного азербайджанского крестьянства, росту классового самосознания бедняцких и середняцких слоев которого способствуют ленинские идеи, герой романа молодой чабан Шамо, ознакомившись с произведениями Ленина, становится в дальнейшем активным пропагандистом идей коммунизма в деревне.

В повести Мир Джалала «Манифест молодого человека», рассказывающей о классовой борьбе в Азербайджане после Октябрьской революции, есть эпизод, в котором революционер Багир, арестованный буржуазным правительством, предается казни за пропаганду идей Ленина. Он смело идет на смерть с именем Ленина на устах: «Казалось, все его существо нашло в этом имени свое освобождение. Словно вырвавшаяся из тесной клетки птица, его душа, паря в глубоком воздухе, радостно запела великую песню народа, песню, состоящую из одного имени».

Герои романов и повестей М. Гусейна, А. Абульгасана, С. Рахмана, Г. Мусаева, М. Ибрагимова и других идут на штурм старого мира, защищают родину, строят новую жизнь тоже с именем Ленина на устах. И хотя в этих произведениях еще нет целостного образа великого вождя, любовь народа к Ленину, верность его революционным идеям выражена в них художественно убедительно и ярко.

В рассказе «Ленинский источник» М. Ибрагимов повествует о безграничной благодарности и любви азербайджанских трудящихся к В. И. Ленину. Крестьяне соседних азербайджанских и армянских деревень называют именем великого вождя источник, который до революции служил объектом раздора между помещиками. Теперь же он принадлежит трудовому народу и назван именем человека, принесшего ему счастье. Вода — источник жизни и благоденствия, и присвоение источнику имени Ленина — глубоко символично.

Присутствие Ленина чувствуется в каждом добром начинании, в каждом важном и нужном для народа деле. Именем Ленина озарено все самое лучшее в жизни трудящихся. Образ Ленина можно видеть на каждой пяди родной земли: в наступающей весне народа, в улыбке стариков, в подвигах молодежи, милых сияющих глазах детей. Каждую минуту слышен его голос, дарящий жизнь и свободу (рассказ «Машриг» Мир Джалала).

Об участии азербайджанских трудящихся в революционном движении, руководимом Лениным, об их борьбе за укрепление молодого Советского государства говорится в цикле рассказов писателя Г. Мусаева «Морская спячка», «Подарок», «Серая папаха», «Генерал» и др.

Многие самые поэтичные страницы азербайджанской прозы посвящены глубоко и горячо любимому народом образу В. И. Ленина. Молодая ковроткачиха Гумру поднимается на высокогорное пастбище, чтобы из растущих здесь чудесных альпийских цветов изготовить необычные по яркости краски. Из окрашенной ими пряжи Гумру будет ткать ковер с портретом Ленина. Но в суровые дни «черной зимы» умирает человек, образ которого азербайджанская девушка запечатлела на ковре. Гумру глубоко переживает великое горе. Окрасив моток пряжи в черный цвет, она обрамляет портрет траурной каймой. Ковер с портретом вождя девушка дарит пастухам. Они вывешивают его в своей хижине на высокогорном эйлаге. Весною, после грозы, сопровождавшейся ливнем, Гумру решает взглянуть на свой ковер. Вешние воды затопили хижину чабанов, порывом ветра ковер сорван и брошен в воду, потоки которой всю ночь обмывали его. Но краски ковра не потускнели—они сохранили свою красоту и яркость: «Тысячами оттенков сверкал ковер под лучами весеннего солнца». Воды смыли лишь черную кайму, вытканную Гумру в день скорби. «Эх, дочка моя!—воскликнул старый пастух, глядя на удивленную Гумру.—Не для него черные краски... Ведь он — незакатное солнце наше!» (рассказ «Незакатное солнце» Э. Мамедханлы).

С большим тактом выведен образ Ленина в пьесе «Негасимые огни» М. Ибрагимова. В небольших картинах, хотя и несколько фрагментарно, но с проникновенной теплотой драматург рисует образ революционера-мыслителя, озабоченного судьбами пролетариата, раскрывает широту и полноту его интересов, простоту и чуткость великого государственного деятеля и человека.

Ленинская тема в художественной литературе — это всегда тема нашей современности, тема идейно-политического развития и духовного расцвета социалистического общества, тема нового человека коммунистической морали. Тема Ленина в литературе все больше расширяет свои границы, охватывая не только факты жизни и борьбы вождя, но и важнейшие политические и идеологические проблемы современности.

В лучших произведениях многонациональной советской литературы, посвященных Ленину, тема поднята на уровень больших общечеловеческих обобщений, философского переосмысления в исторической перспективе таких вопросов, как гений и человечество, вождь и народ, мыслитель и революционный преобразователь общества. Дальнейшая разработка темы требует от писателей и поэтов не только новых и более точных выразительных средств, но и умения художественно синтезировать в художественном образе вождя индивидуальное и историческое, личное и общечеловеческое, раскрывать в убедительных образах исторические достижения нашей действительности, питающие ее богатейшие идейно-политические истоки, которые в конечном итоге должны привести к полному осуществлению великих идеалов Ленина.

Одновременно воссоздание образа Ленина в литературе—это живой творческий процесс, неразрывно связанный с дальнейшим ростом мастерства наших поэтов и писателей, с обогащением опыта социалистического реализма в целом. Разработке этой темы чужды трескучая риторика, бесстрастная описательность и приторная сусальность. От писателя требуется, чтобы он здесь говорил в полный голос, внутренне убеж-

денно, вдохновенными и содержательными художественными образами. Создание образа Ленина—это научно-художественный процесс, способствующий обогащению опыта и совершенствованию реалистического мастерства представителей литературы, ведущий к вершинам социалистического искусства.

Писатели и поэты продолжают вести упорные творческие поиски для углубленного художественного раскрытия образа В. И. Ленина. Характерное для этих поисков чувство высокой ответственности является залогом того, что они добьются новых успехов в деле обогащения художественной Ленинианы новыми значительными произведениями.

Т. А. ЭФЕНДИЕВА

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ—ОСНОВА ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В НАШЕЙ СТРАНЕ

В теоретическом наследии В. И. Ленина значительное место занимают его труды по национальному вопросу.

В. И. Ленин, борясь за национальное равенство, последовательно выступал за право каждой нации на самоопределение, на развитие своей национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Обосновывая политику партии в национальном вопросе, В. И. Ленин наряду с другими аспектами неизменно придавал первостепенное значение и языковому аспекту этой политики. Он указывал, что сам характер многонационального социалистического государства, построенного на принципах демократии, свободы и равенства наций, предполагает обязательное и полное равноправие всех национальных языков. «...Насчет языка, — писал он, — все уступки и максимум равноправия»¹.

Прогрессивное значение принципа равноправия языков В. И. Ленин видел в том, что он — этот принцип — является мощным стимулом общественного развития, поскольку предоставление каждому народу возможности пользоваться своим родным языком является наиболее действенным средством распространения грамотности, подъема культуры широких народных масс, приобщения их к активной общественной и политической деятельности. Этот принцип В. И. Ленин отстаивал в ожесточенной борьбе с националистами всех мастей и толков.

Важнейшее значение для утверждения принципа равноправия языков как составной части политики партии в национальном вопросе имела позиция, занятая ленинцами на II съезде РСДРП, когда вопрос о взаимоотношениях и правах национальных языков впервые стал предметом обсуждения на партийном форуме и явился, по существу, одной из причин ухода В. И. Ленина из «Искры».

В. И. Ленин отмечал, что представители всех слоев буржуазии любой нации, добиваясь исключительных прав для своей нации, предоставления ей особых привилегий, в том числе и языковых, тем самым лишь раздувают пламя национальной розни. Ввиду этого, писал он, «демократическое государство безусловно должно признать *полную свободу* родных языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из языков. Демократическое государство не допустит подавления, майоризирования, ни единой национальности другою ни в одной области, ни в одной отрасли общественных дел»².

Языковое равенство В. И. Ленин расценивал как один из главных пунктов партийной программы. Он подчеркивал: «Национальная про-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 51, стр. 142.

² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 71—72.

грамма рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку»³.

Столь же бескомпромиссную позицию занимал В. И. Ленин и в вопросе о введении в стране после свержения самодержавия единого государственного языка, на роль которого в условиях России, естественно, выдвигался русский язык. Отвергая как аполитичное и противоречащее принципам пролетарского интернационализма требование о введении единого государственного языка, которое выдвигалось не только откровенными реакционерами, но и буржуазными либералами якобы в интересах развития культуры «единой и неделимой России», В. И. Ленин отмечал, что принятие такого требования может нанести непоправимый вред общему делу пролетариата.

В своих работах «Нужен ли обязательный государственный язык?», «Тезисы по национальному вопросу», «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин вскрывал буржуазно-шовинистическую сущность идеи общегосударственного языка, ее антимарксистский характер. В этих трудах он доказывал, что введение обязательного государственного языка, во-первых, может затормозить развитие национальных культур, и, во-вторых, оно в любом случае сопряжено с насилием, неизбежным принуждением, что несовместимо с марксизмом.

«Русскому народу, русской демократии — этого не нужно. Он не признает *никакого* национального угнетения хотя бы и «в интересах русской культуры и государственности»⁴, — писал В. И. Ленин.

Отвечая сторонникам единого государственного языка, В. И. Ленин пояснял: «Русский язык — велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.?

Все это верно, господа либералы, — отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство... Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, вкочлачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою... Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.»⁵.

Говоря о национальных различиях, В. И. Ленин отмечал, что эти различия сохранятся еще длительное время даже после победы коммунизма в мировом масштабе и окончательно исчезнут только на высшей фазе развития коммунистического общества. Но этапу полного слияния наций, в том числе и языкового, должен предшествовать длительный период всестороннего расцвета наций. Он настоятельно подчер-

³ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 118.

⁴ Там же, стр. 295.

⁵ Там же, стр. 294—295.

живал, что пока существуют нации, совершенно необходимо учитывать и национальные особенности.

В. И. Ленин глубоко понимал и высоко ценил могучую силу идейно-политического воздействия языка. Исходя из этого, он научно обосновал тезис о том, что покончить с безграмотностью и бескультурьем в стране, вывести миллионы людей из состояния духовной нищеты и экономической отсталости можно только при условии организации народного образования на родном языке каждого народа.

Этот подлинно демократический и интернациональный тезис он отстаивал от беспрестанных нападок реакции, представители которой утверждали, что лишь обучение на русском языке, искусственная русификация в состоянии положить конец безграмотности, вековой отсталости.

Разоблачив буржуазно-шовинистический характер этого требования, В. И. Ленин научно доказал, что только обучение на родном языке будет способствовать развитию национальных культур, воспитанию у трудящихся чувства национального и политического самосознания, расцвету экономики в отсталых национальных окраинах страны.

В. И. Ленин решительно отвергал теорию так называемой «культурно-национальной автономии» в вопросах образования и школьного строительства. Горячо поддержавшие эту теорию, выдвинутую австрийскими социал-демократами, бундовцы и меньшевики настаивали, в частности, на изъятии школьного дела из ведения государства и передаче его в распоряжение национальных союзов, которые, по их мнению, следовало специально организовать. В. И. Ленин подчеркивал, что попытка расчлнить школьное дело по национальному признаку только углубит пропасть между нациями. Защищая идею единой государственной школы с обучением на родном языке, В. И. Ленин, руководимая им большевистская партия провозгласили лозунг: «Школьная политика у рабочих всех наций едина: свобода родного языка, демократическая и светская школа»⁶.

Сформулированные В. И. Лениным принципиальные положения языковой проблемы легли в основу политики Коммунистической партии Советского Союза в области языкового строительства в стране.

Ленинские идеи о языке стали практически претворяться в жизнь с первых же дней после победы Великого Октября. Уже в ноябре 1917 года принцип равноправия всех народов и языков был юридически закреплен в известной «Декларации прав народов России». В марте 1919 года VIII съезд партии принял развернутую программу, в которой были определены задачи на период перехода от капитализма к социализму, в том числе и задачи в области национальной политики. В своих решениях съезд сформулировал также основные принципиальные положения строительства светской школы с преподаванием на родном языке, которые затем были закреплены в партийной программе. X съезд партии, состоявшийся в марте 1921 года, уделил большое внимание вопросам дальнейшего развития межнациональных отношений, наметил конкретные задачи в области достижения фактического равноправия народов Советского Союза.

В резолюции съезда по национальному вопросу настоятельно подчеркивалась необходимость предоставления всем народам страны возможности свободно пользоваться и развивать свои родные языки.

В. И. Ленин научно доказал, что претворение в жизнь задач социалистического строительства, включая и достижения фактического рав-

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 72.

ноправия всех наций, населяющих нашу страну, возможны только при условии осуществления культурной революции, чего в свою очередь нельзя достигнуть без всеобщей грамотности населения. Выполнение же этой задачи в масштабах всей страны представляло собой дело величайшей сложности, ввиду того что подавляющее большинство народов России не имело собственной письменности и, следовательно, письменной литературы, учебников и т. д.

К моменту свершения социалистической революции народы, населяющие территорию России, находились на самых различных уровнях культурного развития. Чрезвычайно запутанным было языковое хозяйство, доставшееся молодому Советскому государству в наследство от царизма. В то время как одни народы уже оформились в буржуазные нации, каждая со своим уже развитым национальным литературным языком, другие пока еще не достигли этой стадии развития, хотя имели письменность и литературный язык, а третьи представляли собой мелкие народности или племенные группы с племенными языками и наречиями, не имевшими своей письменности.

Положение с письменностью было особенно сложным. Собственную графику письма в тот период имели лишь русские, украинцы, белорусы, грузины и армяне. В целом из 130 языков, на которых говорили народы нашей страны, только около двух десятков имели более или менее развитую письменность. Некоторые народы православного вероисповедания использовали в том или ином виде русскую графику, ряд других пользовался латинской графикой. Народы, исповадовавшие ламаистскую веру, использовали письмо, представляющее собой разновидность древнеуйгурско-монгольской письменности, последователи различных толков иудаизма — древнееврейскую письменность, а 16 мусульманских народов Кавказа и Средней Азии — арабский алфавит.

Такое положение с письменностью наряду с другими факторами обусловило крайне низкий процент грамотности среди не только бесписьменных народов, но и народов, имевших свое собственное письмо. Жители Крайнего Севера были сплошь неграмотными, среди народов, населявших Кавказ, Поволжье и Среднюю Азию, грамотность колебалась в пределах от 1 до 2 процентов, а в Азербайджане неграмотным было 95,9 процента населения.

Ввиду этого первоочередной задачей Советского государства сразу же после победы Великого Октября в нашей стране стало создание письменности для тех народов, которые ее не имели, а также улучшение существовавших алфавитов. Решение этой и без того трудной задачи осложнялось еще и тем обстоятельством, что языки народов, населяющих нашу страну, крайне разнообразны по структуре и относятся к различным генетическим семьям и группам. Более того, ввиду неравномерности культурного развития народов их языки находились на разных уровнях и с точки зрения выполняемых общественных функций.

Советские ученые-лингвисты, многочисленные деятели культуры различных национальностей проделали титаническую работу по улучшению существующих и созданию новых письменностей для языков народов страны. Были созданы специальные комиссии для разработки новых алфавитов.

Языковое строительство, развернувшееся в нашей стране сразу же после победы Советской власти, по своей интенсивности не знает себе равных в истории. За первые 10 лет существования Советского государства была создана письменность для 50 языков, не имевших ранее соб-

ственного письма, а все существовавшие алфавиты были коренным образом улучшены. В частности, национальности, пользовавшиеся ранее арабским алфавитом, перешли на более доступную для широких народных масс латинизированную графику, что В. И. Ленин расценил как революцию на Востоке.

Параллельно с этой работой ученые развернули широкие исследования в области истории и структуры национальных языков.

Языковое строительство в нашей стране осуществляется в соответствии с выработанной Коммунистической партией программой по национальному вопросу. Эта программа, способствуя свободному развитию каждой нации, вместе с тем содействует интернациональному сплочению всех трудящихся.

Свободное развитие наций в языковой области выражается в ничем не скованном развитии национальных языков, все большем укреплении их позиций, расширении их социальных функций, все более широком использовании потенциальных возможностей каждого языка. Все это способствует развитию и совершенствованию внутриязыковых традиций, национальных структурно-грамматических систем.

Национальные языки на базе своих собственных ресурсов постоянно вырабатывают новые лексико-фразеологические, семантические, морфологические, синтаксические и стилистические средства. Большое развитие получила национальная общественно-политическая, научно-техническая, производственная, учебно-педагогическая и другая терминология, упорядочиваются языковые нормы и т. д.

Развитие интернационального, общего с другими нациями, способствует в области языкового строительства широкому распространению русского языка как средства взаимного общения всех наций, народностей и этнических групп нашей страны, средства приобщения их к русской и мировой культуре.

Наряду с этим в стране развиваются различные типы двуязычия и многоязычия, усиливается сотрудничество языков, интенсифицируются межъязыковые контакты, усиливается процесс взаимодействия языков, обогащения их заимствованиями, возрастает интернационализация терминологических систем, все более четко обрисовывается формирование общего для языков всех народов нашей страны лексического фонда и т. д.

Широкое распространение русского языка как языка межнационального общения, а также тесное взаимодействие национальных языков народов СССР способствуют укреплению социалистического содружества наций, координации их усилий во всех областях производственной, общественной, политической и культурной жизни.

Сочетание национального и интернационального — важнейший принцип языкового строительства в нашей стране. Всякое проявление пренебрежения к языковой культуре другого народа, равно как и выпячивание национальной языковой специфики или недооценка языка межнационального общения — русского языка, — представляют собой крайности, чуждые пролетарскому интернационализму, противоречащие марксистско-ленинской идеологии и наносящие ущерб делу коммунистического строительства.

Ленинские высказывания о языке, обоснованный им принцип равноправия национальных языков, настоятельное подчеркивание необходимости правильного сочетания национального и интернационального в языковой политике — стали плодотворной основой выдающихся успехов языкового строительства в Советском Союзе, явились важным вкладом в культурную революцию, осуществленную нашим народом под руководством Коммунистической партии.

Огромные успехи, достигнутые в языковом строительстве страны за годы Советской власти, отчетливо видны на примере Советского Азербайджана, который в нынешнем году празднует свой полувековой юбилей.

Как уже упоминалось выше, в дореволюционном Азербайджане из каждых 100 человек населения почти 96 были неграмотными. Ныне Азербайджан — край сплошной грамотности. В республике функционируют тысячи школ, десятки средних специальных и высших учебных заведений. Почти каждый третий житель здесь учится. В народном хозяйстве республики в настоящее время трудится почти 250 тыс. специалистов с высшим и средним образованием. В Азербайджане, где до установления Советской власти не было ни одного научного учреждения, сейчас их насчитывается более 130. В этих исследовательских центрах работает около 16 тыс. научных работников, в том числе свыше 5 тыс. кандидатов и докторов наук.

Осуществление таких подлинно революционных преобразований в жизни азербайджанского народа было бы немыслимым без той поистине колоссальной работы, которая ведется в республике в области языкового строительства.

За полвека в Азербайджане подготовлено много работ по углубленному научному изучению азербайджанского языка как в диахроническом, так и в синхроническом направлениях. Осуществлен переход на новый алфавит, проведены многочисленные исследования в различных областях языка: его лексического, грамматического строя, фонетической системы, стилистических особенностей, по созданию различных словарей.

Научными центрами осуществления всей этой работы стали Институт языкознания Академии наук Азербайджанской ССР, языковедческие кафедры вузов республики.

Азербайджанскими филологами выполнена важная работа по созданию научной грамматики азербайджанского языка. Значительные успехи достигнуты в области лексикографии. В республике завершается работа по созданию четырехтомного толкового словаря азербайджанского языка.

Многое сделано в республике и для изучения диалектов. Азербайджанскими диалектологами созданы капитальные труды. Подготовлен диалектологический атлас азербайджанского языка и издан диалектологический словарь. Благодаря успехам в этой области на азербайджанских диалектологов возложена ответственная задача — возглавить работу по созданию диалектологического атласа языков тюркоязычных народов СССР.

За последнее время серьезные успехи достигнуты и в области изучения истории азербайджанского литературного языка. Созданы работы по исторической грамматике азербайджанского языка, осуществлен перевод словаря «Дивани лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари на азербайджанский и русский языки.

Об успехах, достигнутых азербайджанским языкознанием, свидетельствует и тот факт, что Азербайджан стал одним из основных центров развития советской тюркологической науки. В Баку проходил первый тюркологический съезд, здесь проводился ряд всесоюзных совещаний, посвященных различным вопросам морфологии, синтаксиса, лексикологии и диалектологии тюркских языков. В столице Азербайджана регулярно выпускается сборник «Вопросы диалектологии тюркских языков», началось издание всесоюзного научно-теоретического журнала «Советская тюркология».

Серьезные успехи достигнуты в Азербайджане и в деле распространения русского языка как языка межнационального общения. Важный вклад в решение этой задачи первостепенной важности внесли филологи республики, создавшие многочисленные учебники и учебные пособия по изучению русского языка в нерусских школах, необходимую методическую литературу, ряд азербайджанско-русских и русско-азербайджанских словарей.

Все это в решающей степени содействовало широкому распространению в Азербайджане русского языка и, следовательно, приобщению азербайджанского народа к русской и мировой культуре, обогащению азербайджанского языка, его лексического фонда, особенно терминологии.

Высказывания В. И. Ленина о языке не утратили своей актуальности и в условиях развернутого коммунистического строительства, легли в основу принятой XXII съездом КПСС Программы нашей партии, которая ставит перед партией, всем советским народом в этой области задачу: «Обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения.

Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре⁷.

⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, стр. 115.

Н. З. ГАДЖИЕВА

ПРИРОДА ИЗАФЕТА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Изафет является своеобразной формой определительных словосочетаний. Этот тип отношений между двумя именами пронизывает всю структуру тюркских языков, являясь как бы ключом к пониманию многих синтаксических категорий. Изафету уделялось немало внимания в тюркологических исследованиях, однако его сущность недостаточно раскрыта. Тюркский изафет отличается не только рядом особенностей, выходящих за рамки всех прочих атрибутивных отношений, но и многообразием форм. Поэтому при выявлении общих исторических тенденций в развитии настоящей синтаксической категории необходимо учитывать ее специфические проявления в отдельных тюркских языках.

Изафет как синтаксическая категория легко объясним с точки зрения общих типологических черт тюркских языков. Как и всякая определительная группа, изафет подчиняется ведущему закону языков агглютинативного строя — закону порядка слов: определение + определяемое. Существующие в тюркологической литературе определения сущности изафета обычно основываются на том или ином его свойстве, но не охватывают всей категории в целом. С. С. Майзель считает, что «турецкий изафет представляет собой такое сочетание двух существительных, из которых одно, стоящее в родительном или неопределенном падеже, является определением и одновременно дополнением к другому определяемому и одновременно дополняемому»¹. Можно согласиться с этим положением, отражающим лишь функциональный признак изафетных сочетаний, однако к утверждению С. С. Майзеля, что «изафет — показатель субстантивности членов, а не адъективности»², следует подходить критически. Как будет показано ниже, в I типе изафета (ср.: азерб. *dâmir jol* «железная дорога») наблюдается известная адъективизация.

А. К. Боровков усматривает характерные особенности изафета в том, что в сочетании существительных исторически определилась и форма словообразования, т. е. возникновение новых понятий посредством абстрагирования предметного свойства, когда существительное определяет новую природу уже известного в практике предмета³. Ср.: карач.-

¹ С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 13.

² Там же, стр. 17. Этот же функциональный признак лежит в основе определения изафета у авторов Алтайской грамматики (Казань, 1869). См. также: Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956 и др.

³ А. К. Боровков. Природа турецкого изафета. — Сб. «Академику Н. Я. Марру». XLV. М.—Л., 1935, стр. 169.

балк. *alma terek'* «яблоня (яблоко дерево)». Таким образом, «сочетание существительных включает в себя момент словообразования»⁴. В целом ряде грамматик тюркских языков изафет понимается слишком широко. Зачастую его толкуют как обычный тип определительных словосочетаний. Ср.: азерб. *jaxшы адам, узун ип, узар жол*⁵; кирг. *beş oquucu*⁶; турец. *on yedi defter*⁷.

В отличие от обычных словосочетаний изафет представляет собой такую определительную группу, в которой определяемое, являясь всегда субстантивом, характеризуется с точки зрения принадлежности к другому предмету, или различных форм отношения к нему. Традиционная грамматика обычно выделяет три типа изафета, на классификационном признаке выделения которых останавливаться излишне⁸. Необходимо подчеркнуть весьма неоднородный характер всех этих типов в плане их отношения к самой категории изафетных сочетаний. Квалификация изафета может проходить в двух аспектах:

1. Изафет характеризуется только с формальной стороны как сочетание двух существительных. Этот аспект выдерживается во всех написанных до сих пор тюркологических работах.

2. Изафет рассматривается как с грамматической, так и с логической точки зрения. Второй аспект квалификации изафета нам представляется более точным и полноценным.

I тип изафета по своему смысловому содержанию имеет только терминологическое значение, так как первый его член может быть адъективизирован, и фактически мы здесь имеем адъективизированное словосочетание. Отсутствие грамматического оформления — аффикса принадлежности у второго члена — мотивировано. От существительного отвлечается признак, который характеризует предмет не с качественной стороны, а в соотношении с другим предметом. Ср.: азерб. *ağaz gasyq* «деревянная ложка». Адъективизированная природа первого члена доказывается и возможностью раздвижения словом *bir*. Ср.: азерб. *гранит бир күтлә кими* (Ибр. Сары, 23) «как гранитный массив» (по аналогии: *jaxsy bir adam* «хороший человек»).

Первый член в такого рода изафетных сочетаниях настолько адъективизировался, что о его природе как имени существительного можно говорить лишь в историческом плане⁹.

Семантическое изменение произошло у имени существительного, выступающего в изафетных сочетаниях на правах нумеративного слова. Ср.: кирг. *stakan suu* «стакан воды», где первый член, выражая меру, приближается по своей семантике к числительному. Адъективизированная природа определения, обозначающего состав, вещество, ярко про-

⁴ А. К. Боровков. Природа турецкого изафета. — Сб. «Академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 170.

⁵ Грамматика азербайджанского языка. Синтаксис, ч. II. Баку, 1959, стр. 19.

⁶ И. А. Батманов. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940, стр. 13.

⁷ См. об этом, например: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 408; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 224.

⁸ С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 50.

⁹ С. С. Майзель отмечал подобные явления применительно к первому типу изафета, «первые члены которого представляют собой иностранные (преимущественно французские) слова, осознававшиеся еще несколько десятилетий тому назад как существительные, ... все чаще и чаще теряют характер изафета, вследствие того, что первые члены стали осознаваться как прилагательные: *burjuia ideal* «буржуазный идеал», *lüks bir varik* «пароход-люкс» (Указ. раб., стр. 179—180).

является при его переносном значении. Ср.: азерб. *das ügäk'* «каменное сердце», казах. *altyn püg* «золотой луч», татар. *куркак син, куян йөрәк!* (Эмир. Сас. чэч. 39) «трус ты, заячье сердце!».

Как известно, употребление первого типа изафета связано с определенными семантическими условиями. Для всех тюркских языков общим условием является следующее: определение должно указывать на состав, вещество или материал, из которого сделано определяемое. Ср.: алт. *алтын чечек* «золотые цветы» (Баск. Туба, 18), казах. *тиін ішік* «беличья шуба» (Рус. каз., 42), татар. *сатин күлмәк* «сатиновая рубашка», узб. *тош девор* «каменная стена» (Кон., 355), хак. *ағас тахта* «деревянный мост» (Хак., 467), чуваш. *кемел сәре* «серебряное кольцо» (Аш. Оп., 93), якут. *мас дьиэ* «деревянный дом» (Убр. Ис., I, 183) и др.

Семантическим условием употребления изафета I, общим для большинства тюркских языков, является случай, когда определение выражает меру, размер, форму и пр. Ср.: казах. *отар-отар койлар менен, үйір-үйір жылқылар* (Слан. Шал., 3) «отары овец и косяки лошадей», турец.

bes litre süt «пять литров молока» (Майз., 50).

В целом ряде тюркских языков в I типе изафета определение обозначает профессию, специальность, официальные звания, титулы, ученую степень, принадлежность к определенному полу, собственные имена и пр. Ср.: турец. *tatar arabası* «татарин-извозчик» (Кон. Гр., 409), узб. *темирчи Карим* «кузнец Карим» (Кон., 355), чуваш. *Таваш хуҫа* «чувашин-купец» (Аш. Оп., 2).

Семасиологические условия употребления изафета I различны в отдельных тюркских языках. Значения собственных имен, географических названий, национальной принадлежности передаются в тюркских языках I и II типами изафета. Ср.: значение национальной принадлежности, которое на правах определения дает в большинстве тюркских языков II тип изафета; в кумыкском, тувинском, в памятниках древнетюркской письменности более распространен I тип. Ср.: кум. *кьумукъ тиль* «кумыкский язык» (Дм., 181), тув. *тыва улус* «тувинский народ» (Тыва Домак, 3, 5); пам. Кюль-Тегин: *Турк будун* (28) «тюркский народ» (Мал. Пам., 36).

Употребление I типа изафета в тех случаях, когда параллельно употребляется и II тип, свидетельствует, в частности, и о том, что происходящий процесс адъективизации сделал излишним употребление аффикса принадлежности. В кумыкском языке существует очень слабое смысловое разграничение между I и II типами изафета. Сплошь и рядом одно и то же выражение встречается в одной газете в двух вариантах: *сайлав участкалары и сайлав участкалар* «избирательные участки»¹⁰.

Кроме того, в отдельных тюркских языках есть изафетные сочетания с настолько сильно адъективизированным первым членом, что они приближаются по структуре своей к обычным определительным словосочетаниям. Ср.: азерб. *чәкмә тикән* «сапожник» (Аз. Гр., II, 23), кирг. *дын, жерлер* «целинные земли» (Кир., 206). I тип изафета встречается и в тех случаях, когда по всем семантическим условиям закономерно употребление III типа. В основном эти случаи характерны для ранних памятников древнетюркской письменности. Отчасти это можно объяснить древностью I типа изафета, удобством выражать отношения между словами синтаксическими средствами в условиях, когда морфологические показатели еще недостаточно утвердились. Ср. памятник уйгурского письма манихейского содержания V в. н. э.: *t(ā)nırig aruу nomuу biltükümüз da baru*

¹⁰ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 181.

(118) «живя в знании истинного божества и чистого закона» (Мал. Пам., 122). I тип изафета употребляется по семантическим условиям III типа изафета в случаях, когда изафет входит в группу предиката. Предикат всегда предполагает категориальность, известную долю неопределенности. Имя существительное в качестве подлежащего конкретнее имени существительного в значении предиката. Таким образом, свойство предиката как бы раздвигает изафет. Ср. памятники древнетюркской письменности: *Qaqa jol täp, gimän* (83) «Я черное божество судеб» (Мал. Пам., 90).

Более широкое распространение I типа изафета, его предпочтение даже в тех случаях, когда в других тюркских языках ему соответствуют II и III типы, говорит о известной древности этого типа. В кумыкском и чувашском языках I тип изафета является преобладающим. Все это позволяет отнести I тип изафета к тюркской праязыковой общности. О значительной древности I типа изафета как способа выражения синтаксических отношений свидетельствуют сохранившиеся тесно спаянные комплексы словосочетаний, построенные по этому типу. Они осознаются как сложные слова, выражающие единое понятие. Роль изафета здесь чисто вспомогательная, приближающаяся к способу аналитического словообразования. Ср.: башк. *куян арба* «таратайка» (досл. заяц-арба) (Дм. Гр., 224).

II тип изафета. Согласно традиционному в тюркологической литературе определению, первый член II типа изафета выражает неопределенное родовое понятие. Наиболее точно это сформулировано у Н. К. Дмитриева¹¹. Однако такое определение требует некоторых уточнений. Прежде всего употребление изафета II вызвано различными семантическими условиями. Мы считаем возможным выделить следующие случаи:

1) Родовое категориальное понятие, точно не определенное. Ср.: хак. *инъе хулагы* «игольное ушко» (Хак., 67), шорск. *шана курчеги* «лыжная лопатка» (Дыр., 275).

2) Изафет II выражает конкретное соотношение предметов. Во избежание плеоназма может действовать принцип технического удобства: опущение родительного падежа у первого члена изафетного сочетания. Ср.: каракалп. *Саат 11-де райком бюросына шакырыпты* (Сейт. Кызыл, 53) «В одиннадцать часов его позвали на бюро райкома»; чуваш. *Сырма херринте* «на краю оврага» (Аш. Оп., 97); древнетюркск. *Тäp, gi kücinä* (81) «по могуществу неба» (Мал. Пам., 86); «Кутадгу билиг»:

Jumytty an, ar bäg azun ödrümi «Собрались около него начальники, избранники мира» (Мал. Пам., 270). Помимо технических причин опущения родительного падежа имеется ряд других факторов, способствующих этому процессу. Первый член изафета может выступать без родительного падежа, если он входит в группу с числительным. Ср.: енисейск. *jüz är jüzi bāglär bän, izi bärlik* кашы «лица ста мужей, взгляд князей (беков); бровь правления» (bärlük?) (Мал. Енис., 50). Первый член может не иметь родительного падежа, если он входит в предикативную группу. Ср. материал памятников древнетюркской письменности: *Kijik oçlu män* (83) «Я детеныш оленя» (Мал. Пам., 89). Предикативность в данном случае ослабляет определительные отношения. Изафет II употребляется и при указании на конкретное лицо — обладателя чего-либо, в этих случаях, казалось бы, более закономерно употребление изафета III.

¹¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, М—Л., 1948, стр. 226.

Первый член — имя собственное, географическое название и пр. Ср.: азерб. Бура Илич бухтасыдыр (Аз. гад.) «Здесь бухта Ильича».

3) Связь между членами изафетного сочетания может идти по линии объектных отношений. Ср.: татар. Бу сөйләшүләр нәтижәсендә Мөстафин үзе дә йорт салдыру мәсьәләсен хәл кылынып беткән шикелле тоя башлый иде (Әмир., 39) «В результате этих разговоров Мустафин почувствовал, что он уже решил вопрос о постройке дома», или турец. Galiba şu mektup meselesini soracaksınız (S. Ali, Şeytan, 24) «Вероятно, вы спросите о том письме».

4) Соотношение членов изафетного сочетания принимает такой характер, что внешние рамки изафета иногда соответствуют русским кавычкам¹². Ср.: туркм. Ондан сон, болса, «гыз гачды» диен хабары обанын, ичине яйратмакчы болуп... (Сарых., 30) «Затем в деревне распространилась весть о том, что «девушка сбежала». Таким образом, изафет II может служить только средством связи, и, как и в иранских языках, он может соединять с именем существительным адъективизировавшийся признак. Ср.: азерб. gadyn säsi «женский голос»; казах. bidaj uпу «пшеничная мука», тувин. tarylga sölü «посевная площадь», хак. хомзунус угу «жалобная песня». Адъективизированные и по своей природе являются и изафетные сочетания, в которых первый член выражает родовую, национальную принадлежность. Ср.: кирг. kыргыз eli «киргизский народ», ногайск. noğaj tili «ногайский язык», туркм. rus dili «русский язык», узб. ўзбек tili «узбекский язык», хак. хакас tili «хакасский язык», чуваш. savas celxi «чувашский язык» и т. д.

Говоря об употреблении изафета II, следует опять-таки учитывать его особенности в отдельных тюркских языках. Так, например, в якутском языке изафет семантически довольно ограничен и выражает преимущественно отношение определяемого к определению по признаку принадлежности: Kihii ата «лошадь человека», tyal tyaha «шум ветра». В якутском языке совершенно невозможны изафетные конструкции, встречающиеся в других тюркских языках. Ср.: казах. kus fermasy «птичья ферма», узб. «Pравda» gazetasi «газета «Правда»¹³.

Объясняется это прежде всего тем, что в якутском языке нет родительного падежа — «вероятно, потому, что в нем, как это показывает и семантика прямого дополнения в неформленном падеже, категория определенности не играет такой роли, какую она играет во многих других тюркских языках. В якутском языке определение всегда выражает конкретного обладателя, будь то лицо или предмет: киһи аата «имя человека»¹⁴. В кумыкском же языке очень трудно провести смысловое разграничение между I и II типами изафета. Для кумыкского языка I изафет является наиболее типичным, II изафет употребляется реже, и говорящий по-кумыкски охотнее склоняется к I типу, который он воспринимает в том же значении, что и II¹⁵. Ср.: кумык. til «кумыкский язык». В чувашском языке, напротив, наиболее распространен II тип изафета. Ср.: чуваш. чăваш чĕлхи «чувашский язык» (Дм. Терм., 122). II тип изафета употребляется в чувашском языке и в том случае, когда его первый член выражает название материалов, из которых сделан определяемый предмет. Ср.: пилеш хулли

¹² Н. К. Дмитриев такие отношения членов изафета называет редакционно-стилистическими. См.: Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 226.

¹³ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка, I, М.—Л., 1950, стр. 54.

¹⁴ Там же, стр. 40.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 181.

«рябиновый прут»; верене вутти «кленовые дрова» (Аш. Оп., 95)¹⁶. Очевидна архаичность II типа изафета, который мог существовать уже в ранний период тюркской языковой общности. Об этом свидетельствует прежде всего его тотальная распространенность по всем тюркским языкам. Вместе с тем целый ряд тюркских языков отражает процессы конкуррирования I и II типов изафета. Имеются факты, свидетельствующие о том, что II тип изафета выступает и в случаях преимущественного употребления I типа. Ср. изафетные сочетания, в которых первый член указывает на материальную основу. Ср.: турец. *badem ezmesi* «миндальное повидло» (Майз., 33), чуваш. йуман хама «дубовая доска» (Аш. Оп., 94), шорск. *koj tügi* «овечья шерсть». Однако случаи эти, отражающие своеобразие в употреблении изафета в отдельных тюркских языках, в целом не типичны. В общетюркском масштабе в процессе конкуренции двух типов изафета победу одерживает I тип как наиболее удобный для выражения отношений между словами одними синтаксическими средствами. Для доказательства нашей гипотезы попытаемся установить хронологию в семантическом развитии изафета II. Можно предположить, что наиболее архаичным значением изафета II было выражение принадлежности. Об этом свидетельствуют: 1) факты якутского языка, в котором изафет довольно ограничен и выражает преимущественно отношение определения к определению по признаку принадлежности. Ср.: *Киһи ата* «лошадь человека»¹⁷; 2) во всех тюркских языках имеются факты употребления изафета II для выражения вполне определенного соотношения предметов¹⁸. Ср.: чуваш. *Атте лаши* «лошадь отца» (Аш. Оп., 24). Показательны случаи употребления изафета II при указании на конкретное лицо — обладателя чего-либо (кого-либо). Ср.: карач.-балк. *Хасан кызу* «дочь Гасана» и т. д.; 3) выражение отношений по признаку принадлежности сохранилось в особом разряде изафета II, образованном по модели *Арат хаты* «Письмо моей старшей сестры»; 4) по происхождению члены изафетного сочетания могут быть субстантивами, ср. разряд изафета II, передающего объектные отношения. Ср.: азерб. *k'itab* охиптазу «чтение книги» и т. д.; 5) развитие значения родовой категориальности, естественно связанной с понятием неопределенности, происходит параллельно со становлением самой категории определенности-неопределенности, существующей в тюркских языках не изначально.

Таким образом, выражение родовой категориальности не могло быть первичным значением у изафета II. Последнее значение развилось на базе основного значения, связанного с выражением принадлежности. Изафет II дает цепь семантических переносов. Как видно, значение родовой категориальности дало почву для сильной адъективизации¹⁹. В сочетаниях типа *gus kyzu* изафет фактически стал только средством связи, но не показателем принадлежности. В кумыкском языке при адъективизации нет связующего средства (наподобие обычных определительных словосочетаний). В языках же типа татарского (ср.: *tatar tele*) в виде пере-

¹⁶ По второму типу изафета оформляются и сочетания, в которых первый член выражен названиями рек, озер, городов, собственными именами и пр.: таваш халахе «народ чуваш». (Аш. Оп., 5).

¹⁷ Е. И. Убрятова. Указ. раб., стр. 38, 41, 54.

¹⁸ Помимо случаев ситуативного употребления (в предикативной группе, в группе с числительным).

¹⁹ В этом отношении нельзя принять в качестве единственного то определение, которое дается А. К. Боровковым: «II тип изафета — это обратное соприложение, обнаруживающее такое соотношение существительных, когда мы имеем дело с дополнением, а не определением». (Указ. раб., стр. 174).

житка сохраняется аффикс -е. Наконец, расширяя семантические возможности употребления, изафет приближается к средству простой связи. Ср.: казах. Ән және би ансамблі «ансамбль песни и пляски». (Рус. каз., 24). Такова эволюция семантического развития изафета II. Что же касается структуры изафета II, то следует отметить, что он, так же как изафет I, сопротивляется раздвижению. В случае, когда определяемое имеет несколько определений, то определение, которое составляет с ним изафет, располагается в непосредственной близости от него. Ср.: турец.

Nazlı nahif bir İstanbul çocugusun (Reşat Nuri, 5) «Ты избалованный хрупкий стамбульский ребенок» и т. д.

Изафет III можно рассматривать как истинный изафет в том смысле, что он представляет собой сочетание двух существительных, и оба члена сохраняют свои именные свойства. Поскольку в III типе определение указывает преимущественно на индивидуальный предмет, то здесь и преобладают отношения принадлежности. III тип изафета связан с развитием категории определенности, находящей свое формальное выражение в родительном падеже. Поэтому III тип изафета встречается в тех тюркских языках, где развит родительный падеж (т. е. во всех языках, кроме якутского). Степень его распространенности в тюркских языках различна. Так, например, в чувашском языке изафет III употребляется так же, как и изафет I. Однако преимущества сохраняются за II типом. Можно условно предположить, что II тип обслуживал два значения:

А затем могло произойти расщепление значений:

Возникнув в связи с развитием родительного падежа, служащего для более точного указания отношений принадлежности, изафет III в целом имеет гораздо более суженные рамки употребления, чем I и II типы. Это объясняется отчасти стремлением избежать плеоназма. Наблюдается и другая тенденция, грамматически вполне мотивированная. Все три типа изафета, образующие единую цепь в пределах одной грамматической категории, будучи взаимозаменяемыми, приобретают нечто общее в семантическом плане. Некоторые факты дают основание считать, что изафет III иногда может иметь значение неопределенной категориальности. Ср.: азерб. ахшамын сөһбәти (Аз. Гр., II, 37) «вечерняя беседа», каз. жүректін, демікпесі «сердечная астма» (Рус. каз., 30) и пр. При относительной

условности употребления изафета III есть случаи, когда необходимость его продиктована контекстом, а именно: изафетное сочетание имеет определение-уточнитель — указательное или притяжательное местоимение, числительное и т. д. Ср.: туркм. Ин_1 улы яран₁ хем авусы гидер, эмма яман сөзүн₁ авусы гитмез (Мудрость — 15) «Боль от самой большой раны пройдет, а боль от дурного слова не пройдет», чуваш. Ҷака перененен *тарашше «длина этого бревна» (Аш. Оп., 97).

Родительный падеж определения, сохраняясь, может выражать родовую генетическую определенность, соответствуя родовому (генетическому) артиклю в индоевропейских языках²⁰. Ср.: тув. Тенектин₁ сөзү анчыг, теректин₁ бүрүзү ажыг «У тополя листья горьки, у глупца слова противны» (Тыва домак, 30—31).

Как правило, родительный падеж определения сохраняется в изафетном сочетании в случае, если оно раздвинуто включением других определений, и непосредственный контакт между членами изафета отсутствует. В тюркских языках существуют различные причины такого раздвижения. Не всегда действует только фактор выражения определенности. Причины могут заключаться в чисто семантической стороне изафетного сочетания. Передаваемые изафетом III отношения не составляют органической характеристики предмета. Это больше категориальные отношения. Немаловажное значение имеет и фактор структурной организованности изафетного сочетания. Чем больше разрыв между членами изафета, тем больше ощущается необходимость в сохранении родительного падежа. И, наконец, может действовать эмфатический фактор — стремление выделить первый член изафетного сочетания. Ср.: татар. Авылга житкәч, колхоз идарәсенен₁, зур мичле, кечкенә тәрәзәле жылы булма-сендә... агайлар белән анысын-монысын сөйләшеп утыра (Әмир., 7) «Приехав в деревню, он сидит и беседует со стариками о том, о сем в теплой комнате правления колхоза с большой печью и маленькими окнами», или турец. Mecidenin, kapıdan çıkarken, eline dokunup parmakları Ömeri kırkıgını etmişti (S. Ali—Şeytan, 51) «Прикосновение пальцев Омера к руке Меджиде при ее выходе из дверей бросило его в краску».

В соответствии с действующим законом синтаксической структуры тюркских языков: определение+определяемое-изафет может включать развернутые конструкции, передающие разнообразные подчинительные отношения. Ср.: узб. Онанинг кечалари айтган алласи нақадар ширин (Шарип., 36) «Как приятна колыбельная песня, которую вечерами поет мать».

Изафет III, пронизывая структуру как простых, так и сложных построений, нередко образует последовательную цепочку, части которой могут быть однородными и неоднородными. Ср.: азерб. Намы амансыз вә гәддар дүшмәнин тезликлә торпағымыздан говулмасы арзусу илә јашајыр (Ибр. Сары, 4) «Все живут желанием поскорее прогнать с нашей земли жестокого и вероломного врага».

В заключение следует отметить, что изафет III, основанный на генитивных конструкциях, появился, очевидно, позже I и II типов, так что его можно отнести скорее к наиболее позднему периоду тюркской праязыковой общности. I тип, основанный на примыкании, своим генетическим происхождением тесно связан с существовавшей структурой инкорпорирующих тесно спаянных комплексов. Их строение вытекает из аг-

²⁰ Der Mensch ist was er isst «Человек есть то, что он есть». В данном случае der передает целый род.

глютинативной природы тюркских языков. В условиях такой структуры было естественно появление такого типа изафета, в котором на синтаксические отношения в пределах тесно спаянной группы слов указывал показатель второго члена (II тип); III тип изафета, появившийся в результате дальнейшего развития, вследствие широких возможностей раздвижения, приводил к некоторому разрушению комплекса.

Одно из доказательств более позднего развития изафета III — это его полное отсутствие в якутском языке. В гагаузском, чувашском языках, а также в ранних памятниках тюркских языков, хотя и возможны генитивные конструкции, но различие между «определенным» и «неопределенным» изафетом не имеет того значения, что в турецком языке. Форма же «определенного» изафета мало употребительна. В гагаузском языке она довольно часто имеет то же значение, что и неопределенная форма изафета²¹, а в чувашском языке изафет III употребляется значительно реже, нежели изафет II²². Изафет II технически удобнее и может, кстати, выполнять функции изафета III. Семантическая близость этих двух типов свидетельствует о более позднем развитии изафета III. Можно предположить, что III тип изафета возник на позднем этапе развития общетюркской языковой общности в результате действия закона отталкивания от омонимии.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. *Аз. Гр.* — Грамматика азербайджанского языка, ч. II. Синтаксис (на азерб. языке). Баку, 1959.
2. *Аз. Гад.* — «Азербайжан гадыны», 1965, № 4.
3. *Аш. Оп.* — Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I. Казань, 1903.
4. *Аш. Оп. II* — Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. II. Симбирск, 1923.
5. *Эмир* — Эмирхан Еники. Саз эчэге. Казан, 1956.
6. *Баск. Туба* — Н. А. Баскаков. Диалект черневых татар. (Туба-кижи). М., 1965.
7. *Дм.* — Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940.
8. *Дм.* — Гр. — Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
9. *Дм. Терм.* — Н. К. Дмитриев. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. М., 1955.
10. *Дыр.* — Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941.
11. *Ибр. Сары* — Мирза Ибрагимов. Сары сим. Баку, 1958.
12. *Кон. Гр.* — А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
13. *Кон.* — А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
14. *Кир.* — Киргизско-русский словарь (проф. К. К. Юдахин). М., 1965.
15. *Майз.* — С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957.
16. *Мал. Пам.* — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
17. *Мал. Енис.* — С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
18. *Мудрость.* — Мудрость двух народов. Ашхабад, 1963.
19. *Reşat Nuri* — Reşat Nuri Güntekin. Bir kadın düşmanı. İstanbul, 1958.
20. *Рус. каз.* — Русско-казахский словарь. М., 1954.
21. *S. Ali* — Şeytan — Sabahattin Ali. İçimizdeki Şeytan. София, 1956.
22. *Слан. Шал.* — Фабдол. Сланов. Шалкар. Алматы, 1954.
23. *Сарых* — Нурмырат Сарыханов. Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1951.
24. *Тыва Домак* — Тыва улустун үлегер сестери болгар домактары. Кызыл, 1955.
25. *Убр. Ис., I* — Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка, ч. I. М.—Л., 1950.
26. *Хак.* — Хакасско-русский словарь. М., 1953.
27. *Шарип.* — Жуманиёз Шарипов. Саодат. Тошкент, 1957.

²¹ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 262.

²² Н. К. Дмитриев. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. М., 1955.

О СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИИ ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА

Около тридцати лет тому назад гагаузский язык справедливо считался одним из наименее изученных языков тюркской семьи. Это в большой мере объяснялось тем, что до 1940 г. гагаузы территориально относились к населению буржуазных Румынии и Болгарии, где никто всерьез не занимался изучением их языка. Благодаря воссоединению в 1940 г. Бессарабии с Советским Союзом основная масса гагаузов оказалась на территориях Молдавской и Украинской ССР. В последующие годы советские ученые многое сделали для создания письменности на гагаузском языке. Виднейший советский тюрколог Н. К. Дмитриев писал в то время: «Восторженно приветствуя советскую национальную политику, гагаузы лелеют мечту об оформлении общенародного гагаузского языка, о гагаузской письменности и о школах на родном языке. Теоретическая разработка этих вопросов, в известной мере, должна быть возложена на Гагаузоведческую комиссию АН СССР»¹. Эту Гагаузоведческую комиссию, созданную в 1947 г. в Москве, возглавил Н. К. Дмитриев. Комиссия разработала первые проекты гагаузского алфавита. Начатая Н. К. Дмитриевым разработка основ гагаузской письменности после его смерти была продолжена сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР и НИИ школ Министерства просвещения Молдавской ССР². 30 июля 1957 г. указом Президиума Верховного Совета МССР была официально введена письменность гагаузского языка, что явилось для гагаузского народа событием огромного культурно-исторического значения. Появилась газета-листок, стали издаваться школьные учебники, произведения фольклора и художественной литературы. За последнее десятилетие был опубликован целый ряд сборников стихов и рассказов гагаузских авторов — Д. Н. Карачобана³, Д. Н. Танасоглу⁴, С. Курдоглу⁵, заложивших основы гагауз-

¹ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 272.

² См. очерк: «Гагаузский язык». — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки». М., 1969, стр. 211—235.

³ Д. Карачобан. Илк лаф («Первое слово»). Кишинев, 1963; *его же*. Алчак сачак алтында («Под низким потолком», рассказы). Кишинев, 1966; *его же*. Иланьклык («Мечты»). Кишинев, 1968; *его же*. Байылмак («Вдохновение»). Кишинев, 1969.

⁴ Д. Танасоглу. Чал, туркум! («Звени, моя песня»). Кишинев, 1966; *его же*. Адамын ишлери («Дела человека»). Кишинев, 1969.

⁵ С. Курдоглу. Бир кужак гунеш («Охалка солнца»). Кишинев, 1969.

ской поэзии и художественной прозы. Образцы гагаузского фольклора различных жанров представлены в двух сборниках⁶.

В настоящее время в печати находятся несколько сборников прозы и поэзии на гагаузском языке.

С развитием гагаузского языка расширяется и углубляется и его научное исследование: До 1940 г. в распоряжении тюркологов были лишь единственный научный источник по гагаузскому языку — фольклорные тексты и глоссарий в записи В. А. Мошкова⁷. Начиная с 1948 г. тюркологами Москвы, Ленинграда, а позднее и Кишинева, организовывались экспедиции в гагаузские села. Собранные обширные языковые материалы представляют собой надежную базу для исследования современного гагаузского языка. Начало этим исследованиям было положено ценными работами Н. К. Дмитриева⁸, написанными им в 20—40-е гг. на основании изучения гагаузских материалов В. А. Мошкова. В них впервые была дана характеристика гагаузского языка, определено его место в семье тюркских языков и намечены наиболее важные аспекты его дальнейшего исследования. Первая из этих статей «Фонетика гагаузского языка» (впервые издана в 1932—1933 гг.) началась следующим определением: «Среди тюркских языков гагаузский язык (точнее: диалект бессарабских гагаузов)⁹ относится к южной группе, т. е. он ближе всего стоит к турецкому, крымско-татарскому (его южному диалекту), азербайджанскому и туркменскому языкам»¹⁰.

Определяя специфику этого языка, Н. К. Дмитриев в статье «Гагаузские этюды» (1940) писал, что в гагаузском языке, испытавшем значительное влияние славянских и романских языков, особенно в сфере синтаксиса и лексики, произошли «принципиальные сдвиги, в результате которых гагаузский язык занял совершенно особое место среди тюркских языков»¹¹. Здесь же Н. К. Дмитриев характеризует гагаузский язык как «любопытный образец языка, наименее типичного для «овоей» системы»¹², определив тем самым, под каким углом зрения должен рассматриваться гагаузский язык как объект исследования.

Анализ конкретных особенностей гагаузского языка проводился Н. К. Дмитриевым в плане выявления его отличий от близкородственного турецкого языка. Сопоставление именно с турецким языком было вызвано тем, что бессарабские гагаузы являются выходцами из Северо-Восточной Болгарии, где их предки жили среди местного турецкого населения и находились с ним в тесных языковых контактах. У гагаузов, живущих в Болгарии, эти языковые связи, естественно, продолжают существовать, что ведет к дальнейшему сближению гагаузских и турецких местных говоров. Именно это обстоятельство всегда давало и дает в настоящее время основание зарубежным тюркологам (Д. Гаджанову, Т. Ковальскому, Г. Дёрферу и др.) включать бесписьменный язык гагаузов Болгарии в число балкано-турецких диалектов. Что же касается языка бессарабских гагаузов, то он уже более полутора столетий развивается обособленно от турецкого и других тюркских языков и не-

⁶ Буджактан сесляр («Голоса из Буджака», составитель — Д. Танасоглу). Кишинев, 1959; Гагауз фольклору («Гагаузский фольклор», собиратель и составитель Н. И. Бабоглу). Кишинев, 1969.

⁷ В. А. Мошков. Наречия бессарабских гагаузов. «Образцы народной литературы тюркских племен» (изд. В. В. Ралловым), т. X, СПб., 1904.

⁸ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 202—284.

⁹ Это уточнение было вызвано тем, что автор не располагал в то время материалами по языку гагаузов Болгарии.

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 202.

¹¹ Там же, стр. 251.

¹² Там же, стр. 252.

испытывает их влияния. Путем тщательного сопоставления Н. К. Дмитриеву удалось выявить основные отличия гагаузского языка от турецкого, что дало ему научное основание считать, в отличие от западных ученых, язык бессарабских гагаузов «особым языком тюркской группы»¹³.

Научное исследование гагаузского языка, начатое Н. К. Дмитриевым, было продолжено в работах его учеников и последователей. Так, описание гагаузских гласных и согласных (статья Н. К. Дмитриева «Фонетика гагаузского языка»), а также анализ гагаузских долгих гласных¹⁴ легли в основу дальнейших исследований фонетики современного гагаузского языка¹⁵.

Дальнейшее изучение звукового строя гагаузского языка, на наш взгляд, должно базироваться на исследовании его методами экспериментальной фонетики, что позволит дать его фонологическое описание. Экспериментальные исследования позволят уточнить артикуляционно-акустическую характеристику звуков гагаузского языка, лучше изучить ударение, а также определить интонационно-мелодические особенности гагаузской речи. Фонологическое изучение гагаузского звукового строя позволит установить его фонемный состав. До сих пор еще окончательно не решено, можно ли считать некоторые звуки гагаузского языка самостоятельными фонемами: например, гласный *e* заднего ряда среднего подъема (близкий к болгарскому *ѣ*, румынскому *a*, молдавскому *э*) или фарингальный согласный *h*, употребляющиеся лишь в определенных ограниченных случаях.

В области морфологии гагаузского языка первоочередная задача исследователей заключалась в том, чтобы, опираясь на наблюдения Н. К. Дмитриева (изложенные им в статье «Гагаузские этюды»), дать по возможности полное описание морфологического строя современного гагаузского языка. Первой такой работой явилась диссертация Б. Г. Гафарова¹⁶, дающая описание личных форм глагола во всех временах и наклонениях. В своей работе автор все еще в основном опирается на материалы В. А. Мошкова и лишь в незначительном объеме использует данные живого гагаузского языка (по своим полевым записям).

Первое систематическое описание фонетики и морфологии гагаузского языка¹⁷, основанное на новых языковых материалах, было завершено лишь к 1960 г. Дальнейшее исследование в области морфологии, несомненно, будет направлено на более углубленное изучение отдельных частей речи и морфологических категорий гагаузского языка. Большой интерес представляет система глагольных времен, причем в гагаузском, как и в других тюркских языках¹⁸, важную роль играют диалектные глагольные формы. То же самое можно сказать и об особенностях развития категорий принадлежности и сказуемости в связи с требованиями синтаксиса.

¹³ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 272.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в гагаузском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. I. М., 1955, стр. 203—207.

¹⁵ Л. А. Покровская. Основные черты фонетики современного гагаузского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. II. Баку, 1960, стр. 170—190; В. Дримба. Исследования по фонетике гагаузского языка, I, II. — «Revue de linguistique», Bucarest, t. VI, 1961, № 2; t. VII, 1962, № 2.

¹⁶ Б. Г. Гафаров. Система спряжения в гагаузском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1951.

¹⁷ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

¹⁸ См., напр.: Р. Рустамов. Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка (на азерб. яз.), Баку, 1965.

Синтаксис гагаузского языка также является предметом специальных исследований. В свое время Н. К. Дмитриев заметил существенную особенность гагаузского синтаксиса — свободный, наподобие «славянского», порядок слов в предложении. По его наблюдениям, слова в гагаузском предложении расположены так, «как недопустимо ни в одном из тюркских языков»¹⁹. Эта тема была затем разработана под руководством Н. К. Дмитриева в монографии Т. Г. Калякиной-Калединой²⁰.

Особый интерес проявляют исследователи к сложноподчиненному предложению гагаузского языка²¹, которое тоже характеризуется «нетюркской» спецификой (сильно развитое союзное подчинение, широкое употребление местоимений и наречий в качестве союзных слов и т. п.).

Если по синтаксису простого и сложного предложения имеются две названные выше монографии (к сожалению, обе они еще не опубликованы), то по словосочетанию в гагаузском языке еще нет ни одной специальной работы²². Таким образом, самой ближайшей задачей в этой области следует считать систематическое описание синтаксического строя гагаузского языка. Такое описание может быть использовано как в учебных, так и в научных целях. Основной научный интерес в исследовании гагаузского синтаксиса представляет выявление специфики, резко отличающей его от синтаксиса других тюркских языков, и в определении природы этой специфики. Исследование такого рода предполагает сопоставление данных гагаузского синтаксиса, с одной стороны, с соответствующими данными других тюркских языков, а с другой — с синтаксисом языков других систем (русского, болгарского, молдавского), которые длительное время влияли на гагаузский язык. Ввиду того что синтаксические нормы младописьменного гагаузского языка строятся на базе синтаксиса народно-разговорного языка и фольклора, для сравнения целесообразно привлекать в первую очередь материалы синтаксиса разговорной речи и диалектов тюркских и нетюркских языков. Сравнение материалов синтаксиса гагаузского языка с синтаксисом народных говоров других тюркских языков, помимо их различий, должно выявить и сходные черты, естественные для синтаксиса родственных языков. Эти сходные черты, в свою очередь, дадут возможность выявить особенности синтаксиса народных говоров всех тюркских языков, отличающие их от синтаксиса литературных тюркских языков. Заметим попутно, что эта область еще совершенно не разработана в сравнительной тюркологии. Сравнение же синтаксиса гагаузского языка с синтаксисами неродственных языков (в первую очередь — русского как языка школьного обучения и средства межнационального общения) позволит выявить в нем конкретные последствия иноязычного влияния и вместе с тем поможет решению более общего вопроса о проницаемости синтаксиса тюркских языков. Таким образом, не подлежит сомнению, что исследование синтаксиса гагаузского языка как «особого» языка тюркской семьи имеет важное тюркологическое и общелингвистическое значение.

¹⁹ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 268.

²⁰ Т. Г. Калякина-Каледина. Порядок слов в простом предложении гагаузского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

²¹ Д. Н. Танасоглу. Сложноподчиненное предложение в современном гагаузском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1965. (Исследованием типов придаточных предложений занимается в настоящее время Г. А. Гайдаржи).

²² Вопросы словосочетания затрагиваются лишь в статье Г. А. Гайдаржи и Б. П. Тукана. Способы выражения синтаксических отношений в гагаузском языке. — «Ученые записки Бельцкого госпединститута», вып. 8. Кишинев, 1967, стр. 49—55.

В области лексики гагаузского языка Н. К. Дмитриевым была начата интересная работа по выделению пластов лексических заимствований: греческого, романского и славянского²³. Этот аспект исследования в настоящее время продолжает Е. К. Колца²⁴, изучающая славянские и романские заимствования в лексике гагаузского языка. Что касается изучения греческих элементов, то ими после Н. К. Дмитриева еще никто не занимался.

В гагаузском языке имеется также значительное количество арабских и персидских заимствований, проникших в него, по-видимому, через турецкий язык. Специальное изучение арабских и персидских заимствований является одной из очередных задач гагаузской лексикологии.

Наряду с изучением заимствованной лексики гагаузского языка необходимо выделить и проанализировать ее органический исконный пласт, а именно—собственно тюркскую лексику, с точки зрения ее специфики по отношению к тюркской лексике других языков, а также в ее соотношении с заимствованной лексикой в самом гагаузском языке.

Изучение гагаузской лексики до сих пор затрудняется отсутствием полных словарей гагаузского языка. Исследователи пользуются только небольшими словарями (около 3000 слов) В. А. Мошкова²⁵ и М. Чакира²⁶, а в последние годы еще собственными диалектологическими материалами²⁷. Важным достижением гагаузской лексикографии является подготовка «Гагаузско-русско-молдавского словаря»²⁸, уже сданного в печать. Это первый словарь современного гагаузского языка, более или менее полно охватывающий его лексический состав.

За последние 15 лет получила развитие совершенно новая научная область—гагаузская диалектология. Отдельные различия в говорах бессарабских гагаузов отмечал еще В. А. Мошков²⁹. Современным исследователям предстояло обследовать говоры всех гагаузских сел Молдавии и Украины и выявить диалектные различия в гагаузском языке. Эта работа проводилась в течение десяти лет (с 1956 по 1965 гг.). Результаты ее нашли отражение в целом ряде статей и докладов автора этих строк и Б. П. Тукана.

Проведение диалектологической работы оказалось особенно необходимым в связи с созданием норм письменности гагаузского языка. Сразу же возник вопрос о диалектной основе будущего литературного языка, для разрешения которого было необходимо иметь хотя бы общее представление о диалектной системе гагаузского языка. В процессе диалектологической работы было установлено, что преобладающими говорами являются близкие между собой говоры Чадыр-Лунгского и Комратского районов МССР, составляющие ведущий, так

²³ Н. К. Дмитриев. К вопросу о словарном составе гагаузского языка. Строй тюркских языков, стр. 271—284.

²⁴ Е. К. Колца. Фонетическая адаптация заимствованных слов (на материале гагаузского языка). — «Лимба ши литература молдовеняскэ», Кишинев, 1965, № 4, стр. 51—58, *ее же*. Морфологическая адаптация славянских и молдавских лексических заимствований в гагаузской языковой среде. Там же, 13, Кишинев, 1966, стр. 36—43; Е. К. Колца, Б. П. Тукан. Наблюдения над лексическими заимствованиями гагаузского языка из славянских и молдавского языков. — «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения», т. II, Кишинев, 1967, стр. 148—155.

²⁵ В. А. Мошков. Наречия бессарабских гагаузов. Приложение II. Гагаузский словарь, стр. 114.

²⁶ M. Ciachir. Dictionar gagauzo (tiurco) — român. Chişinău, 1938.

²⁷ Б. П. Тукан. Состав лексики вулканештского диалекта гагаузского языка.—«Вопросы лексикологии и лексикографии». Кишинев, 1968, стр. 147—177.

²⁸ Составители словаря: Г. А. Гайдаржи, Е. К. Колца, Б. П. Тукан, Л. А. Покровская; главный редактор — проф. Н. А. Баскаков.

²⁹ В. А. Мошков. Указ. раб. (введение), стр. XXX.

называемый центральный диалект гагаузского языка. Он и был положен в основу норм письменности, создававшихся в дальнейшем. Менее распространенная группа говоров Вулканештского района МССР и некоторых сел Одесской области УССР составляла вулканештский или южный диалект. Изучению этого диалекта посвящена специальная монография Б. П. Тукана³⁰. Работа по изучению говоров гагаузского языка проводилась также в Казахстане³¹ и Средней Азии³², где имеются поселения гагаузов еще с начала XX в. Эти работы показали, что в языке гагаузов Казахстана и Средней Азии сохранились те же диалектные различия, что и в языке гагаузов Молдавии и Украины. Таким образом, язык всех гагаузов, живущих на территории СССР, делится на два названных выше диалекта³³.

Очередной задачей гагаузской диалектологии является сопоставительное изучение гагаузских диалектов и говоров на территории СССР и Болгарии. Такой аспект исследования позволит выявить различия между диалектами и говорами современных «бессарабских» и «задунайских» гагаузов и изучить эти различия в историческом плане. Целью подобного исследования должно быть разрешение вопроса о происхождении диалектных различий в гагаузском языке³⁴. По языку гагаузов Болгарии в последние годы опубликованы новые материалы и наблюдения зарубежных тюркологов³⁵.

Специальное исследование гагаузских говоров Болгарии проведено, как известно, диалектологами Софийского университета во главе с Е. Боевым. Однако эти материалы, к сожалению, еще не опубликованы. В настоящее время имеется достаточное представление о языке гагаузов Болгарии в целом (по печатным работам), но еще нет необходимых сведений о диалектных различиях в этом языке.

В заключение следует отметить, что за 25 послевоенных лет научное исследование гагаузского языка значительно продвинулось во всех областях языкознания (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, диалектологии), благодаря чему гагаузский язык постепенно стал входить в сферу сравнительно-тюркологических исследований. Одновременно развивается и гагаузский младописьменный язык: обогащается его лексика, вырабатываются литературные нормы, успешно развивается процесс становления национальной поэзии и прозы, формируется молодая гагаузская творческая интеллигенция, создающая новую, советскую культуру своего народа.

³⁰ Б. П. Тукал. Вулканештский диалект гагаузского языка. Автореф. канд. дисс. Кишинев, 1965.

³¹ А. С. Аманжолов. О гагаузах в Казахстане и их языке. — «Проблемы тюркологии и истории востоковедения». Казань, 1964, стр. 258—265; *его же*. Гагаузские фольклорные тексты, записанные в Семипалатинской области. — «Казахская диалектология», вып. I. Алма-Ата, 1965, стр. 234—246.

³² М. У. Умаров, Р. И. Бигаев, П. А. Данилов. О некоторых грамматических особенностях языка гагаузов Средней Азии. — «Проблемы тюркологии и истории востоковедения». Казань, 1964, стр. 245—257; R. I. Bigaev, P. A. Danilov et M. U. Umarov. Aspects du folklore des Gagaouzes de l'Asie Centrale. «Studia et acta orientalia», Bucarest, 1961, III, стр. 31—45.

³³ Л. А. Покровская. Общая характеристика диалектной системы гагаузского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968, стр. 109.

³⁴ Подробное см.: Л. А. Покровская. О происхождении диалектов гагаузского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. IV. Баку, 1966, стр. 54—58.

³⁵ W. Zajaczkowski. Język i folklor gagauzów z Bulgarii. Kraków, 1966; *его же*. Vocabulaire gagaouze—français. «Folia Orientalia», Kraków, 1965—1966, t. VII, стр. 29—73; V. Drimba. Remarques sur les parlers gagaouzes de la Bulgarie du Nord—Est. «Rocznik orientalistyczny», Warszawa, 1963, t. XXVI, z. 2, стр. 63—89.

ОБ ОНГИНСКОМ ПАМЯТНИКЕ

Онгинский памятник найден в 1891 г. Н. М. Ядринцевым близ гор Маниту и реки Онгин, примерно в 160 км к югу от Кошо-Цайдам, в погребальном комплексе, аналогичном комплексу в Ихе-Хушоту. Памятник в разное время издавался В. В. Радловым, Х. Оркуном, С. Е. Маловым и Дж. Клосоном.

Онгинский памятник по содержанию несколько напоминает два больших кошо-цайдамских памятника, но по графике сильно отличается от них. Графика Онгинского памятника, вероятно, представляет более ранний период орхоно-енисейского алфавита, нежели графика кошо-цайдамских памятников.

До сих пор не выяснено, кому посвящена надпись памятника. По мнению одних ученых, — Ильтериш-кагану, других — Ильтеришу или Капагану. В последнее время появились работы, в которых утверждается, что надпись является эпитафией Алп Элетмиша — одного из полководцев Капагана и Бильге-кагана. Так ли это? Рассмотрим существующие в научной литературе мнения по этому вопросу.

В. В. Радлов предполагает, что памятник поставлен в честь родителей Кюль-тегина и Могиян-хана — Ильтерес-кагана и Ильбильге-катун: «...von dem früheren Türk-Chanen wird das Todesjahr des Vaters des Mekilien, den die Chinesen Kutulu-Chan (Kutlug gayan) nennen, im ersten Jahre der Regierung Tssahan-Schen, also im Jahre 693 angegeben»¹.

«... был поставлен в год смерти одного из более ранних тюркских каганов — отца Могияна, именуемого китайцами Кутулу-хан (Kutluу кауан), которая последовала в первый год царствования Джахан-шаха, следовательно, он умер в 693 году».

Того же мнения придерживается С. Е. Малов: «Памятник найден в 1891 г. Н. М. Ядринцевым у Тарамель (?) в бассейне Онгин, южнее Кокшун-Орхона. Памятник поставлен в честь *Ильтэрэс-кагана* (*Гудулу*, *Кутлуг*) и его жены *Ильбильге-катун* (курсив наш. — А. Р.) — родителей хана Могияна и принца Кюль — приблизительно между 690—706 гг., после смерти Гудулу-хана между 690—693 гг. (по китайским источникам).

Онгинский памятник — один из старых памятников»².

А. Бернштам считает, что Онгинский памятник поставлен в честь Гудулу-кагана его младшим братом Мочжо. Вот что он пишет: «Мы предполагаем, что автором Онгинского текста является Мочжо, млад-

¹ Alttürkische Inschriften in der Mongolei, N. F., 1895, стр. 247.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 7.

ший брат Гудулу-кагана, поставивший текст последнему после его смерти (692 г.). Утверждение это мы выводим из следующих соображений. В строке четвертой передней стороны стелы имеются слова (в переводе В. Радлова) следующего содержания: *Kar-g-n (?) Ältäräs kaḡan deinem Volke bin ich geworden*. Если принять наше предположение о том, что *Ältäräs* не собственное имя, а титул, то тогда можно снять вопросительный знак, которым В. В. Радлов снабдил текст и перевод. Мочжо говорит о том, что он родился в эле *Ältäräs kaḡan*, т. е. стал носителем этого титула. Но тогда следующие слова текста: «...по отношению к Ильтерес-кагану мы не отделялись и не погрешили», «да не отделимся мы от Тенгри Бильга-каган» и т. д. являются словами Мочжо по отношению к умершему Гудулу, которого он похоронил и могилу которого снабдил памятником. Мочжо указывает на свою верность по отношению к кагану в назидание своему народу, а кроме того, как мы предполагаем, «оправдывается» перед Тоньюкуком. Как мы увидим ниже, Тоньюкук упрекает Мочжо в якобы неправильных деяниях. Текст Тоньюкука, вероятно, был написан после смерти Гудулу. Онгинский памятник поставлен после стелы Тоньюкука, т. е. через несколько лет после смерти Гудулу. Мочжо, которому было известно обвинение Тоньюкука, по-моему, и отвечает в Онгинском памятнике, на могиле своего старшего брата, своему врагу Тоньюкуку. Таким образом, мы предполагаем, что автором Онгинского текста являлся Мочжо. Год Дракона, отмеченный в тексте, возможно, падает не на 692 г., как это предполагает В. В. Радлов, а на двенадцатилетие позже, т. е. на 704 г. Гудулу умер в 693 г., а памятник поставлен после его смерти, т. е. никак не может быть датирован 692 г.»³.

С. Г. Кляшторный своего мнения об Онгинском памятнике не высказывает. Но он резюмирует мнения других ученых, в том числе западных. Приведем его слова:

«На стеле (Онгинского памятника. — А. Р.) сохранилось двенадцать плохо читаемых из-за эрозии камня строк; кроме того, восемь строк сохранилось на особом камне близ стелы⁴. Плохая сохранность надписи обусловила недостаточно ясное чтение. До последнего времени не было известно, кому посвящена надпись и когда воздвигнута стела. Предполагали, что это памятник Ильтеришу или Капагану.

В надписи читалось имя и совсем неизвестного кагана — Тачам. А. фон Габэн установила, что в последнем случае следует читать *aḡasūt* «мой батюшка». Лишь недавно, благодаря исследованиям Дж. Клосо́на установлено, что надпись является эпитафией Алп Элетмиша — одного из полководцев Капагана и Бильге-кагана, умершего, вероятно, в 731 г. По своему содержанию надпись во многом близка кошо-цайда́мским текстам, но несравненно короче и сбивчивее их. Описываются сражения с огузами и китайцами; в первых трех строках — предыстория второго Тюркского каганата. Особенно подчеркивается верность рода Алп Элетмиша каганской фамилии»⁵.

Из приведенных высказываний, на наш взгляд, сравнительно ближе к истине предположение Дж. Клосо́на. К сожалению, мы не имеем возможности ознакомиться с исследованиями А. фон Габэн.

³ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946, стр. 39—40.

⁴ По публикации С. Е. Малова, восемь строк — на передней стороне, четыре строки — на правой стороне, семь строк — на горизонтальной надписи вверху, а всего одна строка — на особом камне. В издании Дж. Клосо́на двенадцать строк — в основном памятнике, семь строк — в дополнительном памятнике, одна строка — на балбале.

⁵ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 68.

В. В. Радлов и С. Е. Малов ничем не подкрепляют свои предположения. Неясно, например, почему они считают, что Онгинский памятник поставлен в честь Эльтерес-кагана и Ильбильге-катун. Из самого текста памятника видно, что он Эльтерес-кагану и Ильбильге-катун не посвящен. Ведь общеизвестно характерное для памятника правило: если памятник посвящается какому-либо лицу, то в нем рассказывается о деяниях последнего, о его военных походах, одержанных победах. В данном же случае ни о деяниях, ни о военных походах Ильтерес-кагана не сказано ни слова. Поэтому трудно согласиться с предположениями В. В. Радлова и С. Е. Малова. Есть и другие обстоятельства, опровергающие их высказывания. Так, в четвертой строке передней стороны памятника читаем:

»QJГD : NY :)M NITKY :)M 1H

Karayan Eitāris kayan elinā kylyntym.

Это предложение С. Е. Маловым переведено так: «Я, Капаган, был воспитан в преданности государству Эльтерес-кагана».

В таком случае памятник поставлен не Эльтерес-кагану, а какому-то неизвестному Капагану.

При более точном переводе текста следует читать: «Я был воспитан в эле⁶ капаган⁷ Эльтэрэс-кагана». Значит, памятник поставлен в честь того, кто был воспитан в эле Эльтэрэс-кагана.

В третьей строке правой стороны памятника мы читаем:

↓»»»»» : JH)M NITKY : 14 > DJH : »XYK M S Z · J » JH > : J » JH : 1FH
— ↓»»»»» HD :

Tāgip inimā, oγlyma anca ötlādim kaljurip Eitāris kayanka adyryl-maduk, jaγylmaduk.

Перевод: «Напав (на врага), моим младшим братьям и сыновьям я делал такие наставления: рассердившись, мы не отделились от Эльтэрэс-кагана и не погрешили (против него)».

Ясно, что человек, в честь которого был поставлен данный памятник, завещает своим родным, чтобы они оставались верными своему кагану — Эльтэрэсу. Значит, он сам не каган, а один из его сподвижников. А кто он? На этот вопрос, как будто отвечает А. Бернштам: «Мы предполагаем, что автором Онгинского текста является

⁶ О слове el см.: А. Раджабов. О переводе слова āl в древнетюркских рунических памятниках. — «Ученые записки Азербайджанского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», XI серия, 1967, № 3; Д. И. Тихонов в статье «Термины эль и будун в древних уйгурских документах» («Исследования по истории культуры народов Востока», М.—Л., 1960, стр. 250—255) пытается доказать, что эль и будун идентичны и передают значение «община». В древних уйгурских документах слово «эль» заключает в себе и значение слова «община», что же касается «будун», то оно, несомненно, употреблено в значении «народ».

⁷ В. В. Радлов вправе был сомневаться, что слово караян не является именем хана (Радлов, стр. 272—273). Но он все-таки считал это слово собственным именем существительным. Мы пока ограничиваемся тем, что даем его как нарицательное существительное, оставив без перевода.

тул шад был присвоен Мочжо Эльтэрэс-каганом. Но в предложении ясно указывается: ты отдал свой труд, тебе (т. е. умершему) присвоен титул шад. Противоречие заключается в следующем: с одной стороны, умерший, в честь которого поставлен памятник, был каганом, с другой стороны—умерший отдал свой труд кагану, а последний, в свою очередь, присвоил ему титул шад.

Против предположения А. Бернштама говорит еще следующий текст из восьмой строки передней стороны памятника:

ᠶᠠᠨ ᠰᠠᠳᠤ ᠰᠠᠨᠠ ᠲᠤᠨᠮᠢᠰᠢ, ᠲᠡᠩᠭᠢᠷᠢᠭᠠᠨ ᠠᠯᠮᠠᠵᠤᠨ.

Кагум сад анца ötünmis, теңрик'ән алмазун.

«Мой отец шад так наставил: пусть божественный не берет».

Значит, отец того, кто создавал памятник, был шадом. Но общеизвестен факт, что отец Эльтэрэс-кагана и Мочжо не были шадями. Отсюда можно заключить: Онгинский памятник не поставлен Мочжо и не посвящен Эльтэрэс-кагану, он поставлен кем-то в честь своего умершего отца—шада по титулу.

В подтверждение нашего предположения приведем еще одно доказательство.

Как уже упоминалось выше, в предложении из третьей строки правой стороны памятника было слово *inimä*. Автор надписи упоминает, что он завещал своим младшим братьям и сыновьям быть верными Эльтэрэс-кагану.

Как достоверно известно из истории, Капаган не имел младшего брата, следовательно, *inimä* имеет отношение к другому лицу. И потом: стоит ли завещать своим родичам оставаться верными умершему кагану?

Если добавить к сказанному, что написанные с заглавной буквы слова *Теңгри* и *Бильге-каган* являются не собственными именами, а всего-навсего эпитетами к имени Эльтэрэс-кагана, то картина будет ясна.

Итак, вывод: предположение А. Бернштама о том, что «автором Онгинского текста являлся Мочжо, младший брат Гудулу-кагана», несостоятельно.

Остается, наконец, утверждение Дж. Клосона о том, что Онгинская надпись является эпитафией Алп Элетмиша — одного из полководцев Капагана и Бильге-кагана. Из всех авторов, перечисленных нами, самым близким к истине был Дж. Клосон. Но он тоже не избежал ошибки. Дж. Клосон слова, написанные с заглавной буквы, *Карауан* (четвертая строка передней стороны — *Карауан* *Eltäris* *каган* *елиңа* *күлүп*

tym. I grew up for (i. e. as a subject of) the realm of Kargan and Elteris⁸ «Я воспитан для государства Капагана и Эльтериша») и *Bilgäkaγan* (третья строка правой стороны — *Каңжоруп* *Eltäris* *каγанка* *adyrylmaḍuk*, *jaγylymaḍuk*, *teңri* *Bilgä* *каγанка* *adyrylmalym*, *azmalym*. Just as father marched and would not be parted from, or betray, Elteris Kagan, so let us

⁸ Gerard Clauson. The Ongin Inscription. Journal of the Royal Asiatic Society, October, 1957, стр. 188.

читали: «Тасам». Иногда считают, что памятник поставлен в честь Тачам-кагана. Но такого кагана история не знает. Об этом имени С. Е. Малов пишет: «В памятнике есть загадочное имя хана Тачам»¹². А. фон Габэн дала другое чтение: «Атачым». В третьей строке горизонтальной надписи вверху по изданию С. Е. Малова читаем:

» ʌ δ̂ : » ( ) ʌ ʌ

А. фон Габэн слово атасум переводит как «мой батюшка». Вероятно, окончание -сум (у А. фон Габэн) идентично с ласкательно-уменьшительным окончанием в современном азербайджанском языке «зуум || zijim» (äsk'ärzijim «мой солдатик»). Но вряд ли какой-нибудь вассал мог называть своего повелителя ласкательно-уменьшительно: *мой каганчик Тачам*. Есть одно обстоятельство, которое делает чтение А. фон Габэн приемлемым: если снимок, данный С. Е. Маловым, соответствует оригиналу, то читать третью строку так, как ее предложил С. Е. Малов, нельзя. Дело в том, что на снимке виден только один знак » , а осталь-

тальные стерты. Восстанавливая стертые знаки, С. Е. Малов дает три знака) ʌ ʌ , а из снимка ясно видно, что там должно быть не три, а четыре знака. Поэтому предположение С. Е. Малова сомнительно. Если там в самом деле было четыре знака, то они не могли быть) ʌ ʌ ʌ ,

так как в памятниках такое написание » ʌ ʌ ʌ нигде не встречается (обычно пишется ») ʌ ʌ). Вероятно, это слово — не

каґапут, а какое-то другое. Это оправдывает толкование, данное А. фон Габэн.

Существует, правда, предположение, что надпись на передней стороне памятника посвящена одному человеку, а остальные надписи относятся к другому человеку. Вряд ли это соответствует действительности, ибо и почерк текста и орфография на всех сторонах памятника ничем друг от друга, судя по данному снимку, не отличаются: все строки в совокупности составляют нечто единое.

Мы склонны читать это слово как ата äsim «мой отец» и «старший брат», т. е. Элетмиш Ябгу и Чур Ега. Могут возразить, что, мол, это неправильное чтение, так как написание фразы «мой отец и мой старший брат» должно быть таким: » ʌ » δ̂ . Не оспаривая этого, нам хоте-

¹² С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 11.

лось бы лишь отметить, что сокращение однородных окончаний, подобное данному, в тюркских языках—дело обычное. Вряд ли древним тюркам это было чуждо. Это наше предположение подтверждается и четвертой строкой правой стороны:

𐰀𐰄𐰆𐰇𐰈𐰉𐰊𐰋𐰌𐰍𐰎𐰏𐰐𐰑𐰒𐰓𐰔𐰕𐰖𐰗𐰘𐰙𐰚𐰛𐰜𐰝𐰞𐰟𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿𐱀𐱁𐱂𐱃𐱄𐱅𐱆𐱇𐱈𐱉𐱊𐱋𐱌𐱍𐱎𐱏𐱐𐱑𐱒𐱓𐱔𐱕𐱖𐱗𐱘𐱙𐱚𐱛𐱜𐱝𐱞𐱟𐱠𐱡𐱢𐱣𐱤𐱥𐱦𐱧𐱨𐱩𐱪𐱫𐱬𐱭𐱮𐱯𐱰𐱱𐱲𐱳𐱴𐱵𐱶𐱷𐱸𐱹𐱺𐱻𐱼𐱽𐱾𐱿𐲀𐲁𐲂𐲃𐲄𐲅𐲆𐲇𐲈𐲉𐲊𐲋𐲌𐲍𐲎𐲏𐲐𐲑𐲒𐲓𐲔𐲕𐲖𐲗𐲘𐲙𐲚𐲛𐲜𐲝𐲞𐲟𐲠𐲡𐲢𐲣𐲤𐲥𐲦𐲧𐲨𐲩𐲪𐲫𐲬𐲭𐲮𐲯𐲰𐲱𐲲𐲳𐲴𐲵𐲶𐲷𐲸𐲹𐲺𐲻𐲼𐲽𐲾𐲿𐳀𐳁𐳂𐳃𐳄𐳅𐳆𐳇𐳈𐳉𐳊𐳋𐳌𐳍𐳎𐳏𐳐𐳑𐳒𐳓𐳔𐳕𐳖𐳗𐳘𐳙𐳚𐳛𐳜𐳝𐳞𐳟𐳠𐳡𐳢𐳣𐳤𐳥𐳦𐳧𐳨𐳩𐳪𐳫𐳬𐳭𐳮𐳯𐳰𐳱𐳲𐳳𐳴𐳵𐳶𐳷𐳸𐳹𐳺𐳻𐳼𐳽𐳾𐳿𐴀𐴁𐴂𐴃𐴄𐴅𐴆𐴇𐴈𐴉𐴊𐴋𐴌𐴍𐴎𐴏𐴐𐴑𐴒𐴓𐴔𐴕𐴖𐴗𐴘𐴙𐴚𐴛𐴜𐴝𐴞𐴟𐴠𐴡𐴢𐴣𐴤𐴥𐴦𐴧𐴨𐴩𐴪𐴫𐴬𐴭𐴮𐴯𐴰𐴱𐴲𐴳𐴴𐴵𐴶𐴷𐴸𐴹𐴺𐴻𐴼𐴽𐴾𐴿𐵀𐵁𐵂𐵃𐵄𐵅𐵆𐵇𐵈𐵉𐵊𐵋𐵌𐵍𐵎𐵏𐵐𐵑𐵒𐵓𐵔𐵕𐵖𐵗𐵘𐵙𐵚𐵛𐵜𐵝𐵞𐵟𐵠𐵡𐵢𐵣𐵤𐵥𐵦𐵧𐵨𐵩𐵪𐵫𐵬𐵭𐵮𐵯𐵰𐵱𐵲𐵳𐵴𐵵𐵶𐵷𐵸𐵹𐵺𐵻𐵼𐵽𐵾𐵿𐶀𐶁𐶂𐶃𐶄𐶅𐶆𐶇𐶈𐶉𐶊𐶋𐶌𐶍𐶎𐶏𐶐𐶑𐶒𐶓𐶔𐶕𐶖𐶗𐶘𐶙𐶚𐶛𐶜𐶝𐶞𐶟𐶠𐶡𐶢𐶣𐶤𐶥𐶦𐶧𐶨𐶩𐶪𐶫𐶬𐶭𐶮𐶯𐶰𐶱𐶲𐶳𐶴𐶵𐶶𐶷𐶸𐶹𐶺𐶻𐶼𐶽𐶾𐶿𐷀𐷁𐷂𐷃𐷄𐷅𐷆𐷇𐷈𐷉𐷊𐷋𐷌𐷍𐷎𐷏𐷐𐷑𐷒𐷓𐷔𐷕𐷖𐷗𐷘𐷙𐷚𐷛𐷜𐷝𐷞𐷟𐷠𐷡𐷢𐷣𐷤𐷥𐷦𐷧𐷨𐷩𐷪𐷫𐷬𐷭𐷮𐷯𐷰𐷱𐷲𐷳𐷴𐷵𐷶𐷷𐷸𐷹𐷺𐷻𐷼𐷽𐷾𐷿𐸀𐸁𐸂𐸃𐸄𐸅𐸆𐸇𐸈𐸉𐸊𐸋𐸌𐸍𐸎𐸏𐸐𐸑𐸒𐸓𐸔𐸕𐸖𐸗𐸘𐸙𐸚𐸛𐸜𐸝𐸞𐸟𐸠𐸡𐸢𐸣𐸤𐸥𐸦𐸧𐸨𐸩𐸪𐸫𐸬𐸭𐸮𐸯𐸰𐸱𐸲𐸳𐸴𐸵𐸶𐸷𐸸𐸹𐸺𐸻𐸼𐸽𐸾𐸿𐹀𐹁𐹂𐹃𐹄𐹅𐹆𐹇𐹈𐹉𐹊𐹋𐹌𐹍𐹎𐹏𐹐𐹑𐹒𐹓𐹔𐹕𐹖𐹗𐹘𐹙𐹚𐹛𐹜𐹝𐹞𐹟𐹠𐹡𐹢𐹣𐹤𐹥𐹦𐹧𐹨𐹩𐹪𐹫𐹬𐹭𐹮𐹯𐹰𐹱𐹲𐹳𐹴𐹵𐹶𐹷𐹸𐹹𐹺𐹻𐹼𐹽𐹾𐹿𐺀𐺁𐺂𐺃𐺄𐺅𐺆𐺇𐺈𐺉𐺊𐺋𐺌𐺍𐺎𐺏𐺐𐺑𐺒𐺓𐺔𐺕𐺖𐺗𐺘𐺙𐺚𐺛𐺜𐺝𐺞𐺟𐺠𐺡𐺢𐺣𐺤𐺥𐺦𐺧𐺨𐺩𐺪𐺫𐺬𐺭𐺮𐺯𐺰𐺱𐺲𐺳𐺴𐺵𐺶𐺷𐺸𐺹𐺺𐺻𐺼𐺽𐺾𐺿𐻀𐻁𐻂𐻃𐻄𐻅𐻆𐻇𐻈𐻉𐻊𐻋𐻌𐻍𐻎𐻏𐻐𐻑𐻒𐻓𐻔𐻕𐻖𐻗𐻘𐻙𐻚𐻛𐻜𐻝𐻞𐻟𐻠𐻡𐻢𐻣𐻤𐻥𐻦𐻧𐻨𐻩𐻪𐻫𐻬𐻭𐻮𐻯𐻰𐻱𐻲𐻳𐻴𐻵𐻶𐻷𐻸𐻹𐻺𐻻𐻼𐻽𐻾𐻿𐼀𐼁𐼂𐼃𐼄𐼅𐼆𐼇𐼈𐼉𐼊𐼋𐼌𐼍𐼎𐼏𐼐𐼑𐼒𐼓𐼔𐼕𐼖𐼗𐼘𐼙𐼚𐼛𐼜𐼝𐼞𐼟𐼠𐼡𐼢𐼣𐼤𐼥𐼦𐼧𐼨𐼩𐼪𐼫𐼬𐼭𐼮𐼯𐼰𐼱𐼲𐼳𐼴𐼵𐼶𐼷𐼸𐼹𐼺𐼻𐼼𐼽𐼾𐼿𐽀𐽁𐽂𐽃𐽄𐽅𐽆𐽇𐽋𐽍𐽎𐽏𐽐𐽈𐽉𐽊𐽌𐽑𐽒𐽓𐽔𐽕𐽖𐽗𐽘𐽙𐽚𐽛𐽜𐽝𐽞𐽟𐽠𐽡𐽢𐽣𐽤𐽥𐽦𐽧𐽨𐽩𐽪𐽫𐽬𐽭𐽮𐽯𐽰𐽱𐽲𐽳𐽴𐽵𐽶𐽷𐽸𐽹𐽺𐽻𐽼𐽽𐽾𐽿𐾀𐾁𐾃𐾅𐾂𐾄𐾆𐾇𐾈𐾉𐾊𐾋𐾌𐾍𐾎𐾏𐾐𐾑𐾒𐾓𐾔𐾕𐾖𐾗𐾘𐾙𐾚𐾛𐾜𐾝𐾞𐾟𐾠𐾡𐾢𐾣𐾤𐾥𐾦𐾧𐾨𐾩𐾪𐾫𐾬𐾭𐾮𐾯𐾰𐾱𐾲𐾳𐾴𐾵𐾶𐾷𐾸𐾹𐾺𐾻𐾼𐾽𐾾𐾿𐿀𐿁𐿂𐿃𐿄𐿅𐿆𐿇𐿈𐿉𐿊𐿋𐿌𐿍𐿎𐿏𐿐𐿑𐿒𐿓𐿔𐿕𐿖𐿗𐿘𐿙𐿚𐿛𐿜𐿝𐿞𐿟𐿠𐿡𐿢𐿣𐿤𐿥𐿦𐿧𐿨𐿩𐿪𐿫𐿬𐿭𐿮𐿯𐿰𐿱𐿲𐿳𐿴𐿵𐿶𐿷𐿸𐿹𐿺𐿻𐿼𐿽𐿾𐿿𐀀𐀁𐀂𐀃𐀄𐀅𐀆𐀇𐀈𐀉𐀊𐀋𐀌𐀍𐀎𐀏𐀐𐀑𐀒𐀓𐀔𐀕𐀖𐀗𐀘𐀙𐀚𐀛𐀜𐀝𐀞𐀟𐀠𐀡𐀢𐀣𐀤𐀥𐀦𐀧𐀨𐀩𐀪𐀫𐀬𐀭𐀮𐀯𐀰𐀱𐀲𐀳𐀴𐀵𐀶𐀷𐀸𐀹𐀺𐀻𐀼𐀽𐀾𐀿𐁀𐁁𐁂𐁃𐁄𐁅𐁆𐁇𐁈𐁉𐁊𐁋𐁌𐁍𐁎𐁏𐁐𐁑𐁒𐁓𐁔𐁕𐁖𐁗𐁘𐁙𐁚𐁛𐁜𐁝𐁞𐁟𐁠𐁡𐁢𐁣𐁤𐁥𐁦𐁧𐁨𐁩𐁪𐁫𐁬𐁭𐁮𐁯𐁰𐁱𐁲𐁳𐁴𐁵𐁶𐁷𐁸𐁹𐁺𐁻𐁼𐁽𐁾𐁿𐂀𐂁𐂂𐂃𐂄𐂅𐂆𐂇𐂈𐂉𐂊𐂋𐂌𐂍𐂎𐂏𐂐𐂑𐂒𐂓𐂔𐂕𐂖𐂗𐂘𐂙𐂚𐂛𐂜𐂝𐂞𐂟𐂠𐂡𐂢𐂣𐂤𐂥𐂦𐂧𐂨𐂩𐂪𐂫𐂬𐂭𐂮𐂯𐂰𐂱𐂲𐂳𐂴𐂵𐂶𐂷𐂸𐂹𐂺𐂻𐂼𐂽𐂾𐂿𐃀𐃁𐃂𐃃𐃄𐃅𐃆𐃇𐃈𐃉𐃊𐃋𐃌𐃍𐃎𐃏𐃐𐃑𐃒𐃓𐃔𐃕𐃖𐃗𐃘𐃙𐃚𐃛𐃜𐃝𐃞𐃟𐃠𐃡𐃢𐃣𐃤𐃥𐃦𐃧𐃨𐃩𐃪𐃫𐃬𐃭𐃮𐃯𐃰𐃱𐃲𐃳𐃴𐃵𐃶𐃷𐃸𐃹𐃺𐃻𐃼𐃽𐃾𐃿𐄀𐄁𐄂𐄃𐄄𐄅𐄆𐄇𐄈𐄉𐄊𐄋𐄌𐄍𐄎𐄏𐄐𐄑𐄒𐄓𐄔𐄕𐄖𐄗𐄘𐄙𐄚𐄛𐄜𐄝𐄞𐄟𐄠𐄡𐄢𐄣𐄤𐄥𐄦𐄧𐄨𐄩𐄪𐄫𐄬𐄭𐄮𐄯𐄰𐄱𐄲𐄳𐄴𐄵𐄶𐄷𐄸𐄹𐄺𐄻𐄼𐄽𐄾𐄿𐅀𐅁𐅂𐅃𐅄𐅅𐅆𐅇𐅈𐅉𐅊𐅋𐅌𐅍𐅎𐅏𐅐𐅑𐅒𐅓𐅔𐅕𐅖𐅗𐅘𐅙𐅚𐅛𐅜𐅝𐅞𐅟𐅠𐅡𐅢𐅣𐅤𐅥𐅦𐅧𐅨𐅩𐅪𐅫𐅬𐅭𐅮𐅯𐅰𐅱𐅲𐅳𐅴𐅵𐅶𐅷𐅸𐅹𐅺𐅻𐅼𐅽𐅾𐅿𐆀𐆁𐆂𐆃𐆄𐆅𐆆𐆇𐆈𐆉𐆊𐆋𐆌𐆍𐆎𐆏𐆐𐆑𐆒𐆓𐆔𐆕𐆖𐆗𐆘𐆙𐆚𐆛𐆜𐆝𐆞𐆟𐆠𐆡𐆢𐆣𐆤𐆥𐆦𐆧𐆨𐆩𐆪𐆫𐆬𐆭𐆮𐆯𐆰𐆱𐆲𐆳𐆴𐆵𐆶𐆷𐆸𐆹𐆺𐆻𐆼𐆽𐆾𐆿𐇀𐇁𐇂𐇃𐇄𐇅𐇆𐇇𐇈𐇉𐇊𐇋𐇌𐇍𐇎𐇏𐇐𐇑𐇒𐇓𐇔𐇕𐇖𐇗𐇘𐇙𐇚𐇛𐇜𐇝𐇞𐇟𐇠𐇡𐇢𐇣𐇤𐇥𐇦𐇧𐇨𐇩𐇪𐇫𐇬𐇭𐇮𐇯𐇰𐇱𐇲𐇳𐇴𐇵𐇶𐇷𐇸𐇹𐇺𐇻𐇼𐇽𐇾𐇿𐈀𐈁𐈂𐈃𐈄𐈅𐈆𐈇𐈈𐈉𐈊𐈋𐈌𐈍𐈎𐈏𐈐𐈑𐈒𐈓𐈔𐈕𐈖𐈗𐈘𐈙𐈚𐈛𐈜𐈝𐈞𐈟𐈠𐈡𐈢𐈣𐈤𐈥𐈦𐈧𐈨𐈩𐈪𐈫𐈬𐈭𐈮𐈯𐈰𐈱𐈲𐈳𐈴𐈵𐈶𐈷𐈸𐈹𐈺𐈻𐈼𐈽𐈾𐈿𐉀𐉁𐉂𐉃𐉄𐉅𐉆𐉇𐉈𐉉𐉊𐉋𐉌𐉍𐉎𐉏𐉐𐉑𐉒𐉓𐉔𐉕𐉖𐉗𐉘𐉙𐉚𐉛𐉜𐉝𐉞𐉟𐉠𐉡𐉢𐉣𐉤𐉥𐉦𐉧𐉨𐉩𐉪𐉫𐉬𐉭𐉮𐉯𐉰𐉱𐉲𐉳𐉴𐉵𐉶𐉷𐉸𐉹𐉺𐉻𐉼𐉽𐉾𐉿𐊀𐊁𐊂𐊃𐊄𐊅𐊆𐊇𐊈𐊉𐊊𐊋𐊌𐊍𐊎𐊏𐊐𐊑𐊒𐊓𐊔𐊕𐊖𐊗𐊘𐊙𐊚𐊛𐊜𐊝𐊞𐊟𐊠𐊡𐊢𐊣𐊤𐊥𐊦𐊧𐊨𐊩𐊪𐊫𐊬𐊭𐊮𐊯𐊰𐊱𐊲𐊳𐊴𐊵𐊶𐊷𐊸𐊹𐊺𐊻𐊼𐊽𐊾𐊿𐋀𐋁𐋂𐋃𐋄𐋅𐋆𐋇𐋈𐋉𐋊𐋋𐋌𐋍𐋎𐋏𐋐𐋑𐋒𐋓𐋔𐋕𐋖𐋗𐋘𐋙𐋚𐋛𐋜𐋝𐋞𐋟𐋠𐋡𐋢𐋣𐋤𐋥𐋦𐋧𐋨𐋩𐋪𐋫𐋬𐋭𐋮𐋯𐋰𐋱𐋲𐋳𐋴𐋵𐋶𐋷𐋸𐋹𐋺𐋻𐋼𐋽𐋾𐋿𐌀𐌁𐌂𐌃𐌄𐌅𐌆𐌇𐌈𐌉𐌊𐌋𐌌𐌍𐌎𐌏𐌐𐌑𐌒𐌓𐌔𐌕𐌖𐌗𐌘𐌙𐌚𐌛𐌜𐌝𐌞𐌟𐌠𐌡𐌢𐌣𐌤𐌥𐌦𐌧𐌨𐌩𐌪𐌫𐌬𐌭𐌮𐌯𐌰𐌱𐌲𐌳𐌴𐌵𐌶𐌷𐌸𐌹𐌺𐌻𐌼𐌽𐌾𐌿𐍀𐍁𐍂𐍃𐍄𐍅𐍆𐍇𐍈𐍉𐍊𐍋𐍌𐍍𐍎𐍏𐍐𐍑𐍒𐍓𐍔𐍕𐍖𐍗𐍘𐍙𐍚𐍛𐍜𐍝𐍞𐍟𐍠𐍡𐍢𐍣𐍤𐍥𐍦𐍧𐍨𐍩𐍪𐍫𐍬𐍭𐍮𐍯𐍰𐍱𐍲𐍳𐍴𐍵𐍶𐍷𐍸𐍹𐍺𐍻𐍼𐍽𐍾𐍿𐎀𐎁𐎂𐎃𐎄𐎅𐎆𐎇𐎈𐎉𐎊𐎋𐎌𐎍𐎎𐎏𐎐𐎑𐎒𐎓𐎔𐎕𐎖𐎗𐎘𐎙𐎚𐎛𐎜𐎝𐎞𐎟𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏀𐏁𐏂𐏃𐏄𐏅𐏆𐏇𐏈𐏉𐏊𐏋𐏌𐏍𐏎𐏏𐏐𐏑𐏒𐏓𐏔𐏕𐏖𐏗𐏘𐏙𐏚𐏛𐏜𐏝𐏞𐏟𐏠𐏡𐏢𐏣𐏤𐏥𐏦𐏧𐏨𐏩𐏪𐏫𐏬𐏭𐏮𐏯𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿𐐀𐐁𐐂𐐃𐐄𐐅𐐆𐐇𐐈𐐉𐐊𐐋𐐌𐐍𐐎𐐏𐐐𐐑𐐒𐐓𐐔𐐕𐐖𐐗𐐘𐐙𐐚𐐛𐐜𐐝𐐞𐐟𐐠𐐡𐐢𐐣𐐤𐐥𐐦𐐧𐐨𐐩𐐪𐐫𐐬𐐭𐐮𐐯𐐰𐐱𐐲𐐳𐐴𐐵𐐶𐐷𐐸𐐹𐐺𐐻𐐼𐐽𐐾𐐿𐑀𐑁𐑂𐑃𐑄𐑅𐑆𐑇𐑈𐑉𐑊𐑋𐑌𐑍𐑎𐑏𐑐𐑑𐑒𐑓𐑔𐑕𐑖𐑗𐑘𐑙𐑚𐑛𐑜𐑝𐑞𐑟𐑠𐑡𐑢𐑣𐑤𐑥𐑦𐑧𐑨𐑩𐑪𐑫𐑬𐑭𐑮𐑯𐑰𐑱𐑲𐑳𐑴𐑵𐑶𐑷𐑸𐑹𐑺𐑻𐑼𐑽𐑾𐑿𐒀𐒁𐒂𐒃𐒄𐒅𐒆𐒇𐒈𐒉𐒊𐒋𐒌𐒍𐒎𐒏𐒐𐒑𐒒𐒓𐒔𐒕𐒖𐒗𐒘𐒙𐒚𐒛𐒜𐒝𐒞𐒟𐒠𐒡𐒢𐒣𐒤𐒥𐒦𐒧𐒨𐒩𐒪𐒫𐒬𐒭𐒮𐒯𐒰𐒱𐒲𐒳𐒴𐒵𐒶𐒷𐒸𐒹𐒺𐒻𐒼𐒽𐒾𐒿𐓀𐓁𐓂𐓃𐓄𐓅𐓆𐓇𐓈𐓉𐓊𐓋𐓌𐓍𐓎𐓏𐓐𐓑𐓒𐓓𐓔𐓕𐓖𐓗𐓘𐓙𐓚𐓛𐓜𐓝𐓞𐓟𐓠𐓡𐓢𐓣𐓤𐓥𐓦𐓧𐓨𐓩𐓪𐓫𐓬𐓭𐓮𐓯𐓰𐓱𐓲𐓳𐓴𐓵𐓶𐓷𐓸𐓹𐓺𐓻𐓼𐓽𐓾𐓿𐔀𐔁𐔂𐔃𐔄𐔅𐔆𐔇𐔈𐔉𐔊𐔋𐔌𐔍𐔎𐔏𐔐𐔑𐔒𐔓𐔔𐔕𐔖𐔗𐔘𐔙𐔚𐔛𐔜𐔝𐔞𐔟𐔠𐔡𐔢𐔣𐔤𐔥𐔦𐔧𐔨𐔩𐔪𐔫𐔬𐔭𐔮𐔯𐔰𐔱𐔲𐔳𐔴𐔵𐔶𐔷𐔸𐔹𐔺𐔻𐔼𐔽𐔾𐔿𐕀𐕁𐕂𐕃𐕄𐕅𐕆𐕇𐕈𐕉𐕊𐕋𐕌𐕍𐕎𐕏𐕐𐕑𐕒𐕓𐕔𐕕𐕖𐕗𐕘𐕙𐕚𐕛𐕜𐕝𐕞𐕟𐕠𐕡𐕢𐕣𐕤𐕥𐕦𐕧𐕨𐕩𐕪𐕫𐕬𐕭𐕮𐕯𐕰𐕱𐕲𐕳𐕴𐕵𐕶𐕷𐕸𐕹𐕺𐕻𐕼𐕽𐕾𐕿𐖀𐖁𐖂𐖃𐖄𐖅𐖆𐖇𐖈𐖉𐖊𐖋𐖌𐖍𐖎𐖏𐖐𐖑𐖒𐖓𐖔𐖕𐖖𐖗𐖘𐖙𐖚𐖛𐖜𐖝𐖞𐖟𐖠𐖡𐖢𐖣𐖤𐖥𐖦𐖧𐖨𐖩𐖪𐖫𐖬𐖭𐖮𐖯𐖰𐖱𐖲𐖳𐖴𐖵𐖶𐖷𐖸𐖹𐖺𐖻𐖼𐖽𐖾𐖿𐗀𐗁𐗂𐗃𐗄𐗅𐗆𐗇𐗈𐗉𐗊𐗋𐗌𐗍𐗎𐗏𐗐𐗑𐗒𐗓𐗔𐗕𐗖𐗗𐗘𐗙𐗚𐗛𐗜𐗝𐗞𐗟𐗠𐗡𐗢𐗣𐗤𐗥𐗦𐗧𐗨𐗩𐗪𐗫𐗬𐗭𐗮𐗯𐗰𐗱𐗲𐗳𐗴𐗵𐗶𐗷𐗸𐗹𐗺𐗻𐗼𐗽𐗾𐗿𐘀𐘁𐘂𐘃𐘄𐘅𐘆𐘇𐘈𐘉𐘊𐘋𐘌𐘍𐘎𐘏𐘐𐘑𐘒𐘓𐘔𐘕𐘖𐘗𐘘𐘙𐘚𐘛𐘜𐘝𐘞𐘟𐘠𐘡𐘢𐘣𐘤𐘥𐘦𐘧𐘨𐘩𐘪𐘫𐘬𐘭𐘮𐘯𐘰𐘱𐘲𐘳𐘴𐘵𐘶𐘷𐘸𐘹𐘺𐘻𐘼𐘽𐘾𐘿𐙀𐙁𐙂𐙃𐙄𐙅𐙆𐙇𐙈𐙉𐙊𐙋𐙌𐙍𐙎𐙏𐙐𐙑𐙒𐙓𐙔𐙕𐙖𐙗𐙘𐙙𐙚𐙛𐙜𐙝𐙞𐙟𐙠𐙡𐙢𐙣𐙤𐙥𐙦𐙧𐙨𐙩𐙪𐙫𐙬𐙭𐙮𐙯𐙰𐙱𐙲𐙳𐙴𐙵𐙶𐙷𐙸𐙹𐙺𐙻𐙼𐙽𐙾𐙿𐚀𐚁𐚂𐚃𐚄𐚅𐚆𐚇𐚈𐚉𐚊𐚋𐚌𐚍𐚎𐚏𐚐𐚑𐚒𐚓𐚔𐚕𐚖𐚗𐚘𐚙𐚚𐚛𐚜𐚝𐚞𐚟𐚠𐚡𐚢𐚣𐚤𐚥𐚦𐚧𐚨𐚩𐚪𐚫𐚬𐚭𐚮𐚯𐚰𐚱𐚲𐚳𐚴𐚵𐚶𐚷𐚸𐚹𐚺𐚻𐚼𐚽𐚾𐚿𐛀𐛁𐛂𐛃𐛄𐛅𐛆𐛇𐛈𐛉𐛊𐛋𐛌𐛍𐛎𐛏𐛐𐛑𐛒𐛓𐛔𐛕𐛖𐛗𐛘𐛙𐛚𐛛𐛜𐛝𐛞𐛟𐛠𐛡𐛢𐛣𐛤𐛥𐛦𐛧𐛨𐛩𐛪𐛫𐛬𐛭𐛮𐛯𐛰𐛱𐛲𐛳𐛴𐛵𐛶𐛷𐛸𐛹𐛺𐛻𐛼𐛽𐛾𐛿𐜀𐜁𐜂𐜃𐜄𐜅𐜆𐜇𐜈𐜉𐜊𐜋𐜌𐜍𐜎𐜏𐜐𐜑𐜒𐜓𐜔𐜕𐜖𐜗𐜘𐜙𐜚𐜛𐜜𐜝𐜞𐜟𐜠𐜡𐜢𐜣𐜤𐜥𐜦𐜧𐜨𐜩𐜪𐜫𐜬𐜭𐜮𐜯𐜰𐜱𐜲𐜳𐜴𐜵𐜶𐜷𐜸𐜹𐜺𐜻𐜼𐜽𐜾𐜿𐝀𐝁𐝂𐝃𐝄𐝅𐝆𐝇𐝈𐝉𐝊𐝋𐝌𐝍𐝎𐝏𐝐𐝑𐝒𐝓𐝔𐝕𐝖𐝗𐝘𐝙𐝚𐝛𐝜𐝝𐝞𐝟𐝠𐝡𐝢𐝣𐝤𐝥𐝦𐝧𐝨𐝩𐝪𐝫𐝬𐝭𐝮𐝯𐝰𐝱𐝲𐝳𐝴𐝵𐝶𐝷𐝸𐝹𐝺𐝻𐝼𐝽𐝾𐝿𐞀𐞁𐞂𐞃𐞄𐞅𐞆𐞇𐞈𐞉𐞊𐞋𐞌𐞍𐞎𐞏𐞐𐞑𐞒𐞓𐞔𐞕𐞖𐞗𐞘𐞙𐞚𐞛𐞜𐞝𐞞𐞟𐞠𐞡𐞢𐞣𐞤𐞥𐞦𐞧𐞨𐞩𐞪𐞫𐞬𐞭𐞮𐞯𐞰𐞱𐞲𐞳𐞴𐞵𐞶𐞷𐞸𐞹𐞺𐞻𐞼𐞽𐞾𐞿𐟀𐟁𐟂𐟃𐟄𐟅𐟆𐟇𐟈𐟉𐟊𐟋𐟌𐟍𐟎𐟏𐟐𐟑𐟒𐟓𐟔𐟕𐟖𐟗𐟘𐟙𐟚𐟛𐟜𐟝𐟞𐟟𐟠𐟡𐟢𐟣𐟤𐟥𐟦𐟧𐟨𐟩𐟪

Нам не известно, какой из этих текстов соответствует оригиналу. Что касается года Овцы, то при жизни Ильтэрэс-кагана он совпадал с 689 годом.

Из всего этого можно сделать вывод, что Онгинский памятник был поставлен в 692 (год Дракона, по изданию С. Е. Малова) или в 689 году (год Овцы, по изданию Дж. Клосона) одним из сподвижников первого кагана второго Тюркского каганата Ильтэрэс-кагана—Ышбара тамган тарканом в честь умерших в 692 или 689 году своих родных—отца Элетмиша Ябгу и старшего брата Чура Ега.

Слово карауап из древнетюркских рунических памятников до сих пор считалось именем собственным. Поэтому все переводчики в четвертой строке передней стороны Онгинского памятника оставили его непереуведенным, и фраза в переводе получилась несколько странной: «Я, Капаган, был воспитан в преданности государству Эльтэрэс-кагана» (С. Е. Малов). Это слово послужило причиной многих неправильных переводов. И только В. В. Радлов, хотя и оставил его непереуведенным, но высказал по этому поводу свое сомнение.

В статье «Об Онгинском памятнике и о слове «капаган»¹⁸ нами было доказано, что орхоно-енисейское слово карауап является отглагольным прилагательным, состоящим из двух составных частей: *kap* «хватать, кусать» и аффикса *-aуap*, образующего прилагательное со значением постоянного качества. В текстах орхоно-енисейских памятников слово карауап для одного кагана является именем собственным (в памятнике Тоньюкука), а перед именем другого кагана (в Онгинском памятнике) дается в качестве эпитета и может быть переведено как «завоеватель — человек, постоянное свойство которого — отнимать (хватать) земли у других».

Таким образом, первое предложение четвертой строки передней стороны Онгинского памятника можно перевести на русский язык так: «Я был воспитан в эле завоевателя Эльтэрэс-кагана».

СТРОКА	ФОТО	ИЗДАНИЕ С. Е. МАЛОВА	ИЗДАНИЕ Дж. КЛОСОНА
I	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ
V	ᠰᠢᠩᠭᠠᠨ	ᠰᠢᠩᠭᠠᠨ	ᠰᠢᠩᠭᠠᠨ
VIII	ᠰᠢᠩᠭᠠᠨ	ᠰᠢᠩᠭᠠᠨ	ᠰᠢᠩᠭᠠᠨ
XII	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ
VI	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ
XII	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠶᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ

¹⁸ А. Раджабов. Об Онгинском памятнике и о слове «капаган». — «Ученые записки» АГУ им. С. М. Кирова, Баку, 1966, № 5, стр. 79—85.

В различных изданиях памятника встречаются разные графические изображения и даются различные толкования его слов. В издании С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (1959) помещены два фотоснимка. При сопоставлении их с другими изданиями, как, например, с изданием Дж. Клосона (двенадцатые строки) (см. вышеприведенную таблицу), выявляются значительные расхождения.

В издании С. Е. Малова в печатном тексте и на фотоснимке текста

есть лишнее слово кап «хан», которое в предложении никакой

смысловой нагрузки не несет.

Для успешного продолжения научных исследований следовало бы издать атлас всех текстов орхоно-енисейских памятников.

К. М. ЛЮБИМОВ

СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ ВРЕМЕН В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

До сих пор в грамматиках турецкого языка описывались лишь отдельные временные формы без попыток их сопоставления и обобщения в единую систему. Однако описание отдельных элементов не дает представления о системе времен в целом.

Задача настоящей статьи — охарактеризовать именно систему времен турецкого языка, проанализировать их взаимосвязь и взаимную обусловленность.

Система наклонений, времен и модальностей в современном турецком языке является довольно сложной; общее число входящих в нее форм достигает трех тысяч.

В турецком языке имеется шесть наклонений: изъявительное, должностное, желательное, условно-предположительное, повелительное и абстрактное¹. В составе этих наклонений не менее пятидесяти шести грамматических времен, из них двадцать простых и тридцать шесть сложных. Кроме того, имеются также причастия, герундии (глагольные имена) и устойчивые глагольные конструкции. Только в изъявительном наклонении употребляются восемь причастий, пять герундиев и множество устойчивых глагольных конструкций, сложившихся на основе герундиев, деепричастий и грамматических времен. В абстрактном наклонении, кроме грамматических времен, имеются одно причастие, два герундия и пять устойчивых глагольных конструкций, возникших также на основе герундиев и грамматических времен. Другие наклонения менее богаты грамматическими формами, выражающими время.

Большое значение в морфологии турецкого языка приобретают формы модальности — специфические формы вторых наклонений. Всего нами насчитываются пять модальностей и две лжемодальности, формы которых, употребляясь точно так же, как и модальные, не вносят дополнительных модальных значений и служат лишь средством соединения двух предложений.

Инфинитив имеет простые и сложные формы. На основе инфинитива образовался ряд устойчивых глагольных конструкций. В турецком языке насчитывается семь деепричастий, выполняющих специфическую

¹ Абстрактное наклонение выделяется нами впервые. В него включены два простых времени: «настоящее-будущее» и «неопределенный имперфект», а также причастие, лежащее в их основе, и некоторые производные от них формы, которые, как нам кажется, неоправданно представляются в изъявительном наклонении.

функцию связывания двух предложений или двух однородных сказуемых в одном предложении.

В системе времен турецкого языка особое место занимает повелительное наклонение. Характерны сложные формы повелительного наклонения типа «пусть он будет пришедшим», или «пусть он будет имеющим прийти», или «будьте пришедшими» и т. д., в которых выражается не только повеление, но и время. Наиболее тесно связано с категорией времени изъявительное наклонение, в котором аффиксы времени выступают одновременно и как аффиксы наклонения. Таким образом, у грамматических времен изъявительного наклонения имеется несколько морфологических показателей, тогда как у времен других наклонений — по одному.

Грамматический строй любого языка постепенно изменяется и совершенствуется. Так, в древнерусском языке некогда насчитывалось до десяти грамматических времен², а в современном языке сохранилось лишь три времени. Интересно отметить бытовавшие некогда в русском языке формы «пришел есть», «пришел был», «пришел бывал», «пришел буду». Аналогичные конструкции употребляются в современном турецком языке. Следовательно, можно сделать вывод, что развитие и совершенствование русского языка шло по пути сокращения количества временных форм, усиления категории вида, расширения функции существующих времен, тогда как в турецком языке до сих пор наблюдается обратный процесс: количество грамматических времен увеличивается. К числу «молодых» времен можно отнести настоящее данного момента на -уог (yazıyoğ «он пишет»), получившееся от слияния деепричастия на -ір (yazır «пиша, написав») со спрягаемым в абстрактном наклонении глаголом уйгүтек «идти» (уйгүг «идет»), настоящее длительное время на -такта (yazmaktadıg «он пишет»), образовавшееся от формы инфинитива в местном падеже, будущее ближайшее время на -так үзге (yazmak üzgedig «он вот-вот напишет»), образовавшееся от формы инфинитива с послелогом, будущее-настоящее на -сак (yazacaktıg «он будет писать»), возникшее на основе желательного наклонения. Естественно, к «молодым» временам относятся также и их пары — соответствующие прошедшие времена. Большое развитие получила категория модальностей, специфических вторых наклонений.

В турецком языке категория времени свойственна не только глаголу, но и имени. Сказуемое всякого предложения, будь оно глагольное или именное, оформляется специальными аффиксами сказуемости и всегда выражает время, соотносящееся с моментом высказывания. Аффиксы сказуемости указывают также на лицо и число.

Глагольное сказуемое выражает действие или состояние лица или предмета. Именное сказуемое, в силу своей предметности, может выражать только состояние лица или предмета. Поскольку глагольное спряжение в турецком языке носит в принципе именной характер (спрягаются причастия), то и глагольные сказуемые во многих случаях могут выражать не действие, а различные состояния лица или предмета, связанные с действием, происходящим в настоящем, имевшим место в прошлом или могущим произойти в будущем. В турецком языке имеются глагольно-временные формы, которые выражают только действия лица или предмета. Такие временные формы произошли не от причастий, они возникли от глагольных основ иного характера.

² И. К. Бунин. Система времен старославянского глагола. М., изд. АН СССР, 1959.

В турецком языке категория времени цементирует весь язык.

Любое турецкое предложение, будь оно глагольным или именным, обязательно выражает одно из абсолютных времен, настоящее или прошедшее. Сказуемым в турецком языке присущи аффиксы сказуемости или предикативные аффиксы настоящего и прошедшего времени. Глагольные сказуемые, представляющие собой спрягаемые причастия, помимо указания на абсолютные времена (аффиксы сказуемости), могут выражать более сложные временные отношения, как это свойственно причастиям: настоящее данного момента или настоящее длительное, прошедшее недавнее, или давнее, будущее ближайшее или отдаленное и т. д., то есть всевозможные относительные грамматические времена. Остановимся на категории сказуемости.

Всякое сказуемое, будь оно именное или глагольное, имеет в своем составе особые аффиксы, указывающие на время и лицо. Поскольку сказуемое в турецком языке стоит, как правило, в конце предложения, присущие ему аффиксы замыкают предложение. В тех случаях, когда по каким-либо причинам сказуемое оказывается перемещенным со своего обычного места, наличие аффиксов сразу его обнаруживает. Таким образом, аффиксы сказуемости выполняют следующие три функции: 1) являются признаком сказуемого в предложении; 2) указывают на время действия или состояние субъекта; 3) определяют лицо и число субъекта.

Некоторые исследователи турецкого языка, руководствуясь лишь третьей функцией аффиксов сказуемости, называют их личными аффиксами³. Свои суждения они основывают на факте происхождения личных аффиксов из личных местоимений, игнорируя при этом две наиболее важные функции этих аффиксов. Хорошо известно, что значения грамматических форм со временем изменяются. Они могут приобрести новые или дополнительные значения, отражающие их новые функции. Примером тому может служить повторение личных местоимений в именных и глагольных сказуемых в форме личных аффиксов.

При помощи аффиксов сказуемости в турецком языке происходит спряжение не только глаголов, но и существительных, прилагательных, числительных, местоимений. В большинстве случаев глагольное спряжение носит именной характер, т. е. спрягаемый глагол, например, «писать», приобретает следующие значения: «пишущий он есть», «написавший он есть», «пишущий он был», «написавший он был». Точно таким же образом спрягаются имена, т. е. существительные и прилагательные: «служащий он есть», «служащий он был», «старательный он есть», «старательный он был». Причем все эти случаи по-турецки выражаются одним словом. Категория времени в турецком языке не мыслится без категории лица и зависит от нее.

Некоторые исследователи называют аффиксы сказуемости настоящего времени личными аффиксами, а аффиксы сказуемости прошедшего времени — аффиксами сказуемости⁴. Другие, наоборот, термином «аффиксы сказуемости» характеризуют личные окончания настоящего времени, а аффиксы сказуемости прошедшего времени считают формами прошедшего времени недостаточного глагола *itek*⁵. Между тем обе группы упомянутых аффиксов выполняют одну и ту же функцию, и нет оснований называть их по-разному. «В силу того, что время является объек-

³ П. И. Кузнецов. Личные аффиксы в турецком языке. Труды ВИИЯ, 1954, № 5, стр. 57—72 и др.

⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 222 и др.

⁵ Ш. С. Айляров. Учебник турецкого языка. М., изд. МИВ, 1954 и др.

тивной реальностью, предикативная категория, соответствующая в мышлении суждению или умозаключению, обязательно содержит категорию времени во всех формах спряжения, которые ее выражают грамматически»⁶.

Категория сказуемости определяет формы времени и наклонения, так как именно аффиксы сказуемости характеризуют то или иное грамматическое время и наклонение.

Рассмотрим аффиксы сказуемости⁷ или предикативные аффиксы, при помощи которых спрягаются имена и глаголы в настоящем времени:

Лицо	Единственное число		Множественное число	
1	-im ⁽⁴⁾	-yim ⁽⁴⁾	iz ⁽⁴⁾	-yiz ⁽⁴⁾
2	-sin ⁽⁴⁾		-siniz ⁽⁴⁾	
3	-dir ⁽⁴⁾	-tir ⁽⁴⁾	-dirler ⁽⁴⁾	-tirler ⁽⁴⁾
		«я есмь»	«мы есмы»	
		«ты еси»	«вы есте»	
		«он есть»	«они суть»	

Примечание. В скобках указано количество возможных фонетических вариантов каждого аффикса в зависимости от гласных, например: -im⁽⁴⁾ = -im, -im̄, -im̄, -im̄.

По происхождению аффиксы сказуемости первого и второго лица настоящего времени являются измененными личными местоимениями. В современном языке они приобрели временное значение и противостоят аффиксам сказуемости прошедшего времени. Что касается аффикса третьего лица -dir, то он произошел от глагола durmak «стоять, пребывать» в форме абстрактного наклонения durug «он стоит», и его способность выражать настоящее время ни у кого не вызывает сомнения.

Спряжение существительных и прилагательных в настоящем времени происходит путем прибавления аффиксов сказуемости настоящего времени к концу спрягаемого слова. Например:

Спряжение существительного doktor «доктор»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	doktorum «я доктор (есть)»	doktoruz «мы доктора (есть)»
2	doktorsun «ты доктор (есть)»	doktorsunuz «вы доктора (есть)»
3	doktordur «он доктор (есть)»	doktordurlar «они доктора (есть)»

Спряжение прилагательного güzel «красивый»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	güzelim «я красивый (есть)»	güzeliz «мы красивые (есть)»
2	güzelsin «ты красивый (есть)»	güzelsiniz «вы красивые (есть)»
3	güzelidir «он красивый (есть)»	güzelidirler «они красивые (есть)»

⁶ В. М. Насилов. Аффиксы включения. — Сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., изд. ИМО, 1958, стр. 42.

⁷ Этот термин для турецкого языка применяется давно. См., напр., А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 72; Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Изд. ЛГУ, 1939, стр. 28; А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, стр. 43.

Спряжение существительного ev «дом» в местном падеже evde «в доме»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	evdeyim «я в доме (есть)»	evdeyiz «мы в доме (есть)»
2	evdesin «ты в доме (есть)»	evdesiniz «вы в доме (есть)»
3	evdedir «он в доме (есть)»	evdedirler «они в доме (есть)»

Спряжение глагольных основ (причастий) в настоящем времени аналогично спряжению существительных и прилагательных, т. е. к концу спрягаемой глагольной основы (причастия) прибавляются аффиксы сказуемости настоящего времени, ибо само причастие есть не что иное, как глагольное прилагательное. Например:

Спряжение причастия прошедшего времени yazmış «написавший»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	yazmışım «я написавший (есть)»	yazmışız «мы написавшие (есть)»
2	yazmışsın «ты написавший (есть)»	yazmışsınız «вы написавшие (есть)»
3	yazmıştı «он написавший (есть)»	yazmışlardır «они написавшие (есть)»

Спряжение причастия будущего времени yazacak «имеющий (на)писать»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	yazacağım «я имеющий (на)писать (есть)»	yazacaksınız «мы имеющие (на)писать (есть)»
2	yazacaksın «ты имеющий (на)писать (есть)»	yazacaksınız «вы имеющие (на)писать (есть)»
3	yazacaktır «он имеющий (на)писать (есть)»	yazacaklardır «они имеющие (на)писать (есть)»

Предикативные аффиксы прошедшего времени⁸ имеют две морфологические формы: краткую с фонетическими вариантами и полную, относительно самостоятельную.

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	-dim ⁽⁴⁾ , -tim ⁽⁴⁾ , -ydim ⁽⁴⁾ ; idim «я был»	-dik ⁽⁴⁾ , -tik ⁽⁴⁾ , -ydik ⁽⁴⁾ ; idik «мы были»
2	-dın ⁽⁴⁾ , -tın ⁽⁴⁾ , -ydın ⁽⁴⁾ ; idin «ты был»	-diniz ⁽⁴⁾ , -tiniz ⁽⁴⁾ , -ydingiz ⁽⁴⁾ ; idiniz «вы были»
3	-di ⁽⁴⁾ , -ti ⁽⁴⁾ , -ydi ⁽⁴⁾ ; idi «он был»	-diler ⁽⁴⁾ , -tiler ⁽⁴⁾ , -ydiler ⁽⁴⁾ ; idiler «они были»

Примечание. В скобках указано количество возможных фонетических вариантов каждого аффикса по линии гласных, например: -dim⁽⁴⁾ = -dim, -dim, -dum, -düm.

⁸ Термин этот употребляется давно. См., напр., Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Изд. ЛГУ, 1939, стр. 36; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 237.

Спряжение существительных и прилагательных в прошедшем времени происходит путем прибавления к концу спрягаемого слова предикативных аффиксов прошедшего времени, причем краткая форма аффиксов сливается со словом, подчиняясь закону гармонии гласных и закону ассимиляции согласных, и не имеет своего ударения. Полная форма является относительно независимой. Она не подчиняется закону гармонии гласных и формально несет на себе ударение, хотя и не сильно выражено. Полная форма пишется отдельно от спрягаемого слова, но, подчиняясь фонетическим законам, может произноситься слитно с ним. В современном литературном турецком языке аффиксы сказуемости прошедшего времени, как правило, пишутся слитно со спрягаемым словом. Раздельное написание этих аффиксов — дань традициям арабского письма, которым пользовались в Турции до 1930 г.

Спряжение существительного *doktor* «доктор»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	<i>doktordum</i> «я доктор был»	<i>doktorduk</i> «мы доктора были»
2	<i>doktordun</i> «ты доктор был»	<i>doktordunuz</i> «вы доктора были»
3	<i>doktordu</i> «он доктор был»	<i>doktordular</i> «они доктора были»

Спряжение прилагательного *güzel* «красивый»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	<i>güzeldim</i> «я красивый был»	<i>güzeldik</i> «мы красивые были»
2	<i>güzeldin</i> «ты красивый был»	<i>güzeldiniz</i> «вы красивые были»
3	<i>güzeldi</i> «он красивый был»	<i>güzeldiler</i> «они красивые были»

Спряжение существительного *ev* «дом» в местном падеже *evde* «в доме»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	<i>evdeydim</i> «я в доме был»	<i>evdeydik</i> «мы в доме были»
2	<i>evdeydin</i> «ты в доме был»	<i>evdeydiniz</i> «вы в доме были»
3	<i>evdeydi</i> «он в доме был»	<i>evdeydiler</i> «они в доме были»

Спряжение глагольных основ (причастий) в прошедшем времени происходит по аналогии со спряжением существительных и прилагательных, т. е. к концу спрягаемой глагольной основы (причастия) прибавляются аффиксы сказуемости прошедшего времени.

Спряжение причастия прошедшего времени *yazmış* «написавший»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	<i>yazmıştım</i> «я написавший был»	<i>yazmıştık</i> «мы написавшие были»
2	<i>yazmıştın</i> «ты написавший был»	<i>yazmıştınız</i> «вы написавшие были»
3	<i>yazmıştı</i> «он написавший был»	<i>yazmışlardı</i> «они написавшие были»

Спряжение причастия будущего времени *yazacak* «имеющий (на)писать»

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	<i>yazacaktır</i> «я имеющий (на)писать был»	<i>yazacaktır</i> «мы имеющие (на)писать были»
2	<i>yazacaktır</i> «ты имеющий (на)писать был»	<i>yazaktınız</i> «вы имеющие (на)писать были»
3	<i>yacaktır</i> «он имеющий (на)писать был»	<i>yazacakları</i> «они имеющие (на)писать были»

Спряжение турецкого глагола носит ярко выраженный именной характер, причем глагольные основы — причастия спрягаются с аффиксами сказуемости по типу «я написавший есть» или «я написавший был», а глагольные основы — герундии спрягаются с аффиксами принадлежности по типу «мое писание есть» или «мое писание было». В тех случаях, когда спрягаемой основой является инфинитив в местном падеже, спряжение происходит по типу «я в писании есть» или «я в писании был». Кстати, заметим, что инфинитив в турецком языке является скорее существительным, потому что он может принимать падежные аффиксы (кроме аффикса родительного падежа), а также включать и некоторые словообразовательные аффиксы. Интересно отметить тот факт, что «только в предикативной категории эти имена проявляются как категории глагола, как подлинный *verbum finitum*...»⁹

Таким образом, категория спряжения в турецком языке прежде всего присуща именам, а затем уже глаголам. Характерно, что спрягаемое существительное, прилагательное или глагольная основа не могут выйти за рамки настоящего или прошедшего времени, так как аффиксов будущего времени в турецком языке нет. Спряжение существительных и прилагательных ограничивается к тому же главным образом изъявительным наклонением и сомнительно-предположительной модальностью.

Аффиксы сказуемости настоящего и прошедшего времени и аффиксы принадлежности можно, конечно, называть личными окончаниями, особенно в морфологии, при изучении способов образования турецких времен, но не следует эти термины противопоставлять один другому: превалирует все-таки термин «аффиксы сказуемости», так как именно аффиксы сказуемости характеризуют сущность турецкого спряжения.

Специальных аффиксов изъявительного наклонения в турецком языке не существует. Аффиксы временных основ или, иными словами, причастий одновременно служат показателями изъявительного наклонения. Возьмем, например, глагол *yazmak* «писать», корень которого *yaz-*. Прибавим к корню аффикс причастия прошедшего времени *-miş*. Получаем форму *yazmış* «написавший», которая является основой для двух грамматических времен, образуемых путем прибавления к ней аффиксов сказуемости настоящего или прошедшего времени:

yazmışım «я написавший есть»
yazmıştım «я написавший был».

Если к корню этого же глагола прибавить аффикс причастия будущего времени *-acak*, получим форму *yazacak* «имеющий написать», которая также является основой для двух грамматических времен:

⁹ В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 44.

yazacakım «я имеющий (на) писать есть»,
yazacakım «я имеющий (на) писать был».

Таким образом, грамматические времена изъявительного наклонения образуются в два этапа: первоначально создается временная основа (причастие), а затем уже—грамматическое время.

В турецком языке широко бытуют лексико-грамматические причастия, употребляемые как прилагательные, которые могут служить основой для образования тех или иных времен. Приведем примеры некоторых лексико-грамматических причастий прошедшего и будущего времени.

Лексико-грамматические причастия на -miş:

- 1) çürümek «гнить», çürümüş elma «гнилое (сгнившее) яблоко»;
- 2) kaynamak «кипеть», kaynamış su «кипяченая (вскипевшая) вода»;
- 3) eskimek «изнашиваться», eskimiş kitap «потрепанная книга»;
- 4) ölmek «умирать», ölmüş aslan «мертвый (умерший) лев»;
- 5) okumak «читать, учиться», okumuş adam «ученый (выучившийся) человек» и т. д.

Лексико-грамматические причастия на -acak:

6) okumak «читать», okunmak (страд.) «быть читаемым», okunacak kitap «книга для чтения; книга, предназначенная для чтения»;

7) içmek «пить», içilmek (страд.) «быть выпиваемым», içilecek su «питьевая вода; вода, предназначенная для питья; вода, которую можно пить»;

8) yıkmak «мыть», yıkanmak (страд.) «мыться», yıkanacak çamaşır «белье для стирки; белье, предназначенное для стирки; белье, которое должно стираться»;

9) gitmek «идти, ехать», gidilmek (безл.) «идти, ехать», gidilecek yol «проезжая дорога; дорога, предназначенная для езды; дорога, по которой можно ехать»;

10) gelmek «приходить, прибывать», gelecek yıl «будущий год; год, который придет» и т. д.

Многие лексико-грамматические причастия субстантивировались и передают уже не качество предмета, а сам предмет, например:

geçmiş «прошлое», geçmişte «в прошлом»;

yemiş «фрукты и орехи»;

kudurmuş «сумасшедший» и т. д.;

yiyesek «то, что предназначено для еды; то, что можно есть; пища; еда; продовольствие»;

içesek «то, что предназначено для питья; то, что можно пить; питье; напитки; воды»;

giyesek «то, что предназначено для ношения; то, что можно надеть на себя; одежда» и т. д.

Лексико-грамматическим причастиям противопоставляются грамматические причастия, соответствующие тем или иным конкретным грамматическим временам. Грамматические причастия употребляются в языке только как определения. Примеры:

1) Vana bir mektup yazmış olan adam «человек, который является/являлся написавшим мне письмо»;

2) Vana bir mektup yazacak olan adam «человек, который является/являлся имеющим написать мне письмо».

Каждое из этих грамматических причастий соответствует по значению двум грамматическим временам.

yazmış olan	— yazmıştır	«он написавший есть»
	— yazmıştı	«он написавший был»
yazacak olan	— yazacaktır	«он имеющий написать есть»
	— yazacaktı	«он имеющий написать был» и т. д.

Изъявительное наклонение по сравнению с другими наклонениями более богато временными формами. Прежде всего следует отметить формы спрягаемых существительных и прилагательных в настоящем и прошедшем времени. Затем идет большая группа простых форм времени, образуемых путем спряжения причастных и не причастных глагольных основ в настоящем и прошедшем времени. Большое место в изъявительном наклонении занимают сложные времена, образуемые из причастных основ и спрягаемого глагола olmak «быть».

Имена существительные в основном (неопределенном, именительном) падеже, а также в косвенных падежах (за исключением винительного) могут спрягаться по лицам и указывать время, например:

Существительное doktor «доктор»

Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
1	doktorum «я доктор (есть)»	doktorum «я доктор был»
2	doktorsun «ты доктор (есть)»	doktorun «ты доктор был»
3	doktorudur «он доктор (есть)» сейчас, в данный момент или в данное время	doktoru «он доктор был» тогда, в определенный момент или отрезок вре- мени в прошлом

Существительное ev «дом» в местном падеже evde «в доме»

Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
1	evdeyim «я в доме (есть)»	evdeyim «я в доме был»
2	evdesin «ты в доме (есть)»	evdeyin «ты в доме был»
3	evdedir «он в доме (есть)»	evdeydi «он в доме был»

Таким же образом могут спрягаться и указывать время прилагательные, например:

Прилагательное güzel «красивый»

Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
1	güzelim «я красивый (есть)»	güzeldim «я красивый был»
2	güzelisin «ты красивый (есть)»	güzeldin «ты красивый был»
3	güzelidir «он красивый (есть)»	güzeldi «он красивый был»

Точно таким же образом спрягаются и глагольные основы, причем их именной характер очевиден. Например:

Причастие прошедшего времени *yazmış* «написавший»

Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
1	<i>yazmışım</i> «я написавший (есть)»	<i>yazmışım</i> «я написавший был»
2	<i>yazmışsın</i> «ты написавший (есть)»	<i>yazmışsın</i> «ты написавший был»
3	<i>yazmıştır</i> «он написавший (есть)»	<i>yazmıştır</i> «он написавший был»

Причастие будущего времени *yazacak* «имеющий написать»

Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
1	<i>yazacağım</i> «я имеющий написать (есть)»	<i>yazacaktım</i> «я имеющий написать был»
2	<i>yazacaksın</i> «ты имеющий написать (есть)»	<i>yazacaktın</i> «ты имеющий написать был»
3	<i>yazacaktır</i> «он имеющий написать (есть)»	<i>yazacaktı</i> «он имеющий написать был»

Подобно существительному в местном падеже, в турецком языке может спрягаться и указывать время инфинитив. Например:

Инфинитив *yazmak* «писать, писание» в местном падеже—*yazmakta* «в писании».

Лицо	Настоящее время	Прошедшее время
1	<i>yazmaktayım</i> «я в писании (есть)»	<i>yazmaktaydım</i> «я в писании был»
2	<i>yazmaktasın</i> «ты в писании (есть)»	<i>yazmaktaydın</i> «ты в писании был»
3	<i>yazmaktadır</i> «он в писании (есть)»	<i>yazmaktaydı</i> «он в писании был»

В приведенных выше примерах выступают два абсолютных грамматических времени: настоящее, выражаемое аффиксами сказуемости настоящего времени, и прошедшее, выражаемое аффиксами сказуемости прошедшего времени. Эти две временные плоскости являются доминирующими для всех спрягаемых существительных, прилагательных и причастий. В именных сказуемых никаких дополнительных временных значений нет, время указывают только аффиксы сказуемости. Что касается спрягаемых причастий, то в них от природы уже заложены те или иные временные значения, на которые наслаиваются другие временные значения, привносимые аффиксами сказуемости, которые сообщают причастию основное значение в рамках абсолютного времени. Таким образом, в простых глагольно-временных формах, образуемых на основе причастия, имеются две временные плоскости, а в сложных формах с двумя причастиями, естественно, взаимодействуют даже три временные плоскости.

К простым глагольно-временным формам можно отнести причастные и инфинитивные основы, спрягаемые с аффиксами сказуемости настоящего и прошедшего времени, а также усеченный герундий (глагольное существительное), спрягаемый с аффиксами принадлежности.

Причастные и инфинитивные основы, спрягаемые с аффиксами сказуемости настоящего времени, образуют группу настоящих времен. К этой группе относятся пять времен, из которых три причастных и два инфинитивных.

1. От причастия прошедшего времени на *-miş* (*yazmış* «написавший») образуется прошедшее-настоящее или настоящее результативное:
yazmışım «я написавший (есть), я написал»,
yazmışsın «ты написавший (есть), ты написал»,
yazmıştı «он написавший (есть), он написал».

2. От причастия будущего времени на *-acak* (*yazacak* «имеющий (на)писать») образуется будущее-настоящее или будущее в настоящем:

yazacağım «я имеющий писать (есть); я намереваюсь писать; я должен писать; я буду писать»,
yazacaksın «ты имеющий писать (есть); ты намереваешься писать; ты должен писать; ты будешь писать»,
yazacaktır «он имеющий писать (есть); он намеревается писать; он должен писать; он будет писать».

3. От предикативного причастия настоящего времени на *-ıyor* (*yazıyor* «пишущий») образуется настоящее данного момента:

yazıyorum «я пишущий (есть), я пишу теперь»,
yazıyorsun «ты пишущий (есть), ты пишешь теперь»,
yazıyor «он пишущий (есть), он пишет теперь».

Примечание. Третье лицо единственного числа аффикса сказуемости, как правило, не принимает. Нулевой показатель служит в данном случае характеристикой этого лица, поскольку это причастие в определительной функции не употребляется.

4. От инфинитива в местном падеже (*yazmakta* «в писании») образуется настоящее длительное:

yazmaktayım «я в писании (есть), я нахожусь в писании, я занят писанием, я пишу в данное время»,
yazmaktasın «ты в писании (есть), ты находишься в писании, ты занят писанием, ты пишешь в данное время»,
yazmaktadır «он в писании (есть), он находится в писании, он занят писанием, он пишет в данное время».

Ср.: *evdeyim* «я в доме (есть), я нахожусь в доме».

5. От инфинитива с послелогом *üzge* «чтобы» (*yazmak üzge* «чтобы писать») образуется будущее ближайшее:

yazmak üzereyim «я чтобы писать (есть), я готов писать, я скоро буду писать, я вот-вот начну писать»,
yazmak üzeresin «ты чтобы писать (есть), ты готов писать, ты скоро будешь писать, ты вот-вот начнешь писать»,
yazmak üzeredir «он чтобы писать (есть), он готов писать, он скоро будет писать, он вот-вот начнет писать».

Те же глагольные основы, спрягаясь с аффиксами сказуемости прошедшего времени, образуют группу прошедших времен:

1. От причастия прошедшего времени на *-miş* (*yazmış* «написавший») образуется преждепрошедшее или прошедшее результативное:

yazmışım «я написавший был, я к тому времени уже написал»,
yazmışsın «ты написавший был, ты к тому времени уже написал»,
yazmıştı «он написавший был, он к тому времени уже написал».

2. От причастия будущего времени на *-acak* (*yazacak* «имеющий написать») образуется будущее-прошедшее или будущее в прошлом:

yazacaktım «я имеющий писать был, я собирался писать, я должен был писать»,
yazacaktın «ты имеющий писать был, ты собирался писать, ты должен был писать»,

yazasaktı «он имеющий писать был, он собирался писать, он должен был писать».

3. От предикативного причастия настоящего времени на -yog (yazıyog «пишущий») образуется прошедшее определенного момента:

yazıyordım «я пишущий был, я писал тогда»,

yazıyordun «ты пишущий был, ты писал тогда»,

yazıyordu «он пишущий был, он писал тогда».

4. От инфинитива в местном падеже (yazmakta «в писании») образуется прошедшее длительное:

yazmaktaydım «я в писании был, я находился в писании, я был занят писанием, я писал тогда».

yazmaktaydın «ты в писании был, ты находился в писании, ты был занят писанием, ты писал тогда»,

yazmaktaydı «он в писании был, он находился в писании, он был занят писанием, он писал тогда».

Ср.: evdeydım «я в доме был, я находился в доме тогда».

5. От инфинитива с послелогом üzge «чтобы» (yazmak üzge «чтобы писать») образуется будущее ближайшее в прошлом:

yazmak üzgeydım «я чтобы писать был, я был готов писать, я должен был вот-вот начать писать»,

yazmak üzgeydin «ты чтобы писать был, ты был готов писать, ты должен был вот-вот начать писать»,

yazmak üzgeydi «он чтобы писать был, он был готов писать, он должен был вот-вот начать писать».

Особое положение среди простых временных форм изъявительного наклонения занимает форма прошедшего времени на -dı (yazdım «мое писание имеется»). Особенность этой формы заключается в том, что она образуется прибавлением к глагольной основе не аффиксов сказуемости, а аффиксов принадлежности и относится, таким образом, к разряду именных, субстантивных основ. О происхождении этой формы написано много. Большинство авторов приходит к выводу, что эта форма именного характера. Она образуется иначе, чем все другие простые временные формы изъявительного наклонения, и может проявить себя по-иному при образовании производных от нее форм прошедшего времени. Рассмотрим категорию принадлежности в аспекте ее использования для образования временных форм.

Смысл категории принадлежности заключается в том, что всякое существительное, будь оно именная или глагольная, может сопровождаться особыми аффиксами, указывающими на принадлежность предмета или опредмеченного действия. Категорию принадлежности следует рассматривать как категорию существительного, так как принадлежать может только предмет, предметное понятие или опредмеченное действие.

Аффиксы принадлежности или посессивные аффиксы следующие:

Лицо	Единственное число	Множественное число
1	-m, -im ⁽⁴⁾ «мой»	-miz ⁽⁴⁾ , -imiz ⁽⁴⁾ «наш»
3	-n, -ın ⁽⁴⁾ «твой»	-niz ⁽⁴⁾ , -iniz ⁽⁴⁾ «ваш»
2	-si ⁽⁴⁾ -i ⁽⁴⁾ «его»	-leri ⁽²⁾ , -leri ⁽²⁾ «их»

Примечание. В скобках указано количество возможных фонетических вариантов каждого аффикса по линии гласных, например: -im⁽⁴⁾ = -im, -ım, -um, -üm.

К именам существительным, оканчивающимся на гласную, прибавляются аффиксы первого ряда, а к именам существительным, оканчивающимся на согласную, прибавляются аффиксы второго ряда. Например:

oda «комната», odam «моя комната», odan «твоя комната», odasi «его комната», odamız «наша комната», odanız «ваша комната», odaları их комната;

ad «имя», adım «мое имя», adın «твое имя», adı «его имя», adımız «наше имя», adınız «ваше имя», adları «их имя».

Имена существительные с аффиксами принадлежности могут принимать аффиксы сказуемости третьего лица настоящего и прошедшего времени и, таким образом, выступать в роли сказуемого и выражать время. Например:

Сказуемые в настоящем времени

bu, odamdır	«это (есть) моя комната»
bu, odandır	«это (есть) твоя комната»
bu, odasıdır	«это (есть) его комната»
bu, adımdır	«это (есть) мое имя»
bu, adındır	«это (есть) твое имя»
bu, adıdır	«это (есть) его имя»

Сказуемые в прошедшем времени

bu, odamdı	«это была моя комната»
bu, odandı	«это была твоя комната»
bu, odasıydı	«это была его комната»
bu, adımdı	«это было мое имя»
bu, adındı	«это было твое имя»
bu, adıydı	«это было его имя»

Точно таким же образом могут выражать или настоящее, или прошедшее время предикативные причастия var «имеющийся, наличествующий» и yok «не имеющийся, отсутствующий». Например:

Otomobilim vardır «у меня есть (имеется) автомобиль» (досл. «мой автомобиль *есть* наличествующий»).

Otomobilim vardı «у меня был (имелся) автомобиль» (досл. «мой автомобиль *был* наличествующий»).

Otomobilin yoktur «у тебя нет (не имеется) автомобиля» (досл. «твой автомобиль *есть* отсутствующий»).

Otomobilin yoktu «у тебя не было (не имелось) автомобиля» (досл. «твой автомобиль *был* отсутствующий»).

Специфические для турецкого языка глагольные существительные (герундии), обладающие свойствами и глагола и существительного, как правило, употребляются с аффиксами принадлежности и могут быть в предложении подлежащими, сказуемыми, прямыми и косвенными дополнениями и различного рода обстоятельствами. Например:

yazdığım	«мое писание/написание»	} как действие в настоящем или прошлом
yazdığın	«твое писание/написание»	
yazdığı	«его писание/написание»	
yazdığımız	«наше писание/написание»	
yazdığınız	«ваше писание/написание»	
yazdikları	«их писание/написание»	

Подобные глагольные существительные (герундии), оказываясь в предложении сказуемыми, принимают аффиксы сказуемости настоящего или прошедшего времени. Например:

bu, yazdıgımdır	«это <i>есть</i> мое писание»	} как законченное действие в настоящем
bu, yazdıgındır	«это <i>есть</i> твое писание»	
bu, yazdıgıdır	«это <i>есть</i> его писание»	
bu, yazdıgımızdır	«это <i>есть</i> наше писание»	
bu, yazdıgınızdır	«это <i>есть</i> ваше писание»	
bu, yazdiklarıdır	«это <i>есть</i> их писание»	
o, yazdıgımdı	«то <i>было</i> мое писание»	} как законченное действие в прошлом
o, yazdıgındı	«то <i>было</i> твое писание»	
o, yazdıgıydı	«то <i>было</i> его писание»	
o, yazdıgımızdı	«то <i>было</i> наше писание»	
o, yazdıgınızdı	«то <i>было</i> ваше писание»	
o, yazdiklarıydı	«то <i>было</i> их писание»	

Из приведенных выше герундиев в результате стяжений образовались два прошедших времени изъявительного наклонения.

Прошедшее время на -dı:

yazdım	«мое писание/написание имеется налицо»
yazdın	«твое писание/написание имеется налицо»
yazdı	«его писание/написание имеется налицо»

Эти формы в современном турецком языке являются формами прошедшего времени, которое выражает законченное однократное действие, но отдаленное от настоящего времени или находящееся на стыке настоящего и прошедшего времен. Формы этого времени переводятся на русский язык прошедшим временем совершенного вида: «я написал», «ты написал», «он написал» и т. д.

Прошедшее время на -dıydı:

yazdımdı	«мое писание/написание было (имело место)»
yazdındı	«твое писание/написание было (имело место)»
yazdıydı	«его писание/написание было (имело место)»

Эти формы в современном турецком языке являются формами преждепрошедшего или давнопрошедшего времени, которое выражает законченное однократное действие в плане прошедшего времени и переводится на русский язык словами: «я уже писал», «ты уже писал», «он уже писал».

Происхождение прошедшего времени на -dı объясняется по-разному¹⁰, но следует считаться с современным состоянием турецкого языка, в котором имеются либо аффиксы сказуемости, либо аффиксы принадлежности. Исходя из этого надо признать, что формы прошедшего времени на -dı для современного турецкого языка являются формами гла-

¹⁰ Н. А. Баскаков. Причастие на -ды/-ты в тюркских языках. — Труды МИВ, 1951, № 6, стр. 205—217; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 140—141; Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 35; А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего-категорического времени в тюркских языках.—Тюркологический сборник, 1951, № 1, стр. 112—119; Jean Deny. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1920, стр. 1110—1111.

гольного существительного с аффиксами принадлежности. Этот вывод подкрепляется тем, что в современном турецком языке формы прошедшего времени образуются по типу yazdıgımdı, т. е. yazdımdı «мое написание было», точно так же, как и odamdı «моя комната была», где oda- — корень, -m- — аффикс принадлежности первого лица единственного числа и -dı — аффикс сказуемости прошедшего времени третьего лица единственного числа.

Своеобразие форм этого времени отчетливо обнаруживается при сравнении их с причастными формами, которые образуются аффиксами сказуемости прошедшего времени¹¹:

yazmışım «я написавший был»,
yazdımdı «мое писание/написание было (имело место)».

Таким образом, в изъявительном наклонении имеется двенадцать простых форм времени: пять пар причастных, спрягаемых с аффиксами сказуемости, и одна пара субстантивная, спрягаемая с аффиксами принадлежности.

Система турецких грамматических времен обладает характерной семантической особенностью: одни временные формы передают только действия (лица или предмета), другие — только состояния.

В русском языке глагол выражает действие или состояние только в зависимости от его лексического значения, а не от грамматической формы.

В турецком языке, имеющем множество временных форм, оказалось возможным выражать действия и состояния субъектов грамматически. Русское предложение «он лег» на турецкий язык переводится двояко: при необходимости выразить действие по-турецки говорят: yatdı «он лег (он что-то сделал)», а при необходимости выразить состояние следует сказать: yatmıştıgı «он есть легший (он пребывает в некоем состоянии)».

Исходя из грамматических возможностей турецкого языка, предложения «он рубит», «он читает», «он лежит», «он спит» можно представить или как действия и передать одной грамматической формой, или как состояния и передать другой грамматической формой.

Для выражения действий употребляются формы настоящего времени данного момента (yazıyordum «я пишу в данный момент»), прошедшего определенного момента (yazıyordum «я писал тогда»), прошедшего на -dı (yazdı «я написал») и преждепрошедшего на -dıydı (yazdımdı «я уже написал»). Остальные простые временные формы передают различные состояния лиц и предметов. Спрягаемые с аффиксами сказуемости существительные и прилагательные могут выражать лишь состояния в настоящем и прошедшем временах. Различные состояния выражают и многие простые временные формы изъявительного наклонения, представляющие собой спрягаемые причастия. Для третьего лица характерным показателем состояния является аффикс сказуемости -dıgı, который восходит к глаголу durmak «стоять».

Грамматические времена, образуемые от других наклонений глагола, как-то: долженствовательного, желательного, условно-предположительного и абстрактного, принципиально не отличаются от времен изъявительного наклонения. Особенностью всех этих времен является ограниченность их форм. В отличие от изъявительного наклонения, имеющие

¹¹ В грамматиках и учебниках можно встретить наряду с формами yazdımdı, yazdımdı и т. д. и формы yazdıyım, yazdıyım и т. д., образованные по аналогии с причастными временными формами.

го много формальных показателей, долженствовательное наклонение, например, имеет только один формальный показатель -malı. Точно также и желательное, и условно-предположительное, и абстрактное наклонения имеют только по одному формальному показателю. Следовательно, косвенные наклонения не богаты временными формами, так как формальные показатели, указывающие на их грамматическую семантику (долженствование, желание, условие, абстракция), не обладают временными значениями.

Примеры:

Долженствовательное наклонение:

yazmalıyım «я должен (на) писать»,
yazmalıydım «я должен был (на) писать».

Желательное наклонение:

yazaıym «написать бы мне теперь, напишу-ка я»,
yazaydıım «написать бы мне тогда».

Условно-предположительное наклонение:

yazsam «если бы я написал теперь»,
yazsaydıım «если бы я написал тогда».

Абстрактное наклонение:

yazarım «я могу (умею) писать»,
yazardım «я мог (умел) писать».

В простых формах косвенных наклонений выражается лишь одно абсолютное время: или настоящее, или прошедшее.

В сложных временных формах, образуемых спрягаемым глаголом olmak «быть, становиться, являться» с лексико-грамматическими причастиями, ничего принципиально нового нет. Все сложные формы также представляют собой одно из абсолютных времен: либо настоящее, либо прошедшее. Их особенность заключается в том, что в каждой форме переkreциваются две или три временные плоскости. Примеры:

1) yazmış olacağım «я есть имеющий быть написавшим», т. е. «я буду

3 2 1 1 2 3

написавшим (к определенному моменту в будущем)»;

2) yazacak olmuşum «я тогда был ставший имеющий написать»,

3 2 1 1 2 3

т. е. «я уже совсем собрался написать» и т. д.

В турецком языке категория наклонения свойственна не только глаголам, но и именам, поскольку последние также изменяются по лицам и, будучи сказуемыми в предложении, имеют показатель времени. Турецкий язык позволяет вести повествование посредством именных предложений, в которых сказуемое выражено существительными и прилагательными.

Пример повествования в настоящем времени изъявительного наклонения:

Benim dostum doktordur. Doktor iyi bir adamdır. O daha gençtir. Şimdi o buradadır. Bu genç adam da dostumdur. O mühendistir.

«Мой друг — доктор. Доктор — хороший человек. Он еще молодой. Сейчас он здесь. Этот молодой человек тоже мой друг. Он — инженер».

Пример повествования в прошедшем времени изъявительного наклонения:

O zaman benim dostum doktordu. Doktor iyi bir adamdı. O daha gençti. O zaman buradaydı. Bu genç adam da dostumdu. O mühendisti.

«В то время моим другом был доктор. Доктор был хорошим человеком. Он был еще молодым. В то время он находился здесь. Этот молодой человек тоже был моим другом. Он был инженером».

Но существительные и прилагательные могут передавать лишь различные состояния субъектов, связанные с лицами и предметами (он — доктор, он — мой друг), или с определением их качеств (он — хороший, он — молодой), или с указанием местонахождения (он — здесь). Следовательно, возможности выражения временных отношений у имен существительных и прилагательных ограничены рамками абсолютного настоящего и абсолютного прошедшего времени в пределах главным образом изъявительного наклонения и сомнительно-предположительной модальности на -miş.

Аффиксы сказуемости настоящего времени иногда могут придавать значение обобщения или умозаключения. Например: körek akıllı bir hayvandır «собака — умное животное». Однако это обстоятельство не дает оснований считать выражение абстрактных суждений при помощи аффиксов сказуемости их второй, параллельной функцией. Это лишь частная, дополнительная функция данных аффиксов, вытекающая из основного значения. В предложении körek akıllı bir hayvandır «собака — умное животное» подразумевается более широкий диапазон времени, чем настоящее данного момента. Но в этом как раз и заключается особенность именных предложений: в них, как правило, мы имеем дело с настоящим абсолютным временем, не ограниченным какими-либо рамками и условиями.

Именное сказуемое, как и глагольное, может принимать модальные аффиксы и переходить из реального (изъявительного) в иные наклонения.

Пример повествования в настоящем времени так называемого чужесловного наклонения:

Bu adam doktormuş. O, iyi adammış. O daha gençmiş. Şimdi o buradaymış.

«Этот человек, говорят, доктор. Он, говорят, хороший человек. Он, говорят, еще молодой. Сейчас он, говорят, здесь».

В этих предложениях мысль излагается предположительно, то есть утверждение передается словами другого лица, выражающими субъективную оценку и сообщающими оттенок нсуверенности или недостоверности.

Специфической особенностью турецких форм спряжения является постоянное указание на одно из абсолютных времен: настоящее или прошедшее. Многие грамматические формы в зависимости от ситуации могут выражать как настоящее время, так и прошедшее, то есть они являются нейтральными в плане абсолютного времени и указывают лишь на процесс совершения действия, либо на его законченность или на необходимость совершения. Конкретное значение абсолютного времени эта форма приобретает в контексте.

Приводим некоторые из этих форм:

yazdigi	«он пишет» и «он (на) писал»,
yazacagi	«он будет писать» и «он должен был (на) писать»,
yaziyormuş	«он, кажется, пишет/писал»,
yaziyorsa	«если он пишет/писал» и т. д.

Даже обычная форма настоящего времени *уазуог* «он пишет» может приобрести значение прошедшего времени («он писал») только потому, что главное сказуемое всего повествования стоит в прошедшем времени. По этой же причине встретившееся в тексте лексико-грамматическое причастие будущего времени *уазасак* «имеющий (на)писать» превращается в одно из прошедших времен *уазасак (тi)* «он должен был написать».

Система наклонений и времен в турецком языке основана прежде всего на выражении абсолютного времени (настоящего и прошедшего). Многочисленные относительные времена лишь уточняют абсолютное время. Всякое относительное время обязательно и прежде всего указывает абсолютное время: настоящее или прошедшее. Таким образом, спряжение имен и глаголов в турецком языке происходит в двух временных плоскостях: в плоскости настоящего и в плоскости прошедшего времени.

Что касается действий будущих, то здесь мы имеем дело не с имевшими место фактами, а только с воображаемыми. Всякое будущее действие понимается как действие мыслимое, предполагаемое в силу желания, долженствования, или в результате умозаключения.

Трудно представить себе конкретное будущее действие в процессе; можно лишь говорить о его начале или конце. Можно желать или готовиться совершить действие, но самый процесс совершающегося в будущем действия представить нельзя.

Действие реально существует в настоящем времени, например: «мальчик рисует».

Действие могло происходить в прошлом, тогда в настоящем времени являясь его результатом: «Охотник убил медведя. Снял с него шкуру».

Будущее действие не материально, оно лишь воображаемое и не осмысливается вне связи с настоящим.

Это подтверждается глагольно-временными формами современных языков. Так, например, в немецком языке будущее действие выражается настоящим временем глагола *werden* «становиться» и инфинитивом: *ich werde schreiben* «я становлюсь писать». Во французском языке будущее действие передается при помощи формы настоящего времени глагола *avoir* «иметь» и инфинитива: *j'écirai* (= *j'ai écrire*) «я имею писать». В русском языке для этой цели используется глагол «быть», спрягаемый в настоящем времени («я буду, ты будешь, он будет» и т. д.): «я буду писать», где слово «буду», выражая настоящее время, стоит в общем формальном ряду со словами «хочу» и «могу». В морфологическом составе «буду» легко отделить основу и окончание настоящего времени «(-у)»¹². Если исходить из значения глагола «быть» и учесть форму прошедшего времени от этого глагола «был», то можно сделать вывод, что слово «буду» примерно соответствует словам «бытую», «бываю», «пробываю», «нахожусь», «являюсь». Таким образом, смысл русского предложения «я буду писать» примерно соответствует смыслу «я являюсь писать».

В русском языке законченное будущее время образуется путем прибавления к глаголам несовершенного вида различных приставок, причем форма настоящего времени сохраняется: «я напишу». Этим же способом стали пользоваться для образования новых глаголов того же корня: «перепишу», «надпишу», «подпишу» и т. д.

В турецком языке для выражения будущего времени применяется или желательное наклонение (*уазауит* «напишу-ка я»), или будущее-

¹² В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 569.

настоящее время, образуемое спряжением причастия будущего времени в настоящем времени (*yaзacagım* «я есть тот, который имеет писать/написать»). Между прочим, причастие будущего времени восходит опять-таки к желательному наклонению (*yaза + sak*).

Все эти формы наглядно подтверждают тот факт, что человек не в состоянии реально представить себе будущее действие вне связи с настоящим. А раз это так, то можно сделать важный практический вывод: будущее время представляет собой личные формы настоящего времени и может, следовательно, переводиться на русский язык глаголами настоящего времени как совершенного, так и несовершенного вида.

В системе грамматических времен турецкого языка формально будущего времени нет. Однако оно может передаваться следующими способами, в зависимости от характера действия:

1) Аффиксами сказуемости настоящего времени с обстоятельственными словами: *Ben yaгın Izmirdeyim* «Я завтра в Измире».

2) Настоящим временем данного момента с обстоятельными словами: *Ben yaгın Bakı'ye gidiyorum* «Я завтра еду в Баку». Этот способ применим к весьма ограниченному числу глаголов, главным образом к глаголам движения.

3) Будущим-настоящим временем при выражении намерения или готовности: *Ben yaгın size geleceğim* «Я собираюсь завтра прийти к вам».

4) Настоящим временем абстрактного наклонения при выражении обещания: *Peki, yaгın size gelirim* «Хорошо, я завтра приду (могу прийти) к вам».

5) Настоящим временем желательного наклонения при выражении желания как порыва к действию (часто употребляется в вопросительной форме): *Bu akşam size geleyim mi?* «Прийти ли мне сегодня вечером к вам?».

Три последние формы весьма употребительны, но не взаимозаменяемы. Так, при выражении обещания нельзя употребить будущее-настоящее: *Peki, yaгın size geleceğim?* «Хорошо, я собираюсь завтра прийти к вам», или настоящее желательное: *Peki, yaгın size geleyim?* «Хорошо, приду-ка я завтра к вам?»

Точно так же нельзя при выражении намерения употребить настоящее абстрактное: *Yaгın size gelirim* «Я завтра приду к вам» или настоящее желательное: *Yaгın size geleyim?* «Приду-ка я завтра к вам, (а)?»

Желание как порыв или призыв к действию нельзя выразить ни будущим-настоящим, ни настоящим абстрактным.

Касаясь вопроса передачи будущего времени средствами турецкого языка, необходимо помнить, что настоящее время абстрактного наклонения выражает постоянное свойство лица или предмета, его внутреннюю способность или возможность совершить действие. Тот факт, что это время мы на русский язык переводим будущим временем, не дает еще основания считать его будущим. Приведем два примера:

а) *Balık tutmak zor değil ya. Tutar satarım, para kazanırım hem de kapımı doyururum* (Ф. П. Гайдаров. Учебник турецкого языка). «Ловить рыбу ведь нетрудно. Поймаю—продам, заработаю денег, и сам сыт буду» (т. е. я могу поймать, продать, заработать и быть сытым).

б) *Kazma kuuyuyu kendin düşersin* (поговорка) «Не рой яму другому, сам в нее упадешь» (т. е. «можешь упасть»).

Будущее время в турецком языке может также передаваться:

6) Настоящим временем долженствовательного наклонения: *Ben yarın size gelmeliyim* «Я должен завтра прийти к вам».

7) Настоящим временем условно-предположительного наклонения: *Yarın size gelsem* «Если бы я завтра пришел к вам».

Кроме перечисленных возможностей, будущие действия могут быть переданы еще следующими сложными временами:

8) *Yarın yazmış olacağım* «Я собираюсь стать (я буду) завтра написавшим» или «Я напишу (к определенному сроку)».

9) *Yarın yazmış olurum* «Я могу быть завтра написавшим».

10) *Yarın yazacak olurum* «Я могу быть завтра имеющим написать».

11) *Yarın yazmış olmalıyım* «Я должен быть завтра написавшим».

12) *Yarın yazmış olayım* «Быть бы мне завтра написавшим».

13) *Yarın yazar olayım* «Быть бы мне могущим завтра написать».

14) *Yarın yazmış olsam* «Если бы я был завтра написавшим».

15) *Yarın yazacak olsam* «Если бы я был завтра имеющим написать».

В турецком языке имеются большие возможности для передачи будущего времени в прошлом, однако конкретного выражения в глагольных формах оно еще не получило. Аффиксы сказуемости будущего времени в турецком языке отсутствуют. Следовательно, существительные, прилагательные и глаголы не могут спрягаться в будущем времени. Турецкое спряжение — двувременное: «я есть солдат» — «я был солдат»; «я есть написавший» — «я был написавший»; «я есть имеющий написать» — «я был имеющий написать» и т. д.

М. А. ХАБИЧЕВ

О ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ В АЛАНСКИХ КАТАКОМБАХ*

В течение последних нескольких лет в одном из основных центров исторической Алании—Хумаринском городище, расположенном в Карачаевском районе Карачаево-Черкесской автономной области, были обнаружены древнетюркские рунические надписи.

Большую работу по сбору, анализу и опубликованию материалов Хумаринского городища провели и продолжают вести в настоящее время тюрколог А. М. Щербак и археолог В. А. Кузнецов.

Следует отметить, что возможности дальнейшего обнаружения древнетюркских рунических надписей на Северном Кавказе, особенно на территории Карачаевского района, далеко не исчерпаны. Так, в мае 1968 г., узнав от ветеринарного врача М. Боташева об обнаружении им каких-то странных знаков на одной из скал Каракентского ущелья Карачаевского района, мы вместе с проф. У. Б. Алиевым, доцентами К. Т. Лайпановым и Х. И. Хаджилаевым и старшим преподавателем Р. Н. Клычевым отправились к указанному месту вверх по речке Кара-Кент. Предполагаемые скальные надписи оказались следами сталактитовых отложений. Но зато над заинтересовавшей нас скалой были обнаружены развалины древнетюркского городища Кара-Кент, что в переводе с карачаево-балкарского языка означает «Черный город». Это городище расположено в десяти километрах к юго-западу от Хумаринского, на одном уровне с последним, так что от него хорошо просматриваются окрестности, на север и юго-запад, а также само Хумаринское городище. Каракентское городище, как и Хумаринское, было окружено в свое время каменной стеной. Остатки ее в настоящее время имеют вид вала.

На каменных обломках Каракентского городища мы обнаружили древнетюркские руны. На поверхности одного из камней, найденного возле крепостной стены, сохранилась следующая надпись:

IXC<BA saban azaу «край (подножье), пашни (поля)».

Обнаруженные знаки в основном совпадают с рунами на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого и Хумаринского городищ.

* Публикуя данную статью, редакция считает необходимым подчеркнуть, что древнетюркские рунические надписи, обнаруженные в Аланских катакомбах, даны в авторском чтении. Редакция надеется, что по статье М. А. Хабичева высказутся и другие специалисты.

Рис. 1. Надпись на камне у крепостной стены городища Кара-Кент

Наличие в слове *azaуу* «край, подножье» звука *z* подтверждает высказывание Махмуда Кашгарского о том, что кыпчаки, сувары, болгары и *другие племена* (курсив наш. — М. Х.), живущие по соседству с Русью и Римом, вместо *б* произносят *z*: вместо *адак* произносят *азак* «нога» (МК, I, 68).

Особый интерес представляют древнетюркские рунические надписи, найденные в Аланских катакомбах.

О катакомбных надписях у Токмак-Кая, на территории совхоза «Красногорский» Карачаевского района КЧАО, впервые нам сообщил учитель Сарытюзской средней школы Д. Джашеев.

В марте 1962 г. автор этих строк, К. Т. Лайпанов и Д. Джашеев совершили поездку к указанным катакомбам у Токмак-Кая и на своде одной из них, условно названной нами катакомбой № 1, обнаружили древнетюркскую руническую надпись.

Рис. 2. Надпись над входным отверстием катакомбы № 1

Некоторые археологи проявили излишнюю поспешность, объявив руны надписи обычными тамгами¹.

При последующих обследованиях катакомб у Токмак-Кая мы провели обмеры катакомбы № 1, обнаружив при этом и наружную надпись, эстампировали и сфотографировали как наружную, так и внутреннюю надписи.

В настоящее время вход в катакомбу находится на глубине 1 м 60 см, высота и ширина входного отверстия — 60×60 см, расстояние от основания входного отверстия до основания могильной ямы — примерно 1 м, высота самой катакомбы — 1 м 50 см, длина дна — более 2 м, ширина — 1 м 50 см.

Знаки, обнаруженные в катакомбе № 1, в большинстве своем, как уже отмечалось выше, совпадают с рунами на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого и Хумаринского городищ. Некоторые из них напоминают орхоно-енисейские руны.

Особенностью надписи на куполообразном своде катакомбы является то, что срединные согласные, а в первой фразе и конечная согласная, выделяются своей большей величиной.

В начале надписи знаки в основном располагаются вокруг руны

○ т, затем по обе стороны, — ⑆ -nt и ⑆ -l и далее,

снаружи и внутри. — ⑆ nt.

Знаки надписи имеют геометрическую и фигурную формы. Свод катакомбы был отшлифован и покрыт каким-то составом красного цвета. На нем сохранилось много линий самых разнообразных начертаний.

Под входным отверстием высечено **Н8R**. Читается эта над-

пись справа налево ^vз'пгуз «один, одинокий», а ниже — **нн** иj «дом, помещение». Вся надпись — ^vз'пгуз иj «один дом, одинокий дом» или «одинокая катакомба», «дом (катакомба), в котором покоится (похоронен) один».

Особенностью языка надписи является наличие начального ^vз.

Почти все знаки совпадают с болгарскими. Выражением «болгарский» мы пользуемся условно, ибо у одних авторов те же «болгар-

¹ Т. М. Минаева. Скальные катакомбные могильники верховьев реки Кубани. (Доклад, прочитанный в г. Минске 22 апреля 1963 г. на сессии, посвященной результатам полевых исследований ИАИЭ АН СССР, 1962 г.); Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. — «Труды КЧНИИ», вып. V (серия историческая), Ставрополь, 1966, стр. 245.

ские»² знаки называются условно «печенежскими»³, у других — «булгарскими или хазарскими»⁴. Мы предлагаем для катакомбных рун термин «руны тюркоязычных алан».

Надпись на куполообразном своде катакомбы:

baj tagrim

«мой великий бог».

$\text{B}^{\text{a}}\text{nt}^{\text{a}}\text{j}$

собственное имя «Бантал».

$\text{öl}^{\text{ü}}\text{nd}^{\text{ü}}$

«убит».

$\text{g}^{\text{a}}\text{g}^{\text{a}}\text{m s}^{\text{a}}\text{nt}^{\text{ä}}$

«каган (хан) здесь (в тебе)».

$\text{b}^{\text{a}}\text{s}^{\text{y}}\text{nt}^{\text{y}}$

«похоронен (покоится)».

Следовательно, вся надпись гласит: $\text{Z}^{\text{a}}\text{ngyz üj B}^{\text{ä}}\text{j t}^{\text{ä}}\text{gr}^{\text{im}} \text{B}^{\text{a}}\text{nt}^{\text{a}}\text{j ö}^{\text{l}}\text{nd}^{\text{ü}} \text{g}^{\text{a}}\text{g}^{\text{a}}\text{m s}^{\text{a}}\text{nt}^{\text{ä}} \text{b}^{\text{a}}\text{s}^{\text{y}}\text{nt}^{\text{y}}$ «Дом (катакомба), в котором покоится (похоронен) один. Мой великий бог! Бантал убит, каган похоронен здесь (дословно: в тебе)».

На современном карачаево-балкарском языке надпись читается следующим образом: $\text{Z}^{\text{a}}\text{ngyz üj. B}^{\text{ä}}\text{j tejrim! B}^{\text{a}}\text{ntal ö}^{\text{l}}\text{t}^{\text{ü}}\text{r}^{\text{ü}}\text{ld}^{\text{ü}}$ (в разговорной речи еще и $\text{öl}^{\text{ü}}\text{nd}^{\text{ü}}$), $\text{han sende basturyldy}$ (в разговорной речи встречается и basyndy).

Слово $\text{b}^{\text{ä}}\text{j}$ «великий, князь» в современном карачаево-балкарском языке звучит как bij «господин, князь», $\text{t}^{\text{ä}}\text{gr}^{\text{im}}$ «мой бог» произносится tejrim «мой бог». Архаичны для современного карачаево-балкарского языка $\text{öl}^{\text{ü}}\text{nd}^{\text{ü}}$ «убит» и basynty «похоронен». Заметим, что для языка катакомбной надписи характерно параллельное существование аффиксов 3 л. ед. ч. глаголов изъявительного наклонения $-\text{ды}$ и $-\text{ты}$, а в современном карачаево-балкарском языке употребляется только форма на $-\text{ды}$. Слово gagam «каган» соответствует «хан».

Внутри знака nt , а также между знаками nt и p !

² В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. — «Советская археология», т. I, 1963, стр. 303.

³ А. М. Щербак. Знаки на керамике из Саркела. — «Эпиграфика Востока», XII, 1958, стр. 58; *его же*. Знаки на керамике и кирпичих из Саркела—Белой Вежи. — «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. II, 1960, стр. 385.

⁴ М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — «Советская археология», XIX, 1954, стр. 263—268.

мелкими рунами написано несколько слов, чтение которых представляет большие трудности вследствие неясности очертаний рун.

Рис. 3. Надпись на своде катакомбы № 1

Сопоставление знаков надписи катакомбы № 1 с различными тюркскими рунами позволяет прийти к заключению об их большей близости к болгарским рунам, ср.:

> a, ä
 r i
 x b
 ε, ε g
 x d
 H z
 1 j
 φ l
 o m
 r n
 8 ng
 Y r
 i s
 ʔ t
 R ʒ
 N ö
 ʃ b
 o, o, φ nt

с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с болгарским
 с орхоно-енисейским
 с орхоно-енисейским
 с орхоно-енисейским

> a, ä
 r i
 x b
 ε, ε g
 x d
 N z
 1 j
 φ l
 o m
 ʃ n
 8 ng
 Y r
 i s
 ʔ t
 R ʒ
 N N ö
 ʃ b
 o, o nt

Грядом с катакомбой № 1 обнаружено много других катакомб. Входы во все катакомбы, а во многих случаях и сами катакомбы, засыпаны и заросли травой.

Рис. 4. Надпись над входным отверстием катакомбы № 2

Катакомба № 2 находится примерно в 20 метрах к юго-востоку от катакомбы № 1. Она также относится к разряду одиночных захоронений. Надпись сделана снаружи, над входным отверстием:

„ЧИВРМЧ bij ä a ö ü «могила князя Эза». Язык ее явно архаичен,

хотя непонятен балкарцу и карачаевцу.

Часть знаков надписи совпадает с болгарскими, другая часть — с орхоно-енисейскими, а один знак имеет параллель в Сент-Миклошских надписях, ср.:

ѣ	б	с болгарским	ѣ	б
Ѹ	z	с болгарским и хумаринским	Ѹ	z
и	к	с Сент-Миклошским	и	к
и	і	с орхоно-енисейским	и	і
д	ј	с орхоно-енисейским	р	ј
чч	г	с орхоно-енисейским	ч	г

Очевидно, не все аланы были изначально ираноязычными. Часть их, что подтверждается приведенными выше катакомбными надписями, являлась изначально тюркоязычной. Кстати, по мнению Е. П. Алексеевой, Аланские катакомбы в предгорьях Северного Кавказа стали появляться в I в. н. э.⁵

⁵ Е. П. Алексеева. Указ соч., стр. 201.

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТАХ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование фразеологических вариантов и их языковой природы представляет определенный научный интерес. Однако на материале тюркских языков, в том числе и уйгурского литературного языка, этот вопрос еще мало изучен.

Особенности фразеологических вариантов, отличающие их от смежных категорий устойчивых словосочетаний, позволяют выявить скрытые возможности языка, его стилистическое многообразие.

До последнего времени ученые, занимавшиеся исследованием фразеологизмов, основывали свои суждения главным образом на материале собственно идиоматических оборотов, оставляя без внимания пословицы и поговорки, которые благодаря разнообразию форм и структурных типов могут значительно расширить наше представление о фразеологизмах вообще.

Стремление языковой коммуникации к более полному и последовательному выражению мыслей, к точному определению и конкретизации многообразных предметов и явлений действительности закономерно вызывает к жизни различные лексико-грамматические варианты одних и тех же фразеологизмов, образующиеся путем комбинаторного варьирования их отдельных компонентов, а также внутренней перестройки конструктивных элементов.

Поскольку фразеологические варианты возникают в связи с насущными потребностями языка, их нельзя относить к числу избыточных явлений, приводящих к тавтологии, ибо они служат средством обогащения выразительных возможностей речи. Появление в языке фразеологических вариантов связано с приданием фразеологизмам характерной функционально-стилистической нагрузки. В этом их отличие от таких смежных типов словосочетаний, как «синонимные параллели», «структурные синонимы», «идеографические синонимы» и т. д.

В специальных работах, посвященных сущности и специфике фразеологических вариантов, классификации их основных признаков и критериев дифференциации, мы находим самые противоречивые суждения¹. Так, например, основываясь на материале узбекского языка, Ш. Рахматуллаев выдвигает ряд критериев, определяющих механизм варьирования фразеологических единиц. По его мнению, эти критерии с некоторыми оговорками могут быть приемлемыми и для уйгурского языка. Ав-

¹ Подробнее см. монографию Ш. Рахматуллаева «Узбек фразеологиясининг базъи масалалари», Ташкент, 1966, стр. 132—144.

тор считает, что фразеологические варианты в узбекском языке образуются путем «разрастания» фразеологизма и лексико-грамматических изменений в его структуре². Варианты одного и того же фразеологизма объединяются между собою общностью источника, единством образа и семантических значений, а также наличием обязательного лексического компонента, повторяющегося в каждой из модификаций. Ш. Рахматуллаев полагает, что единство значений варьирующихся фразеологизмов не исключает наличия в них некоторых семантических и стилистических различий. При этом варьирование, как правило, не влечет за собой перехода фразеологизма из одного вариантного ряда в другой. Иного мнения придерживается З. Г. Ураксин, рассматривающий этот вопрос на материале башкирского языка. «Под вариантностью во фразеологии понимается, — пишет он, — изменение морфологического облика компонентов словосочетания или же полная замена одного компонента другим. Если такая перемена состава не приводит к изменениям в семантическом или стилистическом отношении, то данные словосочетания будут называться вариантами, если замена компонентов и их грамматических форм приводит к некоторым смысловым или стилистическим сдвигам, то они признаются структурными синонимами»³.

Таким образом, семантические и стилистические «сдвиги» или «отклонения» во фразеологических вариантах в одном случае (у Ш. Рахматуллаева) рассматриваются как закономерные вариации фразеологизмов, тогда как в другом (у З. Г. Ураксина) — они квалифицируются как признаки наличия структурной синонимии.

Правильная точка зрения может быть установлена на основе всестороннего анализа возможных структурных изменений и модификаций при образовании фразеологических вариантов в каждом конкретном языке. Факты уйгурского языка свидетельствуют о том, что фразеологические варианты, как правило, образуются в результате изменения или «замены» либо фразеологизма в структуре отдельных лексических компонентов, либо грамматических форм, либо того и другого. В первом случае мы имеем дело с лексическими вариантами фразеологизмов, во втором — с грамматическими, а в третьем — с лексико-грамматическими. Остановимся подробнее на анализе лексических вариантов.

Прежде чем перейти к рассмотрению лексических фразеологических вариантов, необходимо сказать об одной терминологической неточности в связи с употреблением слов «изменение» и «замена» применительно к варьирующимся лексическим компонентам фразеологизма. Например,

возьмем следующие лексические варианты⁴: *mäjdänyä cıkarmak* || *mäjdänyä atmak* || *mäjdänyä k'ältürmäk'* «вывести (что-либо) на арену». Можем ли мы в данном случае говорить, что один лексический компонент фразеологизма заменен другим? Допустим, что это так, тогда неизбежен вопрос: какой именно компонент заменен и каким? А для этого необходимо знать, какой из этих вариантов возник раньше, и почему следует принимать за исходную форму *mäjdänyä cıkarmak*, а не *mäjdänyä k'ältürmäk'*. Поскольку ответить на этот вопрос не представляется возможным, в подобных случаях вместо термина «замена» оправданнее пользоваться термином «варьирование».

² Ш. Рахматуллаев. Указ. раб., стр. 145.

³ З. Г. Ураксин. Фразеологические синонимы в современном башкирском языке. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1966.

⁴ Здесь и далее между фразеологическими вариантами ставятся две вертикальные черточки.

ходить за рамки чисто синонимических связей и, не переходя в другие разряды фразеологизма, сохранять тождественность семантики и образа.

Для наглядности приведем ряд примеров из уйгурского языка с варьирующимися лексическими компонентами, между которыми семантическая связь имеет различные отношения и градации.

1. В качестве варьирующихся компонентов выступают фонетические дублиеты слов:

pusman	}	jemäk'	«сожалеть (о чем-нибудь)»
pusajman			
xizil	}	bolmak	«оказаться в неловком положении»
xizalät			
pärvis	}	kilmak	«ухаживать, выращивать»
pärviris			
xamarini	}	äzmäk'	«разбить, сплющить морду»
maxarini			

Варирующимися компонентами здесь выступают фонетические дублиеты слов, возникшие в результате употребления разных грамматических форм заимствованных слов, нейтральных к их семантике

(xizil || xizalät), а также вследствие фонетических деформаций: усечения (pusman || pusajman), выпадения звуков (pärvis || pärviris), метатезы (xamar || maxar) и др. Один из этих дублиетов иногда считается литературно-орфографическим (pusajman, xizalät, pärvis, xamar), а другой — разговорным (pusman, xizil, pärviris, maxar), хотя и тот и другой могут самостоятельно встречаться в составе устойчивых словосочетаний: k'ejink'i pusman — özänğä düsmän дословно: «позднее сожаление — самому же враг»; pusajmanni alidiyan kasa-jok || pusajmanni alidiyan kasa terilmas дословно: «увы, очень сожалею»; pusajman rajda bärmäs дословно: «сожаление не поможет».

2. В качестве варьирующихся компонентов выступают лексические синонимы с ясными номинативными значениями:

mäsxirä	}	bolmak	«осрамиться, опозориться»
särmändä			
gänği	}	östmäk'	«измениться в лице, сильно побледнеть»
öji			

Каждый из этих лексических вариантов фразеологизма в одинаковой степени употребителен и выражает одно и то же понятие, различаются они лишь эмоционально-экспрессивными оттенками.

3. В качестве варьирующихся компонентов выступают семантически близкие слова, связь между которыми определяется не только их абсолютными значениями, но и переносно-контекстуальным содержанием:

tumsi^vini äzmäk' || burnini äzmäk' «разбить морду»; dokurini cakar^vmak || dokurini k'örsätmäk' «показать волчий оскал»; k'äntini cak^vmak || meyizini cakmak «добратся до существа дела»; hal tartmak || maj^vtartmak «жеманиться, смотреть искоса, стесняться»; pä^vs k'älmä || bos k'älmä «не сдавайся»; bojun tavlik kilmak || kazlik kilmak || tärsalik kilmak «упрямиться, проявить неуступчивость» и др.

Эта разновидность фразеологизмов имеет наибольшее распространение в языке. В зависимости от семантической природы варьирующихся и повторяющихся компонентов подобные типы фразеологизмов (преимущественно именно-глагольные словосочетания) всегда тяготеют к фразеологическим синонимам. Но поскольку фразеологизмы могут быть синонимичными, в полном смысле этого слова, лишь тогда, когда при различных структурных элементах они выражают одно и то же понятие, указанные случаи зачастую рассматриваются как промежуточная категория между вариантами и синонимами фразеологизмов, которую принято называть «структурным синонимом фразеологизма».

Для того чтобы определить, куда отнести подобные разновидности фразеологизмов, к лексическим вариантам или к структурным синонимам, — необходимо детально разобраться в семантической природе их составных элементов. Очень важно уяснить, является ли варьирующийся лексический компонент стержневым словом, какова роль глагольного компонента и какую семантическую нагрузку он несет, основную или второстепенную.

Таким образом, необходимым условием для образования лексических фразеологических вариантов является обязательное варьирование одного из двух компонентов при их синонимичности или семантической близости. Помимо этих двух условий некоторые ученые⁵ считают необходимым и третье — одноплановость и единство образа фразеологических вариантов.

Действительно, часто в основе семантики варьирующихся лексических компонентов лежат очень схожие образные представления. Это обычно происходит в тех случаях, когда варьирующиеся компоненты являются синонимами или близкими по значению словами. Например: kujrukni tik'ivätmäk' || kujrukni xada kilmak «удрать, показать пятки»; варьирующиеся глагольные компоненты xada kilmak и tik'ivätmäk' — семантически соотнесены. Что же касается вариантных фразеологизмов: ро atmak || raxta atmak дословно: «стрелять из пушки, стрелять ватой (т. е. лгать, врать)», salkin karimak || üstin karimak || üzä karimak || at üstidin karimak || sus karimak «относиться, смотреть поверхностно», где варьирующимися компонентами выступают слова, семантическая близость которых обусловлена структурой только данных фразеологизмов, и вне которых они обычно теряют всякую смысловую соотнесенность, то здесь об одноплановости или тождественности образов говорить не приходится. В основе каждого из этих фразеологизмов лежат разные «образы», которые при общности семантики имеют различную эмоционально-экспрессивную окраску и стилистически даже могут быть противопоставлены друг другу.

Следовательно, одноплановость образа в варьирующихся компонентах фразеологизма является не строго обязательным, а лишь относительным условием создания лексических фразеологических вариантов. Соотнесенность образа определяется на основе ассоциации образных

⁵ Ш. Рахматуллаев. Указ. раб., стр. 189.

представлений носителей данного языка и учета всевозможных переносно-метафорических значений варьирующихся компонентов устойчивых словосочетаний.

Игнорирование этих признаков структурно-семантических разновидностей фразеологизмов часто приводит к смешению вариантности со структурными типами фразеологических синонимов.

Лексические варианты пословиц и поговорок. Пословицы и поговорки, как одна из разновидностей фразеологизмов, до сих пор в плане их лексического варьирования в тюркских языках не рассматривались. Между тем их сложная структура и исключительное разнообразие лексического состава и семантических оттенков представляют не меньший научный и практический интерес, чем рассмотренные выше типы фразеологизмов — именно-глагольные идиоматические выражения.

Как уже отмечалось, варианты разновидности уйгурских пословиц и поговорок находятся в прямой зависимости от их структурных особенностей. Если в именно-глагольных двух- и трехкомпонентных идиоматических выражениях мы встречались с варьированием в основном одного или, реже, двух лексических элементов, то в пословицах и поговорках подобные элементы выступают иногда как целый лексический ряд или целые структурные компоненты.

В уйгурском языке различаются следующие случаи вариационных изменений пословиц и поговорок:

1. Варьирующимися компонентами пословиц и поговорок выступают односоставные лексические синонимы с ясным номинативным значением:

gāmgā isānmā, gāmsiz zūrmā || palya isānmā, palsiz zūrmā дословно: «Гаданиям не верь, но и не пренебрегай гаданием» (gām и pal — синонимы); pamratniñ bir tojyini — bir baj boluyini || kāmbyalyñ bir tojyini—bir baj boluyini дословно: «Бедному один раз насытиться, что стать богачом (на час), что разбогатеть» (pamrat и kāmbyal — синонимы); ömāk'lik' istniñ kujruyi örä || ömāk'lik' istniñ kujruyi diñ дословно: «У дружелюбной собаки хвост торчком» (örä и diñ — синонимы); ösäñni bāk' tut, xosnañni öyri tutma || ösäñni māk'k'äm tut, xosnañni öyri tutma дословно: «Будь сам бдительным, и не (придется) обвинять соседа в воровстве» (bāk' и māk'k'äm — синонимы); kuruk tañar tik' turmas || kuruk tañar örä turmas дословно: «Пустой мешок стоймя стоять не будет» (tik' и örä — синонимы) и пр.

Безусловно, подобные пословицы и поговорки должны быть отнесены к фразеологическим вариантам. Синонимы, выступающие в качестве варьирующихся компонентов этих разновидностей фразеологизмов, ничего нового в их семантику не привносят; не происходит заметных сдвигов и в их стилистической окраске.

2. Варьирующимися компонентами пословиц и поговорок выступают близкие по значению слова: bārmäs kizniñ seliyi eyir || bārmäs kizniñ tojliyi eyir «за девушку, которую не хотят отдать (замуж), дорого запрашивают» (selik u tojluk — относительно близкие слова); samal bolmisa, dārāk iyañlimajdu || samal cikmisa, dārāk eyañlimajdu дословно: «Без ветра дерево не колыхается» (cikmisa и bolmisa — относительно близкие слова); «jok» desä, «jetip jājmān» dāptu || «jok» desä, «jetip icimān» dāptu дословно: «Говорят: «ничего нет» — отвечает: «буду лежать кушать» (jemāk' u icmāk' — семантически близкие слова) и др.

Как и в предшествующих типах фразеологизмов, замена относительно близких по значению слов не приводит к существенному изменению семантического облика каждого из вариантов фразеологизма, и они вполне могут заменять друг друга, отличаясь лишь незначительными стилистическими оттенками.

3. К указанному типу фразеологических вариантов примыкает ряд пословиц и поговорок, в которых варьирующимися компонентами выступают в одном случае слово, а в другом — именно-глагольное перифрастическое или парное словосочетание, равноценное ему по своему значению. Например: k'ündizi sözlisañ, öp-cörängä bak, k'ecisi sözlisañ, kulakka kulakni jak || k'ündizi söz kilsañ (gäp kilsañ), öp-cörängä bak, k'ecisi söz kilsañ (gäp kilsañ), kulakka kulakni jak дословно: «Если разговариваешь днем — оглядывайся, если разговариваешь ночью — ухо к уху прикладывай» (ср.: sözlimäk' || söz kilmak || gäp kilmak) и др.

По нашему мнению, они также являются разновидностями фразеологических вариантов, но с более ярко выраженной стилистической окраской, связанной с дополнительными оттенками (описательность, образность, усиление и обобщенность) в значениях варьирующихся компонентов — именно-глагольных и парных сочетаний.

4. К четвертому типу фразеологических вариантов можно отнести пословицы и поговорки, имеющие полную и эллиптическую конструкции:

petä tärsañ, suni orijsän || terijsän—orujsän дословно: «Что посеешь, то и пожнешь || посеешь—пожнешь»; bexil bajdin pul almak—petir nandin kil almak || bexildin pul almak—petirdin kil almak дословно: «У жадного богача выпрашивать деньги то же, что вытаскивать волосинки из лепешки (из пресного теста)»; accik aldida zürsä, äk'il k'äjnidä zürär || accik—aldida, äk'il—k'äjnidä дословно: «Если гнев идет впереди, то ум идет следом || гнев — впереди, ум — следом» и др.

Пропуск отдельных компонентов в структуре пословиц и поговорок происходит вследствие стремления говорящего к краткости и лаконичности. Надо отметить, что в уйгурском языке эта традиция особенно развита. Подавляющее большинство уйгурских пословиц и поговорок наряду с полной имеет эллиптическую форму; эллиптические варианты пословиц и поговорок в зависимости от контекста могут иметь конструктивные варианты. Так, например, в некоторых из них опускается повторяющееся в конце двуступишия слово — редиф. Это считается для уйгурского языка вполне закономерным явлением, хотя оно сопровождается обычно нарушением общей эвфонической стройности рифмующихся строк пословиц и поговорок. Например:

Dost ziglitip ejtidu,
Düsmän — k'uldürüp.

Дословно: «Друг скажет (правду), заставляя плакать, а недруг — скажет (об этом же) с насмешкой».

Balañniñ ojñiyiniya bak,
Kaziniñniñ — kajñisiya.

Дословно: «Следи за игрой своего ребенка и кипением своего казана».

В этих фразеологических единицах опущены (во вторых строках двуступишия) редифные слова (ejtidu, bak).

В тех случаях, когда редифные слова опускаются в обеих строках двуступишия, семантическая нагрузка, которую они несут, определяется контекстом всего фразеологизма.

Baj — seyinanda,
K'ämbäyäl — tapkanda.

В данной пословице, надо полагать, опущено редифное слово jäjdu «кушает». Следовательно, она может быть переведена: «Богатый (ест), когда ему хочется, а бедный — когда находит (пищу)».

Такие усеченные фразеологизмы эллиптической конструкции зачастую употребляются в языке параллельно с их полными исходными формами, создавая тем самым варианты одних и тех же пословиц и поговорок:

Полные варианты:

Baj bajya bakar,
Su sajya akar.

Эллиптические варианты:

Baj — bajya,
Su — sajya.

Дословно: «Богач (тянется) к богачу, вода (течет) в ложбину (в смысле: рука руку моет)»;

Alyanda «bismilla» däjdu,
Bärgändä, — «ästaxpiralla» däjdu.

Alyanda, — «bismilla»,
Bärgändä, — «ästaxpiralla».

Дословно: «Когда берет, говорит: «бисмилла»⁶, когда отдает — «астахпиралла»⁷.

Говоря об аналогичных случаях в русском языке (например: «голод не тетка, пирожка не подсунет» — «голод — не тетка»; «хлопот полон рот, а перекусить нечего» — «хлопот полон рот»), Н. М. Шанский отмечает, что «почти во всех случаях такая трансформация лексического состава фразеологизма сопровождается также и его структурной перестройкой»⁸.

Факты уйгурского языка в какой-то степени также подтверждают это положение. Например:

Biligi jöyan birni jeñär,
Bilimi toluk — miñni

Biläk'lik' — birni,
Bilimlik' — miñni.

Дословно: «У кого полное (мощное) предплечье, победит одного, кто полон знанием — победит тысячу».

Однако было бы неверно утверждать, что в уйгурском языке все пословицы и поговорки, подвергшиеся эллипсису, испытали структурную перестройку. Во многих случаях явление эллипсиса, касаясь лишь отдельных компонентов пословиц и поговорок, не ведет к их внутренней перестройке или изменению грамматической структуры в целом. Поэтому подобные разновидности пословиц и поговорок с полным основанием можно отнести к разряду вариантных фразеологизмов. Другими словами, различие между сокращенным и полным вариантами пословиц и по-

⁶ «Бисмилла» восходит к арабскому *بِسْمِ اللّٰهِ* «во имя аллаха» и произносится верующими по религиозному ритуалу при любом начинании.

⁷ «Астахпиралла» восходит к арабскому *اَسْتَغْفِرُ اللّٰهَ* «прости господи» и употребляется верующими для выражения чувства педоумения, педовольства, сожаления.

⁸ Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., 1963, стр. 107.

говорок заключается в их стилистической окраске и применении. В этом отношении прав Н. М. Шанский, который указывал: «В результате сокращения устойчивые сочетания слов становятся более выразительными в стилистическом отношении и удобными с точки зрения их использования в динамичном по своему существу разговорном языке»⁹.

Как свидетельствуют факты, в уйгурском языке полные лексические варианты пословиц и поговорок характерны для письменно-литературного языка, а краткие варианты более свойственны стилю разговорной речи, всегда тяготеющему к лаконичности. Но бывают случаи, когда отдельные пословицы и поговорки претерпевают в письменном языке такие изменения, что воспроизвести их исходные формы почти не представляется возможным. Но это относится уже к области авторской переработки и контаминации, что выходит за рамки фразеологических вариаций¹⁰.

В связи с изучением эллипсиса в структуре уйгурских пословиц и поговорок необходимо отметить две их особенности.

В одном случае лексически усеченные типы пословиц и поговорок не сохранили своих полных, исходных вариантов, и трудно восстановить те элементы, которые были подвергнуты эллипсису. Например:

Jaxsiya — isarät,
Jamanya — ðuvalduz.

Дословно: «Хорошему (достаточен) — намек, а плохому (необходима) — большая игла»¹¹.

Jaxsiya — jaydäk',
Jamanya — daydäk'.

Дословно: «К хорошему (отнесись) подобно маслу (т. е. ласково), к плохому (отнесись) подобно пятну (т. е. грубо)».

Jat — jegicä,
Tukkan — ölgicä.

Дословно: «Чужой (с тобой) пока ест, а родственник (с тобой) до самой смерти».

В другом же случае имеется возможность проследить процесс эллиптического упрощения: наличествуют полные, неполные и краткие варианты фразеологических единиц.

Полный вариант	Неполный вариант	Краткий вариант
Jamannya jolima, jalisi zucar.	Jamanniñ jalisi zucar,	Jamanniñ — jalisi,
Qazannya jolima, karisi zucar.	Kazanniñ — karisi.	Kazanniñ — karisi.

⁹ Н. М. Шанский. Указ. раб., стр. 107.

¹⁰ А. Т. Кайдаров. Особенности стилистического употребления синонимичных и вариантных фразеологизмов в уйгурском литературном языке. «Исследования по тюркологии», Алма-Ата, 1969, стр. 164—171.

¹¹ В скобки заключен перевод предположительного значения опущенного или отсутствующего компонента пословиц и поговорок.

Перевод полного варианта: «К плохому не подходи — беды не оберешься, не прикасайся к казану — вымажешься».

5. В сфере фразеологических единиц уйгурского языка иногда происходят более сложные изменения, которые затрагивают их структурно-композиционные стороны и придают семантическому ядру дополнительные оттенки. Такое изменение обычно происходит в разной речевой ситуации и, конечно, имеет свои определенные стилистические мотивы. Так, в структуре отдельных пословиц и поговорок иногда происходит расчленение, раздвоение или, наоборот, объединение двух относительно самостоятельных фразеологических единиц. Например:

Jamanniñ jaxsisi bol^vıcā,
Jaxsiniñ jamini bol;
Karmukniñ deni bol^vıcā,
Buɣdajniñ samini bol.

Дословно: «Чем быть хорошим среди плохих,
Лучше быть плохим среди хороших;
Чем быть зернышком плевела,
Лучше быть соломой пшеницы».

Данная пословица как четверостишие приводится¹² в прессе и в художественной литературе, но встречается она и в форме двух самостоятельных двустиший.

Оставляя в стороне вопрос истории образования этой пословицы, отметим, что она может восприниматься и как единое целое, и как два структурных элемента, сочетающихся по принципу параллелизма благодаря общности их семантики. Практика языка допускает употребление каждого компонента в отдельности (jamanniñ jaxsisi bol^vıcā, jaxsiniñ jamini bol || karmukniñ deni bol^vıcā, buɣdajniñ samini bol), создавая тем самым параллельные варианты сложной фразеологической единицы. Эти варианты в семантическом отношении выступают как равнозначные части целого, хотя параллелизм образов, лежащий в их основе, может придавать свои оттенки в разных стилистических контекстах.

Объединение и разделение фразеологизмов в языке обусловлены различными внутренними мотивами. В зависимости от самостоятельности варьирующихся компонентов они могут образовывать ряд структурных типов. Например:

Etiñ harsa, döñgä cap,^v
Ussisañ, talkan kap ät.

Дословно: «Если конь твой устал — скачи в гору,
Если ты хочешь пить — поешь толокна».

В данном случае объединение двух самостоятельных фразеологизмов произошло на основе соотнесенности образа и общности семантического противопоставления. Немаловажным фактором в образовании таких типов фразеологических единиц является созвучность рифмующихся строф. Это хорошо видно из пословицы:

¹² Э. Н. Наджип. Уйгурский язык. М., 1954. стр. 64.

Zamana — zorniḡ,
 Tamasä — korniḡ;
 Manta — ziḡmomixorniḡ,
 Belik — torniḡ.

Дословно: «Эпоха — (принадлежит) сильным.
 Увеселенье — (для) слепых;
 Манты — (для) любителя паровых пельменей.
 Рыба — (принадлежит) сети».

Но в языковой практике, в противоположность приведенным выше примерам, часто происходит расщепление некогда цельной фразеологической единицы. Это, по всей вероятности, обусловлено тенденцией к избавлению от структурно громоздких фразеологизмов и стремлением к предельной лаконичности выражения.

Как свидетельствуют факты уйгурского языка, расщепление целого на его компоненты получило широкое распространение, причем в языке закрепляется первый компонент структурно сложных пословиц и поговорок, а второй и следующий за ним компоненты во многих случаях приобретают факультативность употребления или вовсе не используются самостоятельно.

Возьмем, например, пословицу:

Adäm-adäm bilän,
 Pistä-badam bilän.

Дословно: «Человек (хорош) с человеком, фисташка (хороша) с миндалем». В языковой практике, особенно в устной речи, в основном употребляется ее первая часть — Adäm-adäm bilän, тогда как вторая часть (Pistä-badam bilän) не имеет самостоятельного употребления. Или:

Ärzän gösniḡ sovisi tetimas,
 Ärzän malniḡ—iligi¹³.

Дословно: «У дешевого мяса бульон невкусен,
 У дешевого скота костный мозг невкусен».

В этом примере, в отличие от предыдущего, компоненты могут употребляться факультативно.

Как бы то ни было, для фразеологической лексики уйгурского языка характерны варианты пословиц и поговорок, которые в одном случае выступают как целое, включающее составные части, а в другом — как части (самостоятельные, факультативные и несамостоятельные) единого целого.

В отличие от указанных выше типов лексико-структурных фразеологизмов в особую группу следует выделить уйгурские пословицы и поговорки, варьирующиеся компоненты которых имеют различные значения, хотя от этого их общая семантика не нарушается:

а) варьирующимися компонентами выступают слова разного значения: Kizim, saḡa ejtaj, k'elinim sän tiḡsa дословно: «Дочка, я говорю тебе, а ты, сноха, слушай» || Oḡlum, saḡa ejtaj, k'elinim, sän tiḡsa¹⁴, дослов-

¹³ См.: «Уйгур мақал ва тәмсиллири».

¹⁴ Этот вариант зафиксирован в книге Э. Н. Наджила «Уйгурский язык», М., 1954, стр. 55.

но: «Сынок, я говорю тебе, а ты, сноха, слушай»; *Kolida bäs tijini jok, töginiñ cisini sanaptu* дословно: «В руках (т. е. в наличии) нет и пяти копеек, но считает зубы верблюда» || *Kolida jättä tijini jok, töginiñ cisini sanaptu*, дословно: «В руках (т. е. в наличии) нет и семи копеек, но считает зубы верблюда»; *Ustixan jegän ist, ölgicä xujini taslimaptu* дословно: «Собака, съевшая кость, до самой смерти не оставляет свою привычку» || *Tasma jegän ist ölgicä su xujini taslimajdu* дословно: «Собака, съевшая тесьму, до самой смерти не изменит своему нраву» и др.;

б) варьирующимися компонентами выступают слова и словосочетания разного значения: *Ötk'än ömir — akkan su* дословно: «Проходящая жизнь — проточная вода» || *Ötk'än ömir — öck'än k'ül* дословно: «Прожитая жизнь — прогоревший уголь (пепел)»; *Ist egisi bilän k'üclük'* дословно: «Собака сильна при хозяине» || *Ist ugisida k'üclük'* дословно: «Собака сильна в своей конуре»; *Gär desä, altä esak'k'ä zük'* дословно: «А разговору-то ноша для шести ослов» || *Gär desä, altä tağar* дословно: «А разговору-то (целых) шесть мешков»; *Gär üzdä jaxsi, kavapzixta* дословно: «Хорошо говорить в лицо, (хорошо готовить) шашлык на вертеле» || *Gär üzdä jaxsi, ussultüzdä* дословно: «Хорошо говорить в лицо, а танцевать (хорошо) — на ровном месте» и др.;

в) варьирующимися компонентами выступают структурно-составные элементы пословиц и поговорок, представляющие собой самостоятельные фразы: *Sän salar, män salar, aska rocakni k'im salar* дословно: «Ты положишь, я положу, кто же (все-таки) положит горох в суп» || *Sän salar, män salar, atka cöpnü k'im salar* дословно: «Ты положишь, я положу, кто же (все-таки) положит коню сено»; *Ağrikni bus öltirär, iplasni—nas* дословно: «Больного убивает чад (от горящего масла), а нечистоплотного — неопрятность» || *Ağrikni bus öltirär, ärni nomus öltirär* дословно: «Больного убивает чад, а мужчину убивает честь»; *Zugacniñ müngizi icida* дословно: «У тихони рожки внутри» (в смысле: «В тихом омуте черти водятся») || *Jaman ujniñ müngizi icidä* дословно: «У плохой коровы рожки внутри (спрятаны)» и др.

Если исходить из общей семантики приведенных выше пословиц и поговорок, то они вполне могут быть отнесены к разряду лексико-структурных вариантов. Следовательно, строгая синонимичность варьирующихся компонентов, как это имело место в идиоматических выражениях, для вариантов пословиц и поговорок не является обязательным условием, хотя несоотнесенность образа, структурная и семантическая многоплановость всегда сопровождаются дополнительными эмоционально-экспрессивными оттенками, что представляет исключительный интерес с точки зрения их стилистической оппозиции¹⁵.

¹⁵ А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 155—171.

ВЫРАЖЕНИЕ ОТРИЦАНИЯ ПРЕДИКАТИВАМИ С КОНСТАТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Констатация в каждом отдельном случае может характеризоваться или положительной, или же отрицательной направленностью. Во многих языках имеет место следующее явление: при наличии отдельных форм выражения и для положительного и для отрицательного планов единой по всем остальным признакам констатации отрицательная форма является маркированным членом такой оппозиции. Это явление в известной степени можно отнести к лингвистическим универсалиям.

Современному азербайджанскому языку известны два главных способа выражения отрицания при констатации: посредством аффикса *-mal-mā* (при глагольной констатации) и с помощью слова *dejil* (при именной констатации). В данной статье остановимся на некоторых особенностях отрицательной констатации, выраженной предикативами.

Отрицательная форма от предикативов *lazım, g'ārāk', bäs, k'ifajät* образуется, как и у имен, при помощи слова *dejil*¹. Все аффиксы (лица, вопроса, условия и др.) присоединяются к этому слову, и связки (чаще в аффиговой форме) располагаются после слова *dejil*

<i>lazım</i>	= di _v	+ личный аффикс	
<i>g'ārāk'</i>	+ <i>dejil</i> + = <i>mis</i> _v		+ = <i>sä</i>
<i>bäs</i>	или		+ = <i>mi</i>
<i>k'ifajät</i>	личный аффикс + <i>mis</i> _v		

В подобных конструкциях *dejil*, не изменяя основного лексического значения главного компонента, выполняет грамматическую функцию отрицания². Поэтому мы должны рассматривать пары *lazımdır* и *lazım dejildir*, *bäsdir* и *bäs dejildir* и т. п. в качестве членов пара-

¹ Отрицательную форму со словом *dejil* встречаем и у некоторых глагольных форм. Это прежде всего причастие (*danısan dejiläm* досл.: «я не есть разговаривающий»), которое сочетает в себе особенности не только глагола, но и имени. Это характерно и для должноствительного наклонения (вачиб шәкли) и наклонения необходимости (лазым шәкли): *danısmaly dejilsän* «ты не должен говорить», *danıysay dejildir* «он не намерен говорить». Примечательно, что и формы на *-maly/-mäli* и *-(j)asy/- (j) äsi* имеют свои параллели среди причастий.

² *Dejil* выполняет такую же функцию, какую выполняет аффикс *-ma- / -mä-* у глаголов. (Ч. Ә. Чәфаров. Инкарлыгың «дежил» сөзү васитәси илә ифадәси. — «Ученые записки» АПИ им. В. И. Ленина, XI серия, Баку, 1962, № 4, стр. 115).

дигмы одной лексико-грамматической единицы. Неправомерно их считать разными единицами, как это делает Л. А. Покровская, которая относит к «модальным словам, выражающим долженствование», наряду с *laazum* и *diil laazum*³. Возможно, что к этому приводит исходная точка зрения автора, согласно которой модальные слова рассматриваются как слова неизменяемые⁴.

Иногда встречается словоформа *g'äräk'mäz*, напоминающая отрицательную форму глагола в будущем некатегорическом времени⁵ (ср. с формой *g'älmäz* «не придет»).

Дежирәм, јолдаш директор, неч олмаса көзләјединиз, әмрими мар-тын 9-да верәјдиниз ки, бу күн мән дә башгалары кими бајрам едәјдим. Дејир олмаз, тәчрүбә заманы бир дана кәбәриб. *Кәрәкмәзми* онун ганыны биринин үстүнә јыхам? («Кирпи», 1964, № 5). «Говорю: товарищ директор, хотя бы подождали, отдали приказ 9 марта, чтобы сегодня я, как и другие, мог бы праздновать. Говорит: во время практики сдохла телка. Не надо ли свалить это на кого-нибудь?». Или: (Балаш:) ...*Кәрәкмәз* ки, бизим евдән бир арвад олсун, столу дөшәсин? (Ч. Чаббарлы, Сечилмиш пјесләр, 212). «Не надо ли, чтобы какая-нибудь женщина из нашего дома накрывала на стол?».

В отличие от главной формы на *-maz g'äräk'mäz* выражает необходимость чего-либо в настоящее время.

Т. Тачмурадов считает, что форма *gerekmez* (*mes*) в туркменском языке восходит к форме *gerek bolmaz*⁶. С. А. Велиев также полагает, что азерб. *g'äräk'mäz* представляет собой усеченную (сокращенную) форму сложного глагола (мүрәккәб феил) *g'äräk'olmaz*⁷.

Вспомогательный глагол *bol- / ol-* в сочетании с предикативами (а также со многими другими словами) образует новые единицы — составные глаголы, где он в той или иной степени сохраняет значение «стать», «становиться», «оказаться». Поэтому более убедительным кажется другое допущение: элемент *-mäz* в *g'äräk'mäz* представляет собой усеченную или аффигованную форму глагола-связки *i- / e-*, отрицательная форма которого сохранилась в некоторых других тюркских языках (ср., например, узб. эмас, лозым эмас, керак эмас — Узбекско-русский словарь. М., 1959, стр. 554; кирг. керек емес — Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 377). В аффигованной форме могут

употребляться также связки *idi, imis, ik'än*, исторически представляющие собой различные формы (первые две — формы прошедших времен, последняя — деэпричастную форму) того же глагола-связки. А глагол *ol-* в аффигованной форме не встречается.

Для предикативов *jox* и особенно *var* не характерно образование отрицательной формы. Это объясняется тем, что они сами противопо-

³ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 274.

⁴ Там же, стр. 263.

⁵ Н. К. Дмитриев замечает, что *k'äräk'* в башкирском языке иногда звучат по аналогии с глагольными формами, как *k'äräk'mäj, k'äräger, k'äräk'mäs* (Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 131). Д. А. Магазаником зафиксированы глаголы *gerektek* «быть необходимым, нужным» (отсюда *gerekkep* «необходимый»); *gereketek* (значение то же, что и у *gerektek*); *gereksinmek* «нуждаться»; *gerektirmek* «считать необходимым, подавать повод к чему-либо, причинять, влечь за собой, требовать» (Турецко-русский словарь. М., 1945, стр. 207).

⁶ Т. Тачмурадов. «Герек» сөзи барада. — «Известия АН Туркм. ССР». Серия общественных наук, 1962, № 5, стр. 91.

⁷ С. Ә. Вәлијев. Нәсми дилинин б'әзи хүсусијәтләри. — «Ученые записки АПИЯ им. М. Ф. Ахундова», XII серия, Баку, 1966, № 3, стр. 41.

ставлены друг другу в плане утверждения и отрицания⁸. Но это — противопоставление лексических единиц, и оно отличается от противопоставления грамматических форм (положительной и отрицательной). Это отличие видно и из сравнения слов *jox* и *dejil*, выражающих отрицание.

На семантические отличия слов *jox* и *dejil* указывали многие тюркологи. Нельзя согласиться с утверждением, будто «слово *جۆ* относится обыкновенно к лицу, *تۆگۆر* — к вещи»⁹. И *jox*, и *dejil* могут относиться как к словам, обозначающим лица, так и к словам, обозначающим вещи.

Авторы «Грамматики алтайского языка» утверждают, что «*jok* отрицает бытие предмета, тогда как *emes* отрицает отношение сказуемого к подлежащему, или отрицает качество...»¹⁰

Разницу между *جۆ* и *دگۆر* Л. Будагов видит в следующем: «Первый отрицает существование или нахождение предмета, а второй — принадлежит ли к такому-то разряду? таков ли?»¹¹.

П. М. Мелиоранский замечает: «Между двумя отрицаниями «*emes*» и «*jok*» разница заключается в том, что «*jok*» отрицает просто известный факт, а «*emes*», отрицая этот факт, о котором идет речь, дает понять, что существует другой, подобный ему»¹²: *kaltamda aksa jok* «в моем кармане нет денег». *Kaltamda aksa emes* «в кармане моем денег нет» (а может быть, есть что-то другое).

Близким к последним утверждениям является разграничение слов *juk* и *tügel* в башкирском языке, проведенное Н. К. Дмитриевым: «Слова *бар* и *юк* выражают наличие или отсутствие чего-либо и в основном связаны с понятиями количественного порядка. Таким образом, *бар* есть как бы форма утверждения количества, а *юк* — форма его отрицания. В противоположность этому элементы *-дыр* и *-түгел* являются показателями качественного порядка. Они утверждают или отрицают известную квалификацию за предметом, наличие которого не подвергается сомнению»¹³.

Следует обратить внимание на очень важную сторону этого вопроса, на то, что слова *jox* и *dejil* представляют разные аспекты выражения отрицания. Если слово *jox* противопоставлено слову *vag* (лексический аспект), то *dejil* является тем элементом, который делает данный (отрицательный) член оппозиции (оппозиции «положительная форма — отрицательная форма») маркированным (грамматический аспект); другой (положительный) член оппозиции характеризуется отсутствием этого элемента:

k'itab joxdur — *k'itab vardyr*
k'itab dejildir — *k'itabdyr*

⁸ Предикатив *vag* в конструкции с повторяющимся *pā* при подлежащих выражает отрицание: *Нә изи вар, нә тозу* (Аталар сөзү, 165) «Нет ни следа...»

⁹ Т. Макаров. Татарская грамматика Кавказского наречия. Тифлис, 1848, стр. 62.

¹⁰ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 271.

¹¹ Л. Будагов. Практическое руководство турецко-татарского азербиджанского наречия. СПб., 1857, стр. 31.

¹² П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Часть II. СПб., 1897, стр. 64.

¹³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 60. См.: *его же*. Категория принадлежности. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Часть II. Морфология. М., 1956, стр. 36.

Поэтому нет основания противопоставлять слово *dejił* личным аффиксам (см. приведенное выше высказывание Н. К. Дмитриева). Во-первых, они выражают разные грамматические значения (первое — отрицание, второе — отнесенность к определенному лицу). Во-вторых, *dejił* сохраняет за собой статус слова, оно само может иметь личный аффикс. Следовательно, *dejił* можно противопоставить только его отсутствию в формах, противопоставленных по признаку «положительное—отрицательное» и идентичных во всех остальных отношениях.

В отличие от слова *jox*, справедливо замечает Д. А. Джафаров, *dejił* не может выступать как самостоятельное сказуемое, оно выступает только как компонент составного сказуемого¹⁴. Ср.: *Stolun üstündä k'itab joxdur* «на столе нет книги»; *Stolun üstündäk'i k'itab dejildir* «то, что на столе, не книга».

Сочетание *k'itab dejildir* обязательно требует при себе слова или словосочетания в именительном падеже (подлежащего), тогда как для *k'itab joxdur* этого не требуется, наоборот, оно даже исключается, ибо в самом сочетании *k'itab joxdur* имеется подлежащее.

То, что *jox* и *dejił* представляют разные аспекты выражения отрицания, подтверждается еще и тем, что в языке встречаются случаи, когда с помощью элемента *dejił* образуется отрицательная форма и от предикатива *jox*.

Бунунла белә, китабчада мәнәлары дәгиг олмајан фе'лләр дә јох дејилдир¹⁵. «Вместе с тем не исключено, что в книжке имеются и глаголы, значение которых точно не определено».

Сочетание *jox dejildir*, как и любое отрицание отрицания, выражает утверждение. Но оно не констатирует наличие чего-либо, а выражает возможность этого наличия, употребляется в значении «не исключено, что имеет место то или иное явление».

Анализ отрицательных форм предикативов с констатирующей функцией подтверждает тезис о маркированности отрицательных форм констатации по отношению к соответствующим положительным формам. Этот тезис сохраняет свою силу и в отношении предикативов *var* и *jox*. Они не образуют между собой грамматической оппозиции. Грамматической является оппозиция *joxdur—jox dejildir*. Отрицательную форму со словом *dejił* потенциально может иметь и предикатив *var*.

¹⁴ Ч. Э. Чәфәров. Указ. раб., стр. 113.

¹⁵ Р. Ә. Рустамов. Азәрбајчан дили диалект во шивәләринде фе'лин гурулушча нәвләри. Бақы, 1963, стр. 4.

ТЮРКИЗМЫ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ ПТИЦ

Подавляющее большинство названий птиц в русском языке восходит к общеславянской лексике. В этих названиях нашел свое отражение лесистый ландшафт прародины славян. В доисторические времена славянам, по-видимому, были известны не все птицы. В процессе исторического развития, в результате контактов с соседними народами словарный состав русского языка в области обозначения птиц обогатился определенным количеством заимствований, которые вместе со словами узколокального распространения и пока еще во многом неясной этимологии составили заметную часть его лексики. К числу подобных заимствований относятся и ряд тюркизмов. Это прежде всего названия многих птиц семейства фазановых, например слово—турач¹. В СССР эта птица встречается только в восточной части Закавказья и в юго-западной части Туркмении. Поэтому название этой птицы имеется лишь в азербайджанском и туркменском языках: азерб. *tugaz*, туркм. *tugac* «турач, рябчик»². Этимологически название птицы связано с тюркской глагольной основой *tug-* «стоять». Такое название птица могла получить за обычную для нее стойку на одной ноге. В русский язык это слово вошло из азербайджанского. Конечная звонкая аффриката азерб. *tugaz* не имеет эквивалентного звука в русском языке, поэтому этот звук, находясь в слабой позиции, субституировался глухой аффрикатой *s*. В сильной позиции звонкая аффриката *z* в русском языке, как правило, передается аффрикатой *дж*: *zejga* «джейран».

Другая птица из семейства фазановых — горная индейка — улар обитает высоко в горах на территории, простирающейся от Кавказа до Центральной Азии. Слово улар со значением «куропатка» встречается в словаре Махмуда Кашгарского³. В современных тюркских языках (узб., уйг., кирг., тувин.) *ulag*—это горная индейка, названная так по издавае-

¹ Малая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 9, стр. 1109.

² В статье слова из тюркских языков даются по словарям: Азербайджанско-русский словарь, состав. Х. А. Азизбеков, Баку, 1965; Туркменско-русский словарь, под общей ред. Н. А. Баскакова и др., М., 1968; Узбекско-русский словарь, под ред. А. К. Боровкова, М., 1959; Уйгурско-русский словарь, состав. Э. Н. Наджип, М., 1968; К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, М., 1965; Татарско-русский словарь, М., 1966; Ногайско-русский словарь, под ред. Н. А. Баскакова, М., 1963; Хакасско-русский словарь, под ред. Н. А. Баскакова, М., 1953; Тувинско-русский словарь, под ред. Э. Р. Теннишева, М., 1968.

³ См.: Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. 609.

мому ею звуку. Ulu, ul, ula «выть»⁴, плюс аффикс -р, образующий причастия от основ глаголов (ulag досл. «воющая»).

Отметим еще одну птицу из семейства фазановых—каменную куропатку, обитающую в горах Кавказа, Средней Азии, южной части Казахстана, на юге Алтая и юго-восточной части Западных Саян⁵, где живут главным образом тюркоязычные народы. Естественно, источник заимствования надо искать в этих языках: кирг. k'ek'ilik', туркм. k'äk'ilik' «каменная куропатка», узб. k'ak'lik', уйг. k'äk'lik', турец. k'ek'lik', древнетюрк. k'ek'lik', k'ek'älik' «куропатка, каменная куропатка». Название птицы в тюркских языках — звукоподражательное (ср. киргизскую поговорку: k'ek'ilik' öz atyn özü saкуgat «сам себя хвалит, похваляется»; досл. «кеклик сам себя по имени зовет»).

Большую поганку, водоплавающую птицу из семейства гагар, иначе называют тюркизмом чомга⁶. Советский зоолог акад. М. А. Мензбир писал: «Поганку в книгах обыкновенно называют чомгой, но слово чомга татарское...»⁷ В древнетюркском языке эту птицу называли somuk, somүuk, образованием от слова som «окупаться, нырять». Современное татарское sum galak «нырок (дикая утка)» и хакасское somgy «гоголь» образованы соответственно от слов sum и som, означающих «окупаться, нырять». В словаре В. В. Радлова приводится форма som «нырнуть» и татарское sumya со значением «гагара»⁸. Чомга так названа за способность искусно нырять. «Она может оставаться под водой несколько минут и проплывать под нею очень большое пространство, иногда до ста шагов»,—писал М. А. Мензбир⁹.

Южная болотная птица—султанская курица или просто султанка, получила свое название, вероятно, за пестрое красивое оперение. Связь слова с турец. sultan (<араб.) очевидна.

Болотная птица из семейства цапель—выпь известна также под тюркским названием бугай. «Кричит где-то в камышах какая-то таинственная птица, которую трудно увидеть и которую здесь зовут бугаем»,—читаем мы в письме А. П. Чехова Щеглову от 10 мая 1888 г. Л. А. Булаховский отмечал, что «к названию относительно частому относятся случаи наименования птиц по млекопитающим»¹⁰. Возникновение семемы «выпь» у восточнославянского слова тюркской этимологии бугай (бык) объясняется, по-видимому, тем, что выпь издает звуки, в чем-то напоминающие рев бугая.

Происхождение названия птицы баклан, родственной пеликанам, ученые объясняют заимствованием. Разногласия между ними вызывает лишь определение источника заимствования. Одни ученые¹¹ считают это слово переоформлением греческого pelekan, другие¹²— тюркским по про-

⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, стр. 1693.

⁵ Малая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 4, стр. 677.

⁶ Там же, т. 7, стр. 248.

⁷ М. А. Мензбир. Птицы России, т. I, М., 1895, стр. 5.

⁸ В. В. Радлов. Указ. раб., т. 3, стр. 2031, 2189.

⁹ М. А. Мензбир. Указ. раб., т. I, стр. 10.

¹⁰ Л. А. Булаховский. Славянские наименования птиц. — «Вопросы славянского языкознания», т. I, Львов, 1948, стр. 165.

¹¹ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1958, стр. 13; Н. Горяев. Сравнительно-этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 9; Словарь иностранных слов. М., 1954, стр. 93.

¹² Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. 3, М., 1958, стр. 18.

исхождению. Л. А. Булаховский слово «баклан» относит к грецизмам, заимствованным — прямо или косвенно — через турецко-татарское посредство¹³. Л. Будагов предполагает существование в древнетатарском языке формы *baklan*, *baglan*, *baklan kaz* со значением «дикий гусь»¹⁴. Н. М. Шанский справедливо считает наиболее предпочтительной из предложенных версий последнюю¹⁵. Это подтверждается и наличием в современном турецком языке *baglan*, означающего дрофу или разновидность дикого гуся¹⁶. Этимологически название птицы, возможно, связано с киргизским словом *baglan* «большого роста и толстый»¹⁷.

Ни один из русских этимологических словарей не дает объяснения происхождения названия птицы из семейства ибисовых — каравайки¹⁸. В СССР эта птица распространена на юге европейской части, в Казахстане и Средней Азии. Русское наименование птицы является, вероятно, заимствованием тюркского названия одного из видов антообразных. Киргизское *kağabaj* «черный анст» или узбекское *koğaboj* «каравайка, баклан» могло измениться в русское «каравайка» в результате народной этимологии, по ассоциации с русским словом «каравай». Этому могло способствовать и то, что звонкие взрывные согласные в тюркских языках, по сравнению с соответствующими согласными в русском, отличаются относительно слабой артикуляцией, согласный «б», например, в некоторых положениях почти не отличается от губно-губного «в». Аналогичное явление наблюдается и в топонимике. Название татарской деревни Апастовского района ТАССР Карабай русскими произносится двояко: Карабаево и Караваево, причем последний вариант имеет более широкое распространение¹⁹. Конечный слог -ка в слове «каравайка» возник по аналогии с названиями других птиц.

Казарá, казárка — так называется одна из птиц семейства утиных, обитающая в арктической и умеренной полосе. А. Г. Преображенский, ссылаясь на Ф. Корша, отмечал, что происхождение этого названия не ясно, возможно, оно восходит к турецкому *kaz* «гусь»²⁰. М. Фасмер выступил против этого предположения, однако своего объяснения не дал²¹. Л. А. Булаховский считает, что это слово заимствовано из тюркских языков, вероятнее всего из татарского. Он приводит и украинское название этой птицы «гусарка», которое, по его мнению, возникло в результате народной этимологии²². Нам кажется, что последний пример довольно убедительно подтверждает правильность мнения Л. А. Булаховского о тюркском происхождении слова казара, казарка, поскольку в обоих словах корень означает одно и то же — гусь (татарское *kaz*).

Название птицы из этого же семейства утиных — гоголь входит в восточнославянские и западнославянские языки. Ф. П. Филин считает

¹³ Л. А. Булаховский. Указ. раб., стр. 184.

¹⁴ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 234.

¹⁵ Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка, вып. 2, изд. МГУ, 1965, стр. 16.

¹⁶ Турско-български речник, под руковод. акад. Стояна Романски, София, 1962, стр. 47.

¹⁷ В. В. Радлов. Указ. раб., т. 4, стр. 1458.

¹⁸ Малая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 4, стр. 513.

¹⁹ Р. Х. Субаева. Взаимодействие русского и татарского языков в топонимии ТАССР. Автореф. канд. дисс. Казань, 1963.

²⁰ А. Г. Преображенский. Указ. словарь, т. I, стр. 282.

²¹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 2, М., 1967, стр. 159.

²² Л. А. Булаховский. Указ. раб., стр. 183.

слово «гоголь» звукоподражательным²³. Авторы Краткого этимологического словаря русского языка, признавая, что происхождение слова неясно, высказывают предположение, что оно является суффиксальным производным, родственным словам гоготать, гагара (стр. 78). Однако более убедительные соответствия названию «гоголь» обнаруживаются в тюркских языках²⁴: тюркск. gögöl, кирг. kögöl «селезень», якутск. kō-yüllāx «хохлатая утка, нырок», хакас. kögildi «кулик», kögik «сизая утка». В основе всех этих названий птиц лежат слова, обозначающие цвет: тюркск. kögöl означает «синеватый, сизый, голубоватый». Птица гоголь получила название по своей окраске, ибо у нее «цвет перьев сизый, даже голубоватый, с легкими отливами»²⁵. Возможность заимствования слова gögel ~ gogol тюрками из русского языка Н. А. Баскаков опровергает «наличием в чувашском языке слова kavakal со значением «утка, утиный». Если слово gogol ~ gögel было заимствовано из русского или других славянских языков, то и в чувашском оно должно фонетически соответствовать оформлению kögöl, gögöl. Однако в чувашском языке название этой птицы имеет древнее чувашское оформление kavakal при kavak «синий, голубой, зеленый, серый»²⁶.

В некоторых русских говорах слово к а р г а означает «ворона» («как ни вертись ворона, а и спереди карга, и сзади карга»). В тюркских языках слово karğa «ворона» является суффиксальным образованием от кага «черный». Слово «карга» употребляется и в современном русском литературном языке, но в совершенно ином значении — «злая старуха». Возможно, последнее является результатом контаминации тюркских слов karğa «ворона», karğa, karğav «проклятие, ругань» и karğan, karğap с общим значением корня «старый (по возрасту)».

Короткопалый дрозд — бульбуль — распространен в тропических и субтропических зонах Восточного полушария. В СССР на Южном Сахалине встречается рыжеухий бульбуль²⁷. Птица так названа за свое красивое пение. Бульбуль во многих тюркских языках означает «соловей»: азерб. bülbül, кирг., уйг. bulbul, тукмен. bilbil, турецк. bülbül. В свою очередь, в тюркские языки слово вошло из персидского.

Большие трудности и разногласия вызывает этимология названия крупной птицы — дрофы. У С. Т. Аксакова мы встречаем: «Имя дрофы — не знаю, откуда происходит. В Оренбургской губернии зовут ее по-татарски *туда* или *дудак*. Это же название слышал я в соседственных губерниях, но в Курской, вместо дрофа, говорят *дрова*. Я остаюсь убежден в нерусском происхождении этого слова»²⁸. Название птицы дрофа встречается почти во всех славянских языках. Однако различное фонетическое оформление слова, колебания в значениях его дают основание предполагать, что в славянских языках название птицы заимствованное. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что дрофа обитает в степях, полупустынях и пустынях. Как уже отмечалось выше, прародиной славян являлась в основном лесистая территория. Следовательно, название птицы, обитающей в степях и пустынях, должно было отсутствовать в праславянском языке. Источником заимствования мно-

²³ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 210.

²⁴ Впервые эту мысль автору статьи высказал Н. А. Баскаков.

²⁵ С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника... Собр. соч., т. 5, М., 1966, стр. 152.

²⁶ Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. — «Советская этнография», 1969, № 4, стр. 27.

²⁷ Малая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 2, стр. 11.

²⁸ С. Т. Аксаков. Указ. соч., стр. 168.

гие ученые сначала считали германские языки (нем. Тгарре, датск. tgar, швед. tgarр), но впоследствии выяснилось, что германские языки заимствовали его у славян. В 1946 году финский тюрколог Мартти Рясänen предложил новую этимологию, согласно которой славянские названия дрофы имеют тюркское происхождение. В поддержку этой точки зрения в 1968 г. со специальной статьей выступил И. Г. Добродомов²⁹.

В русском языке широко распространено другое название дрофы — дудак. Некоторые исследователи находили этому названию близкие параллели в славянских языках: чешск. dudek, словац. dudok, польск. dudek «удод». Однако западное влияние на русское «дудак» из-за семантических несоответствий следует отклонить. В русском языке это название заимствовано из тюркских, однако определение конкретного источника заимствования, из-за относительной близости тюркских форм, затруднительно: кирг. toodak, казах. duadak, узб. dudak, тувин. togduk, хакас. today, ногайск. duvadak, азерб. dovdag, татар. dūdāk — во всех языках со значением «дрофа», татар. duadak «пустынная птица» (ср.: монгольское название дрофы togadag). Л. А. Кубанова название птицы возводит к широко распространенному в тюркских языках корню tu (tuu, toy, tok) «родить, родиться» и малопродуктивному аффиксу -dak, который обычно образует имя существительное со значением предмета действия (ср. узбек. jugurdak «бегун» от jugurmak «бегать») ³⁰.

Особенно много тюркизмов отмечается в русских названиях хищных птиц. Одним из древнейших тюркских заимствований является древнерусское название ястреба-перепелятника крагуй, встречающееся почти во всех славянских языках. Уже Ф. Миклошич³¹ и Э. Бернекер³² высказывались определенно в пользу того, что это название — тюркского происхождения и притом является древнейшим общеславянским заимствованием: древнетюркск. кугүй, кугкуй, кирг. кугуј, туркм., азерб. gurgu, узбек. kirgij, уйг. karğaj со значением во всех языках «ястреб-перепелятник». Название птицы этимологически восходит, по нашему мнению, к распространенному в тюркских языках глагольному корню куг- «уничтожать, истреблять» и создано при помощи аффикса -gi, -гу, образующего имена существительные в сочетании с основами глаголов (например, салмок «косить», салги «коса»). На русской почве безударное «ы» тюркского кугүй стало звучать как «а» и в результате метатезы образовалась древнерусская форма крагуй.

Название хищной птицы из породы орлов беркут получило довольно широкое распространение. Оно употребляется не только в восточнославянских, но и в польском и словацком языках, как заимствование из русского. То, что в русском языке мы имеем дело с тюркизмом, ни у кого из исследователей не вызывает сомнения: кирг., уйг. бүркүт, туркм., тувин. bürgüt, татар. börket, узб. burgut — во всех языках означает «орел». Разногласия вызывает лишь частная локализация заимствования. Н. К. Дмитриев считает, что это заимствование из киргизского языка, так как беркут — характерный обитатель киргизских степей³³. Ему возражает Н. М. Шанский, считая русское «беркут» заимствованием из

²⁹ И. Г. Добродомов. Дрофа — дудак. — «Русская речь». 1968, № 4, стр. 100—104.

³⁰ Л. А. Кубанова. Тюркизмы в диалектной лексике русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1968.

³¹ F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 130.

³² E. Berneker. Navisches etymologisches Wörterbuch, erster Band, Heidelberg, 1908—1913, стр. 570.

³³ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 20.

татарского языка³⁴. Однако нам хочется присоединиться к мнению Н. К. Дмитриева: Хорошо известно, что беркут — основной представитель киргизской степной фауны и что соколиная охота в Московской Руси в основном была связана с соколами, поставляемыми с Востока, в частности из киргизских степей. Вполне допустимо, что и слово «беркут» тогда же вошло в русский язык.

В русском языке одна из разновидностей орлов носит название карагуш. В. Даль указывает, что карагуш — вид малого орла, татарский орел. Здесь два тюркских корня: кага «черный» и gus (kus) «птица». Фонетический облик слова говорит о том, что название птицы в русский язык проникло из башкирского языка, в котором karagus является обозначением подорлика (туркм. garagus «орел-могильник», кирг. кага kus «степной орел», хакас. хагахус «орел, беркут», узб. kogakus «орел степной», уйг. kagakus «орел, степной орел», ногайск. karagus «орел», татар. kagakos «орел»).

Хищная птица, похожая на ястреба, в русском языке именуется сарыч, сарыча³⁵. Нет сомнения, что это заимствование из тюркских языков, скорее всего из татарского: татар. sagus, sagusa — вид ястреба.

Название птицы дано по цвету: sagu «желтый», sagusa «желтоватый». (Ср.: кирг. sag «коршун», тувин. sagu «сарыч», узбек. saguksog «сарыч»).

Большой охотничий сокол носит название балабан. Ф. Корш пытался установить связь этого слова с турецко-персидским rählavan «болатерь»³⁶. Против этого мнения выступил П. М. Мелноранский, считавший слово балабан заимствованием из тюркских языков, в которых оно первоначально означало «большеголовый» (кирг. balapan означает «птенец», так как у птенцов несоразмерно большая голова). Со временем слово приобрело значение «большой, крупный, огромный». Этот эпитет вначале прилагался к названию одного из крупных видов охотничьего сокола, который затем начал называться просто «балабан»³⁷. Источником заимствования можно считать крымско-татарский язык, так как из современных языков только он и турецкий сохранили слово балабан в значении «большой». В. В. Радлов отмечает следующие значения слова балабан в этих языках: 1) с громадной головой, большой, толстый; 2) род хищных птиц³⁸.

Название настоящего сокола сапсана, на наш взгляд, также является тюркизмом. М. А. Мензбир писал, что «сапсан—название калмыкское или монгольское, которое я употребляю ввиду его распространенности в нашей орнитологической литературе»³⁹. Однако нам кажется, что слово непосредственно восходит к тюркским языкам, так как структура его и этимологический состав типично тюркские; оно явно распадается на два элемента — sap и san. Словарь В. В. Радлова отмечает в тюркских языках десять значений слова sap и семь—слова san. Наибо-

³⁴ Н. М. Шанский. Указ. словарь, вып. 2, стр. 98.

³⁵ Малая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 8, стр. 210.

³⁶ Ф. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС, т. 8, кн. 4, СПб., 1903, стр. 2.

³⁷ П. М. Мелноранский. Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС, т. 10, кн. 2, СПб., 1905, стр. 75—76.

³⁸ В. В. Радлов. Указ. раб., т. 4, стр. 1494.

³⁹ М. А. Мензбир. Указ. раб., т. 2, стр. 44.

лее вероятными, по нашему мнению, являются значения: сап—1) бить, ударять, махать⁴⁰; 2) обхватывать⁴¹; сан — «тело, бедро». Птица могла получить такое название за то, что хватает добычу на лету лапами, недаром сапсан используется как ловчая птица. Однако в этом предположении вызывает сомнение отсутствие лексемы «сапсан» в современных тюркских языках. (Следует также подумать, не связано ли название птицы с уйгурским словом сарсап «быстрый, скорый, проворный»; известно, что сапсан отличается быстрым полетом и ловкостью. Изменение сарсап в сапсан могло произойти в результате дистактной ассимиляции).

Пустельга — небольшая хищная птица из семейства соколиных. Многие ученые-этимологи (Ф. Миклошич, Э. Брюкнер, А. Г. Преображенский, М. Фасмер) объясняли происхождение наименования от корня пуст-, так как пустельга живет в пустынных местах. Другой элемент -ельга А. Г. Преображенский пытался объяснить аналогией со словом иволга. Однако это малоубедительно. В последние годы появились статьи В. А. Никонова, в которых он высказывает новую гипотезу о тюркском происхождении слова пустельга: «Многие слова, кажущиеся исконно славянскими, вошли из других языков (пустельга из тюркского *postorgaj* «жаворонок»)»⁴². Подробно эту гипотезу он развивает в специальной статье «Против наглядных этимологий»⁴³, в которой название птицы пустельга возводит к двум тюркским словам: *boz* «бледный, серый, сизый» и *toġgaj, turġaj*, означающим в разных языках «жаворонка, скворца, воробья». Тем не менее это малоубедительно в фонетическом и, главное, — в семантическом отношении. Слишком сомнительно, чтобы тюркский воробей в славянских языках мог превратиться в сокола. Поэтому мы считаем, что второй компонент слова пустельга связан не с тюркским *toġgaj, turġaj*, а с названием одного из видов сокола в тюркских языках: кирг. *itelgi* «балабан» (вид сокола), татар. *ätälge* «балабан» (вид большого сокола), казах. *itelgi* «лунь», уйг. *itälgü* «пустельга». Следовательно, название птицы «пустельга» является результатом сложения двух тюркских корней: *boz, ros* «серый, бледный, сизый» и *itelgi* — вид сокола, т. е. первоначально *ros itelgi* означало вид сокола серого цвета. В результате народной этимологии слово в дальнейшем стало соотноситься с русской лексемой «пустой» и потеряло звук «и» начала второго компонента. Конечный гласный «и» был заменен гласным «а», так как название птицы вошло в состав имен существительных женского рода. Ударение на последнем слоге также свидетельствует в пользу тюркского происхождения слова пустельга. Название это встречается и в других славянских языках. Поэтому мы присоединяемся к мнению В. А. Никонова, что «история слова пустельга напоминает о давних славяно-тюркских отношениях, восходящих еще к периоду славянской общности».

Остановимся на двух русских названиях птиц, причисляемых нами к тюркизмам в порядке гипотезы. Большая птица из отряда куликов в русском языке носит название *ту ру х т а н*. А. Г. Преображенский допускал звукоподражательное происхождение этого названия⁴⁴. Н. В. Го-

⁴⁰ Хакасско-русский словарь, под ред. Н. А. Баскакова, М., 1953, стр. 181.

⁴¹ Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. 485.

⁴² В. А. Никонов. Понски системы. — «Этимология». М., 1963, стр. 217—235.

⁴³ В. А. Никонов. Против наглядных этимологий. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 2, изд. МГУ, 1962, стр. 90—92.

⁴⁴ А. Г. Преображенский. Указ. словарь, т. 2, вып. послед., стр. 21.

ряев указывал на сходство слова турухтан в немецк. Truthahn «индюк»⁴⁵. Но это, вероятно, случайное созвучие. Л. А. Булаховский считает происхождение слова восточным, но свое мнение, к сожалению, не аргументирует⁴⁶. Учитывая, что в тюркских языках птиц часто называют либо по характерным для них повадкам и издаваемым ими звукам (например: ulag, k'ek'lik', lek'lek'), либо по цвету оперения (например: kogabovug, sa-gus, k'ögöl), считаем возможным предположить, что первая часть названия птицы турухтан связана с определенным цветом: кирг. togu, хакас. togug, древнетюрк. toriγ, toruγ «гнедой, красновато-рыжий», а вторая — с алтайским словом tap «галка»⁴⁷. Птица действительно внешне напоминает галку, однако имеет цвет серовато-бурый.

Т у р м а н, т у р м а н — так зовется голубь особой породы, способный кувыркаться при полете. А. Г. Преображенский, считая это слово, по всей вероятности, книжным заимствованием из западноевропейских языков, приводит немецк. turtel «горлица» из лат. turtur⁴⁸. Л. А. Булаховский название голубя-вертуна турман возводит в франц. tourmant⁴⁹. Н. К. Дмитриев относит слово к тюркским заимствованиям⁵⁰. В пользу тюркского происхождения говорят также его структурный состав и ударение на последнем слоге. Однако окончательное признание слова турман тюркизмом является преждевременным, и пока остается лишь предположением.

Не все тюркизмы в русских названиях птиц получили широкое распространение в языке. Часто они бытуют лишь в диалекте, которым были усвоены. Некоторые из них употребляются в русской речи для создания национального и географического колорита. Остановимся лишь на некоторых из них. В речи русских, проживающих в республиках Средней Азии, употребляется название чернобрюхого степного рябка к а р а б а у р: «В Бухарской области во многих местах было множество... карабауров, фазанов, кабанов»⁵¹. Это название проникло в русский язык из узбекского языка, в котором оно буквально означает «чернобрюхий» (кога «черный» + bovug «печень, нижняя часть живота»). Небезынтересно, что туркменское наименование этой птицы bagyrtlak (от bagug «печень») в туркменско-русском словаре переведено на русский язык другим тюркским словом — karabaug.

В некоторых диалектах русского языка птицу из отряда пастушков, лысуху, называют к а ш к а л д а к. Это слово отмечено в Словаре В. Даля как заимствование из татарского языка. Встречается оно и в многотомном труде М. А. Мензбира «Птицы России» как астраханское название лысухи и султанской курицы⁵². В древнетюркском языке утка-лысуха носила название gasyalag (азерб. gasgaldak, ногайск. kaskalak, узб. kaskaldok, кирг. kaskaldak, татар. kaskaldak). Название птицы происходит от тюркского kaska «лысый, с белой отметиной на лбу». Птица была так названа из-за белой голой роговой «бляхи» на лбу. Отсюда и русское

⁴⁵ Н. В. Горяев. Указ. словарь, стр. 380.

⁴⁶ Л. А. Булаховский. Указ. раб., стр. 183.

⁴⁷ В. В. Радлов. Указ. раб., т. 3, стр. 822.

⁴⁸ А. Г. Преображенский. Указ. словарь, т. 2, вып. послед., стр. 20.

⁴⁹ Л. А. Булаховский. Указ. раб., стр. 184.

⁵⁰ Н. К. Дмитриев. Ударение в русских словах тюркского происхождения. — «Сборник статей по языкознанию», изд. МГУ, 1961.

⁵¹ Газ. «Правда Востока», 12 декабря 1968 г., № 286.

⁵² М. А. Мензбир. Указ. раб., т. 1, стр. 449, 458.

название птицы — лысуха. (Интересно, что в туркменском языке лысуху называют не *kaskaldak*, а *sakarbalak*. В основе тот же признак: *saka* также означает «с белой отметиной, со звездочкой на лбу; лысый»).

В русских диалектах известно несколько названий аиста: *бусель*, *бузан*, *леклек*. «Названия аиста в славянских языках сплошь попадают в число слов, в том или ином отношении загадочных. Над всеми ними тяготеет подозрение заимствования из других языков»⁵³, — писал Л. А. Булаховский. Остановимся лишь на одном из этих названий. В Словаре В. Даля отмечено диалектное название аиста и белой цапли *леклек*. В газете «Известия» от 30 октября 1969 г. в заметке «Аист-пастух» читаем: «Взяла женщина птицу на руки—глядит: крылья у нее перебиты. Перенесла «лелеку» (так называют в здешних краях (в Ровенской области. — Д. С.) эту птицу) домой. Несколько месяцев прожил аист в хате». Название птицы явно заимствовано из тюркских языков: азерб. *lejläk*, кирг. *lek'lek'*, туркм. *leglek'*, казах. *läjlek'*, узб. *lajlak*, турец. *läk'läk'*. Как можно заметить, оно звукоподражательное: птица названа так по хлопанью крыльев. (Ср. турец. пословицу: *läjläjin ömğü-laklak ilä g'ecäg* «жизнь аиста проходит в хлопанье»)⁵⁴.

В заключение автор хотел бы подчеркнуть, что, высказав ряд предположений, он вовсе не претендует на окончательное признание тюркизмами всех приведенных выше названий (напр., *турухтан*, *турман*) и исчерпывающую этимологизацию таких слов, как *беркут* и *сапсан*.

⁵³ Л. А. Булаховский. Указ. раб., стр. 165.

⁵⁴ В. В. Радлов. Указ. раб., т. 3, стр. 742.

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Еще древние авторы отмечали наличие в языке группы слов, сообщающих речи различные оттенки и интонации. Специальные работы, посвященные изучению природы таких слов, называемых модальными, появились сравнительно недавно.

Отправной точкой для выявления сущности модальных слов, несомненно, служит категория модальности, заимствованная языкознанием из логики. Согласно логической классификации, суждения, в зависимости от модальности, подразделяются на *аподиктические, ассерторические и проблематические*, отражающие степень и характер их действительности. Эту классификацию не следует безоговорочно переносить в грамматику.

Понятие модальности в языке включает совокупность грамматических значений, отражающих отношение содержания к действительности, определяемое говорящим как реальное, возможное, необходимое, предположительное и т. п. Существует точка зрения, согласно которой выражение модальности свойственно любому предложению, и в каждом языке эта категория проявляется своеобразно. Большинство лингвистов считает модальность тесно связанной с предикативностью¹.

Категории модальности, времени и лица ими рассматриваются как компоненты предикативности², которые в совокупности создают эту высшую и особую категорию³.

Однако имеется и другая точка зрения по этому вопросу. Так, например, В. Г. Адмони отрицает органическую связь между предикативностью и модальностью⁴, аналогичное утверждение высказывает Н. Б. Хлебникова⁵.

Прежде чем установить отношения модальности и предикативности, следует четко определить сущность последней.

¹ З. Будагова. Мүасир Азэрбајчан эдэби дилиндэ садэ чүмлэ. Баки, 1963, стр. 13—22.

² В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. — Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; *его же*. Русский язык, 1947; *его же*. О категории модальности и модальных словах в русском языке. — Труды Ин-та русского языка, т. II, М., 1950 и др.

³ Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

⁴ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.

⁵ Н. Б. Хлебникова. Сослагательное наклонение в современном английском языке Л., 1958.

В работах большинства лингвистов предикативность определяется как соотношение содержания предложения с действительностью. Они считают предикативность присущей всему предложению и рассматривают ее как категорию синтаксическую⁶.

В соответствии с таким пониманием сущности предикативности подлежащее и сказуемое имеют предикативную связь, то есть им должны соответствовать логический субъект и предикат. Практически это может и не подтверждаться, так как в предложении не всегда присутствуют оба главных члена⁷.

Сторонники второго мнения, исходя из синтаксического членения предложения, отождествляют предикативность со сказуемостью⁸. Причиной расхождения мнений является попытка рассматривать категории предикативности и сказуемости как самостоятельные: первую—как логико-грамматическую, вторую—как синтаксическую.

Категория сказуемости неотъемлема от понятия о главных членах предложения и существует только в предложении. Предикативность же заключается в способности относить законченную мысль к реальной действительности, и эта категория не связана ни с одним из членов предложения, в том числе и со сказуемым. Отношения между сказуемостью и предикативностью почти адекватны отношениям между подлежащим и логическим субъектом, между сказуемым и логическим объектом.

В отличие от сказуемости предикативность—категория логико-грамматическая⁹. Иногда ее отождествляют с модальностью, основываясь на том, что модальность, как и предикативность, распространяется на все предложение¹⁰, что принципиально неверно, так как эти категории характеризуют предложение с разных позиций, и далеко не всем предложениям присуща модальность. Иначе говоря, предикативность—способность речи сообщить что-то о действительности, а модальность—способность выражать отношение говорящего к этой действительности¹¹.

В тюркских языках отношение к действительности выражается разными способами: интонацией, наклонениями глагола, порядком слов, словосочетаний, модальными словами и модальными частицами. Остановимся на тех средствах выражения модальности, которые так или иначе относятся к рассматриваемой нами категории модальных слов.

Как известно, нюансы модальности в современных тюркских языках выражаются также словосочетаниями, синтагмами и другими средствами. Эти группы слов в основном возникают как сочетания имен с глаголами и имен с именами. Совершенно неправильно относить все эти сочетания к модальным словам, что сплошь и рядом наблюдается в работах азербайджанских лингвистов. Сочетания, передающие модальность, преподносятся ими как модальные слова.

В группу модальных слов включают сочетания модальных слов с частицами, сочетания нескольких слов, а также сочетания слов с послелогами и т. д. Например: елә бил ки, үмумијјәтлә десәк, ғыса десәк, дејиләнә көрә, бунунла белә, доғрудан доғруја, мәним фикримчә и т. д.¹²

⁶ Грамматика русского языка, т. II, ч. I. Изд. АН СССР, стр. 80—88.

⁷ В. З. Панфилов. Грамматика и логика. М.—Л., 1963, стр. 43—44.

⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. — «Вестник ЛГУ», вып. 4, 1956.

⁹ В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 45.

¹⁰ Грамматика русского языка, т. I, ч. II. Изд. АН СССР, стр. 80.

¹¹ М. З. Закиев. Хәзәрге татар әдәби теле. Казан, 1958.

¹² А. Асланов. Модал сөzlәр. Азәрбајчан дилинин грамматикасы. Бақы, 1960, стр. 309.

М. Гусейнзаде в группу модальных слов включает сочетания ачыг десәк, сән демә и т. д., выражающие оттенки модальности¹³.

Эта тенденция еще сильнее проявляется в работах З. Ализаде, которая разграничивает модальные слова по структуре на простые модальные слова и модальные словосочетания¹⁴. Автор включает в группу модальных слов такие сочетания, как: эслинә бахоан, ким билир ки, сөз јох ки, ола биләр ки, нечә дејәрләр и т. д.

Развивая свою мысль, З. Ализаде пишет: «...часть модальных слов может возникать в результате ослабления содержания главного предложения, его предикативности». Но возникшие таким образом выражения схожи с модальными словами только по смыслу, и рассматривать их как модальные слова не следует. Достаточно обратиться к примерам, чтобы доказать заблуждение автора: мәнә елә кәлир ки, белә күман еләјирәм ки, елә билирәм ки и т. д.¹⁵

Отнесение к модальным словам сочетаний, выражающих модальные значения,—явление весьма распространенное¹⁶.

Словосочетания и обороты, передающие различные оттенки модальности, нельзя относить к модальным словам. Подобная ошибка могла произойти из-за неправильного определения границ слов и пренебрежения этим важным признаком. Подобно тому, как различаются понятия *слово* и *выражение*, должны различаться и понятия *модальное слово* и *модальное выражение*.

Не следует забывать, что сочетания, характеризующиеся как модальные слова, образованы путем сцепления различных частей речи.

Смешение модальных слов и других средств выражения модальности—результат их неизученности в тюркских языках.

До последнего времени модальные слова даже не выделялись в особую лексико-грамматическую категорию. Первая такая попытка в тюркологии связана с именем Н. К. Дмитриева, который на материале башкирского языка выделил группу слов, промежуточную между частицами и знаменательными частями речи, определяя их как частицы—по функциям, и как самостоятельные слова—по происхождению и фонетическому составу¹⁷.

К этой группе Н. К. Дмитриев иногда относил слова, не выражающие отношения к действительности, типа *бар*, *јох*, *ик'еп* и т. д. С тех пор прошло около трех десятилетий, однако вопросы о сущности модальных слов и возможности выделения их в самостоятельную лексико-грамматическую категорию все еще остаются невыясненными.

Место модальных слов в грамматическом строе языка еще не определено. В настоящее время модальные слова можно охарактеризовать как особую переходную категорию, имеющую много общего с частицами и синтаксически выполняющую аналогичную функцию. Однако семантическая связь с первоосновой и постоянная фонетическая оформленность отличают модальные слова от частиц.

Модальные слова можно подразделить на три группы. К первой группе следует отнести слова, усиливающие значение всего предложе-

¹³ М. Гусейнзаде. Мүасир Азәрбајчан дили. Бақы, 1963, стр. 269—271.

¹⁴ З. Әлизаде. Модал сөзләр бир лексик грамматик категорија кими. АДУ-нун «Елми әсәрләри», 1962, № 3, стр. 210.

¹⁵ Там же, стр. 211.

¹⁶ М. М. Мирзоев, С. У. Усманов, И. Расулов. Узбек тили. Тошкент, 1962, стр. 162; В. Н. Хангилдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959, стр. 305; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964; К. М. Мусаев. Грамматика карaimского языка. М., 1964, стр. 327.

¹⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.

ния или его части и выражающие оттенок отношения. В большинстве своем они восходят к знаменательным словам, часть которых полностью утратила первоначальное лексическое значение. Например: *sank'i*, *g'üman*, *mümk'ün*, *tutalyt* и т. д.

Вторая группа модальных слов составляет как бы грамматические омонимы с первоосновой. Например: *g'örünür*, *g'öräsän*, *sübhäsiz* и т. д.

Третья группа модальных слов возникает на основе редукции членов предложения. Сюда прежде всего относятся слова-предложения, встречающиеся в диалогах. Например: *älbättä*, *hök'män* и т. д.

Конечно, не всякое слово, утратив лексическое значение и выражая различные отношения, становится модальным. Оно должно еще обладать свойством выражать предположение, необходимость, возможность. В этом аспекте обращает на себя внимание причисление исследователями к составу модальных слов тюркских языков многих лексических единиц, не выражающих ни одного из перечисленных отношений.

На наш взгляд, это прежде всего результат смешения субъективной модальности с выражением различных эмоциональных реакций на действительность. Слова, выражающие страх, удивление, горе, радость и прочие эмоции, неправильно включать в систему модальных слов, как это делают некоторые авторы, относящие к разряду модальных следующие слова и сочетания: *тэссүф ки*, *эчэбдир ки*, *тээччүблүдүр ки*, *һазыр ки*, *чох гәрибадир*, *гәрибэ будур ки*, *тээччүб едирэм*, *гәзадан*, *инсафан*, *хошбәхтликдән*, *аллаһ еләмәмишкән* и т. д.¹⁸

Субъективная модальность — не индивидуальное эмоциональное чувство, а отношение говорящего к реальной действительности и высказанному суждению.

Иногда к модальным словам относят слова, обозначающие порядок и последовательность: *биринчи*, *иккинчи*, *үчүнчү*, *нәһажәт*¹⁹ и т. д. Это наблюдается как в тюркологической литературе, так и в русском и западноевропейском языкознании. Приведенные выше слова не выражают модальных отношений, они лишь указывают на порядок и последовательность мыслей, а потому не могут рассматриваться как модальные.

Часто в группу модальных включают слова, которые обозначают только ограничение, пояснение, уточнение, обобщение и т. д., приближаясь по своей функции к союзным, например: *müxtäsär*, *acyg sözlä desäk'*, *älgysa*, *ümumijjätlä desäk'*, *belälik'la* и т. д.²⁰

Как модальные в тюркских языках характеризуются также слова и сочетания, выражающие ссылку на кого-либо, что-либо, например: *män-zä*, *sänzä*, *bizsä*, *dejläna g'öra*, *onun fik'rinza*, *räjinizä g'örä* и т. д. Нет оснований также называть модальными слова типа *bäli*, *хејг*,

јaxsy, *evet*, *jox*, которые, не выражая ни предположения, ни отношения к реальности (необходимости, возможности), передают лишь принятие или отклонение выражаемого в предложении суждения.

Как видно из обзора литературы, количество модальных слов увеличено за счет включения в их разряд слов и сочетаний различных категорий. Как в общем языкознании, так и в тюркологии в частности, пока еще продолжают споры о том, являются ли модальными слова самостоятельной частью речи.

¹⁸ М. Гусейнзаде. Указ. раб., стр. 271; З. Әливаде. Указ. раб., стр. 210.

¹⁹ А. Асланов. Указ. раб., стр. 311.

²⁰ Там же.

Ряд специалистов склонен рассматривать их как вспомогательную часть речи²¹. Аналогичная картина наблюдается и в работах о модальных словах языков других систем²². В большинстве случаев модальные слова рассматриваются как переходные между знаменательными словами и частицами²³.

Преобладающее количество модальных слов в современном употреблении представляют собой грамматические омонимы знаменательных слов *g'öğünür, doğrudan, hägigätän* и т. д.

Модальные слова генетически связаны с различными частями речи:

- 1) прилагательными — *doğrusu, sübhäsiz* и др.; 2) существительными — *g'äräk', g'üman* и др.; 3) наречиями — *älbättä, hök'män, hägigätän* и др.; 4) глаголами — *g'öğünür, g'öğäsän, dejäsän* и др.

В большинстве своем модальные слова произошли от наречий. В современных тюркских языках не встречаются модальные слова, восходящие к местоимениям и числительным. Что касается приводимых в теоретической литературе примеров якобы «модальных» слов *elä, belä, mänzä, sänzä, bizzä*, производных от местоимений *ävvalän, sanijän, yiginzi*, производных от числительных, — никакой связи с рассматриваемой категорией они не имеют.

Модальные слова — неизменяемая в морфологическом отношении категория. Это их сближает с наречиями.

В лексическом составе различных частей речи тюркских языков имеются слова, выражающие модальные оттенки, но они не выделены в особую категорию, как это имеет место в других языках, например в немецком.

Иногда в тюркологии делаются попытки приводить модальные слова независимо от глаголов. Нам кажется, что часть подобных слов²⁴ служит лишь средством выражения модальности, другую часть составляют действительно модальные слова, восходящие к глаголам. Основания называть их модальными глаголами нет, однако не следует смешивать их

²¹ И. А. Батманов. Части речи в киргизском языке. — «Вопросы языкознания», 1955, № 2, стр. 75; Хозирки замон узбек тили. Ташкент, 1957, стр. 484; Е. Н. Жанпейсов. Модальные слова в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1958, стр. 1; А. Асланов. Указ. раб., стр. 308; М. Гусейнзаде. Указ. раб., стр. 268; З. Элизаде. Указ. раб., стр. 211; Ф. А. Ангели. К вопросу о категории модальности и лексических средствах ее выражения в тюркских языках. Автореф. канд. дисс., М., 1964, стр. 9; Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. Ашхабад, 1964 и т. д.

²² В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М., 1958; А. М. Бордович. Некоторые наблюдения над синтаксической функцией и употреблением модальных слов в современном русском языке. — Труды по языкознанию БГУ им. В. И. Ленина, вып. I, 1958, № 45; Современный русский язык, II, Изд-во МГУ, 1964; Е. В. Гулыга и М. Д. Натанзан. Грамматика немецкого языка. М., 1957; И. О. Маскальская. Грамматика немецкого языка. М., 1956; И. Г. Рикман. Модальные слова в современном английском языке. Автореф. канд. дисс., Харьков, 1953; Б. Б. Шувалов. Модальные слова в современном английском языке. — «Ученые записки» Сталинградского государственного педагогического ин-та им. А. С. Серафимовича, вып. 7, 1959; Н. В. Ефимова. Модальные слова в современном английском языке. — «Ученые записки» Рязанского гос. пед. ин-та, т. XXII, 1961 и др.

²³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, М., 1952; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Л., 1956; В. М. Борисов. Модальные слова в современном арабском литературном языке. Автореф. канд. дисс., М., 1956; Грамматика русского языка, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1960 и др.

²⁴ Е. Н. Жанпейсов. Указ. автореф.; И. Х. Урусбиев. Спряжение глаголов в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963, стр. 111.

с формами глаголов, выражающих модальность условную, утвердительную и субъективную²⁵.

Модальные слова не могут выступать в качестве членов предложения. В тюркологической литературе вопрос о синтаксической роли модальных слов обойден молчанием. То же самое наблюдается, в частности, и в азербайджанском языкознании.

Некоторые языковеды характеризуют модальные слова в предложении как вводные и рассматривают их вне синтаксической связи с членами предложения, утверждая, что исключение их из состава предложения не влечет за собой никаких смысловых нарушений²⁶. Они уподобляют эти слова инородному телу²⁷.

Такая оценка роли модальных слов ошибочна. Известно, что модальные слова—лексическое средство передачи модальности в предложении. Нельзя опустить их, не внося смысловых изменений, так как при этом исчезает нюанс отношения к реальной действительности и обедняется содержание предложения. Проследим это на примерах.

Если выбросить из предложения «*Dejäsän, o mänä nä isä demäk' istäjirdi*» модальное слово *dejäsän*, то предложение будет выражать только определенную мысль, без оттенка предположительности, который создается этим модальным словом.

В большинстве работ указывается, что модальные слова примыкают к тому или иному члену предложения, выражая вместе с ним целостное понятие, образуя единый в синтаксическом отношении член предложения²⁸. Так, Ф. А. Ангели на материале гагаузского языка утверждает, что в предложении «Гележек хафта бән да олмалы больницадан чыкыжам» модальное слово *олмалы*, будучи неотъемлемым компонентом подлежащего *бән*, образует вместе с ним единый член. Но, как явствует из самого примера, слово *олмалы* придает всему предложению оттенок предположительности, не образуя единого члена с *бән да*²⁹.

Модальные слова выступают в предложении главным образом как вводные слова или же как слова-предложения. В обоих случаях они относятся ко всему предложению, ибо выражают отношение к суждению. Синтаксическая зависимость между модальными словами и членами предложения отсутствует.

Отрицая возможность функционирования модального слова в качестве члена предложения, мы не можем игнорировать тот факт, что в соседстве с любым членом предложения оно может оттенять его значение. Но и в этом случае синтаксически с членом предложения оно не связано и, по выражению А. А. Шахматова, выступает как «сопровождающий» член³⁰.

Модальные слова, как «сопровождающие», отличаются от вводных. Общеизвестно, что в роли последних может функционировать огромное количество различных слов, словосочетаний, в том числе и модальных. Следовательно, все модальные слова в этой функции—вводные, но не все вводные слова могут быть модальными.

В синтаксическом отношении модальные слова могут выступать и как слова-предложения, однако эту функцию они выполняют только в

²⁵ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 248.

²⁶ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 265.

²⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 404.

²⁸ А. М. Бордович. Указ. раб., стр. 265; Ф. А. Ангели. Указ. автореф., стр. 8.

²⁹ Ф. А. Ангели. Указ. автореф., стр. 8—9.

³⁰ А. А. Шахматов. Указ. раб., стр. 414.

диалогах, главным образом, в той их разновидности, которая строится как вопросы и ответы.

Подобные предложения воспринимаются как полные, ибо на основе предложения-вопроса легко установить те члены, которые в силу необходимости опущены в предложении-ответе³¹.

Модальные слова в этой функции выражают отношение говорящего к реальной действительности, а также придают суждению оттенок предположительности, необходимости, возможности. Но не все модальные слова способны выступать в этой роли, что связано, прежде всего, с особенностями диалога как формы речи. Будучи лишенным номинативного значения, модальное слово не может являться потенциальным минимумом предложения³².

Модальные слова отличаются от других групп вспомогательных слов наличием семантических оттенков, связанных с лервоосновой. Именно поэтому они способны выражать отношение высказывания к реальной действительности.

При классификации модальных слов следует учитывать два момента: субъективный и объективный. Так как модальные слова выражают отношение высказывания к реальной действительности и точку зрения говорящего, то семантические их варианты должны определяться на этой основе. С этой точки зрения целесообразно дифференцировать модальные слова тюркских языков на три группы:

1) модальные слова, выражающие *необходимость*: älbättä, sübhäsiz, sözsüz, säk'siz, hök'män, g'äräk', jägin, mütläg;

2) модальные слова, выражающие *предположение*: bälk'ä, g'öginür, sank'i, dejäsän, olsun, g'üman, g'öräsän, tutalym;

3) модальные слова, выражающие *реальность, достоверность*: doygusu, doygudan, mümk'ün, düzü, g'ercäk', täbii.

Место модальных слов в грамматическом строе языка также должно быть определено на этой основе.

³¹ Т. Г. Винокуров. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи. — Сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1955, стр. 344.

³² В. В. Виноградов. О формах слова. — «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. 3, вып. I, М., 1944.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. Ю. ТУГУШЕВА

ДРЕВНИЕ УЙГУРСКИЕ СТИХИ

(РУКОПИСЬ ИЗ СОБРАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР)

В последние годы повысился интерес к вопросам тюркского стихосложения¹. Ряд известных образцов древней поэзии тюркских народов стал предметом внимательного и всестороннего изучения. Из них исследователей чаще всего привлекают материалы Дивана Махмуда

Кашгарского, где в ритмах народных песен (küğ, qosuq, jig и др.²) воспеваются печаль разлуки, азарт битв, радость побед и горечь поражений, весенняя проза и тамариск и т. п.; материалы средневекового огузского эпоса³; сочинение Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг», в котором он более чем в 6500 двустихиях излагает свое кредо по самым разнообразным вопросам общественной и частной жизни своего времени; данные из словаря Codex Cumanicus и некоторые другие.

До настоящего времени, однако, остаются в тени поэтические произведения домусульманской эпохи, представляющие собой памятники буддийской и манихейской культуры, созданные древним населением Центральной Азии—уйгурами. Возможно, что немалую роль в этом сыграло распространенное и в основе своей справедливое мнение о том, что буддизм, как и любая другая религия, губительно отражался на произведениях народной словесности⁴ и что вместе с проникновением буддизма на смену эпосу пришли объемные буддийские трактаты. Между тем наряду с переводами буддийских сочинений, дошедшими до нас большей частью в фрагментарном виде, от обширной литературы того времени сохранились также образцы оригинальных поэтических произведений и стихотворные переложения некоторых известных в то время сочинений. В настоящее время их известно несколько десятков, большинство из них было извлечено из хранилищ и введено в научный обиход ныне покойным профессором Р. Рахмети Аратом⁵. Время их

¹ За последнее десятилетие издано несколько десятков статей и монографий по вопросам тюркского стихосложения. Обзор их см. в статье В. И. Асланова «Проблемы тюркоязычного стихосложения в отечественной литературе последних лет». — «Вопросы языкознания», 1968, № 1, стр. 118—125.

² См.: Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Ankara, 1939—1941, III, 131; I, 367; II, 14.

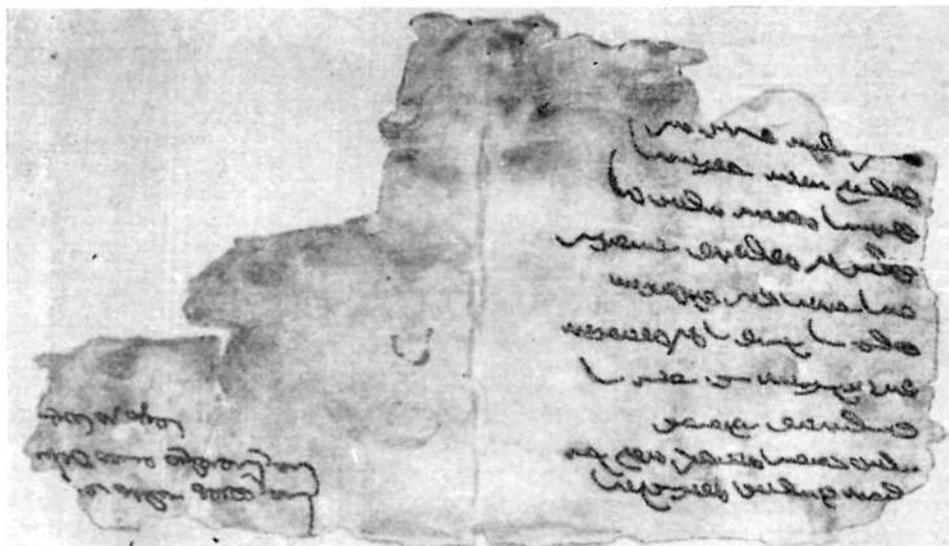
³ Обстоятельный анализ развития формы тюркского эпического стиха с привлечением материалов эпоса «Книга моего деда Коркута» дан в работе академика В. М. Жирмунского «Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха». — «Вопросы языкознания», 1964, № 4, стр. 3—24.

⁴ В. В. Бартольд. Памяти В. В. Радлова. 1837—1918. — «Известия русского географического общества», т. IV, вып. I, Пг., 1919, стр. 182.

⁵ R. Rahmeti Arat. Eski türk şiirleri. Ankara, 1965.

создания Р. Рахмети Арат относит к VIII—XIII вв.⁶ До нас дошли имена поэтов, создававших эти произведения — Арпынчур Тегина, Кюль Тархана, Сынгу Сэли Тутунга, Ки-ки и др., в произведениях которых представлено большое разнообразие поэтических форм и стихотворных размеров.

В настоящей статье мы предлагаем вниманию читателей один из образцов древнеуйгурского стихотворения указанного времени, которое обнаружено нами в коллекции древнеуйгурских рукописей ЛО ИВ АН СССР (шифр хранения SJ 3 Kг/7).

Стихотворение написано на сложенном вдвое листе бумаги размером 24×14,3 см с китайским текстом на обороте. Бумага тонкая, гладкая, хрупкая, желтоватого цвета, может быть отнесена к VII в.; эта датировка подтверждается также китайским текстом, имеющимся на оборотной стороне листа.

Уйгурский текст (13 стихотворных строк) написан беглым курсивом с прочерком вместо отдельных знаков, без графления. Письмо вертикальное, строки направлены от края страницы к ее середине. Стихотворная строка и строка текста на странице совпадают. Текст обрывается неожиданно на середине строки.

Стихотворение, посвященное восхвалению Будды, написано в размере тюркского семисложного стиха, представляющего собой древнюю и наиболее распространенную в фольклоре тюркских народов модель стиха, широко используемую также в эпосе⁷. Такая модель, как известно, строится по принципу выделения в стихе ритмических звеньев (отрезков), которые нередко совпадают с синтагматическими группами — отрезками актуально-синтаксического членения, что, по справедливому замечанию Х. Усманова, позволяет вводить в стих интонации живой

⁶ R. Rahmeti Arat. Указ. соч., стр. 10.

⁷ Ф. Корш. Древнейший народный стих тюркских племен. — ЗВО, т. XIX, 1909, стр. 139—167.

речи⁸. Среди известных древнеуйгурских поэтических произведений в этом размере написаны стихи поэта по прозвищу Ки-ки, с сочинениями которого⁹ данное стихотворение обнаруживает сходство и по форме (размер, способы аллитерации, рифмования и пр.) и по содержанию (стихи посвящены восхвалению Будды).

Счет слогов в строке стиха довольно свободный и колеблется от 7 до 9 (в одном случае до 10) слогов. Стихотворение имеет строго выдержанную начальную вертикальную аллитерацию, которая является отличительной особенностью большей части древнеуйгурских стихов. В первом четверостишии созвучны не только начальные буквы строк, но и все звуки первого слога в 1 и 3 и во 2 и 4 строках. Поэтому в данном случае вполне уместно говорить о начальной рифме.

Аллитерация в стихотворении в целом имеет следующий вид:

I четверостишие:	bur...
	bud..:
	bur...
	bod...
II четверостишие:	ba...
	ba...
	bā...
	ba...
III четверостишие:	ā...
	a...
	...
	ā...

Строки в стихотворении рифмованы, но рифма выдержана менее строго. Обращает на себя внимание единообразное оформление параллельных ритмических звеньев. Это единообразие строится не на повторе, а является продуманным внутренним оформлением стихотворения, при котором выделение ритмических звеньев подчеркивается не только интонационно, но и в самой форме стиха. Ср.:

hurxan atliḡ		baqsıqā ^v
budıyl ariḡ		özinkā
bursaḡ quvrḡay		ārdinikā

Стихотворение написано на «классическом» древнеуйгурском языке с некоторыми чертами архаизма. Отточенность формы, экономный и выразительный язык свидетельствуют о безусловном и незаурядном мастерстве поэта.

Знакомство со стихотворением показывает, что поэт, написавший эти строки, посвященные Будде, не только хорошо владел исконно тюркским фольклорным семисложным стихом, но и использовал его в усовершенствованном виде. Написание буддийского по содержанию сочинения в ритме наиболее популярной в фольклоре модели стиха безусловно свидетельствует о попытках сближения подобной литературы с произведениями народной словесности.

⁸ Х. Усманов. К характеристике ритмического строя тюркского стиха. — «Народы Азии и Африки», 1968, № 6, стр. 97.

⁹ R. Rahmeti Arat. Указ. соч., стр. 186.

ТЕКСТ

1. b[urxa]n atlīy baqsi-qa
2. budyil arīy özinkā
3. bursaṇ quvraṇ ārdini-kā
4. bodumīn tutusu īnanurmān
5. ba üsik-tin bālgürmis.
6. badm-a linqu-a-ta törümis
7. bärkislāmis aj üzā
8. baydasīnu olurur
9. ärtinü jörün tört qol-luy
10. [a] druq-īn ārdini tümäklig
11. ...* tidim tüpü-lüg.
12. äsri torqu bältürük-lüg
13. el [i] gi-dā tolṗ

ПЕРЕВОД

1. В учителя (наставника) по имени Будда,
2. В его чистую (священную) сущность**,
3. В общину драгоценную,
4. Всем своим существом я верую.
5. Он появился из буквы ba,
6. Он возник из [цветка] красного лотоса**,
7. Подобно луне в период полнолуния**,
8. Он сидит, скрестив ноги.
9. С четырьмя необычайно белыми руками,
10. Каждая из которых [украшена] драгоценностями**,
11. ... с головой, увенчанной диадемой,
12. С полосатым шелковым поясом**,
13. В руках все

ПРИМЕЧАНИЕ

2. budyil (скр. pudgala) «лицо, личность, человек, существо, сущность, душа». См.: W. E. Soothill, L. Hodous. A Dictionary of Chinese Buddhist Terms, стр. 370 b.

6. badma (скр. padma) «красный лотос». См.: W. E. Soothill, L. Hodous. Указ. соч., стр. 267 b.

7. Выражение bärkislāmis aj с отыменным образованием bärkislāmis от bärk «крепкий, твердый, сильный» можно трактовать как «луна в период полнолуния» по аналогии с образованиями от сходного по значению türk «могучий, сильный»: türk qujas ödi «солнце в зените»,

* Начало строки повреждено.

** См. примечание.

türk jigit «юноша в расцвете молодости» и др., в которых слово türk с основным словарным значением «могучий, сильный» приобретает значение «наиболее совершенная, высшая стадия чего-либо, апогей». (См.: Divanü lûgat-it-türk tercümesi, I, 353).

10. Хотя этимология слова tûmâk в данном случае недостаточно ясна, его употребление в постоянной синонимической паре, являющейся характерной чертой стиля древнеуйгурских сочинений, со словом itig «украшение» свидетельствует о сходстве, синонимичности их значения.

12. Отыменные производные с аффиксом -duruq/-dügük, -turuq/-tügük имеют значение «снаряжения (или его части), надеваемого на тягловый скот», «орудия или приспособления, предназначенного для рабочего скота, в отдельных случаях для человека» (Э. В. Севортян. Аффиксы словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 177). Производное слово bältügük в данном случае обозначает деталь одежды человека. Такое его значение, хотя и сходное по общей идее с указанным выше, но выходящее за его пределы, возможно, свидетельствует о более широкой сфере употребления этого аффикса в предшествующие периоды.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

adruq «раздельный, отдельный»;	elig «рука»;
adruq-în 10;	ëligi-dâ 13;
aj «месяц, луна» 7;	înan «верить»;
arîy «чистый, священный» 2;	înanırmân 4;
atlîy «именующийся, называющийся»;	jörüñ «белый, светлый» 9;
по имени» 1;	lınxua (кит.) «лотос»;
ârdini «драгоценный»;	lınxu-a-ta 6;
ârdini-kâ 3;	olur «сидеть»;
ârtiñü «очень, чрезмерно, необычайно» 9;	olurur 8;
âsri «пестрый, полосатый, цветной» 12;	öz «сам, свой, собственный»;
ba «название буквы» 5;	özinkâ 2;
badma (скр. padma) «красный лотос» 6;	qol «рука»;
baydasîñ «сидеть, скрестив ноги»;	qol-luy 9;
baydasînu 8;	quvrañ см. bursañ;
baqsî «наставник, учитель»;	tîdim (согд.) «диадема» 11;
baqsî-qa 1;	tolp «весь, целый» 13;
bâlgür «появляться, возникать»;	torqu «шелк» 12;
bâlgürmis 5;	tört «четыре» 9;
bältügük «поясной ремень, кушак»;	töğü «рождаться, возникать»;
bältügük-lüg 12;	töğümis 6;
bârkislâ «укрепляться»;	töpü «темя, макушка»;
bârkislâmis aj «фаза луны, когда	töpü-lüg 11;
виден	tutus- совм. от tut- «приниматься, схватываться»;
весь освещенный диск (?)» 7;	tutusu 4;
bod «тело, сущность»;	tûmâk «украшение (?)»;
bodumîn 4;	tûmâklîg 10;
budÿil (скр. pudgala) «лицо, личность,	üsik (кит.) «буква, слог»;
человек, существо, сущность, душа» 2;	üsik-tin 5;
bursañ; bursañ quvrañ «община» 3;	üzâ посл. зд. «как, словно, подобно» 7.
burhan «будда» 1;	

ЗАМЕТКИ О ГУННСКОЙ МИФОЛОГИИ

(по источникам VII в.)

История расселения гуннских племен на Кавказе, в том числе и в Закавказье, еще недостаточно изучена. Между тем есть немало, хотя и разрозненных, но тем не менее вполне достоверных данных по этому вопросу, в частности в древних армянских источниках.

Армянский историк V в. Агафангел утверждает, что гунны появились на Кавказе в начальный период правления Сасанидов¹. Он пишет о том, что армянский царь Хосров (217—238) вместе с грузинами (иберийцами), албанами и гуннами воевал против основателя династии Сасанидов — Ардашира.

Другой историк V в. Фавст Бузанд в своей «Истории Армении» отмечает, что в тридцатые годы IV в. началась война между армянским царем Хосровом III и правителем маскутов Санесаном, чье государство располагалось на берегу Каспийского моря, в южной части территории нынешнего Дагестана. В этой войне, сообщает он, вместе с маскутскими войсками в боях участвовали и гунны².

Тот же историк, повествуя о войне между армянским царем Аршаком II (345—368) и иранским царем Шапуром, также упоминает о гуннах. Он пишет: «Васаг берет армянские войска, а гуннов и аланцев призывает на помощь»³. Готовивший к изданию труд Бузанда акад. С. Малхасян отмечает, что гунны жили в северной части Кавказских гор⁴.

Упоминание о гуннах как племенном союзе, жившем на Кавказе в начале нашей эры, имеется и в труде армянского автора Анания Ширакаци «География».

Ряд источников свидетельствует и о принадлежности гуннов к тюркоязычным племенам.

Греческий историк VII в. Феофилакт Симокатта в своем труде «История» неоднократно называет гуннов тюрками. Он пишет: «...это были гунны, жившие на Востоке, по соседству с персами, которых большинство привыкло называть тюрками»⁵ (здесь и далее курсив наш. — М. С.).

¹ К. Патканян. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщенным армянскими писателями. — Труды Восточного отделения Археологического общества, ч. XIV, СПб., 1859, стр. 20—21.

² *Փափանգի Բուզանդ, «Հայոց պատմություն» Երևան, 1947, стр. 94.*

³ Там же, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 312, прим. 16.

⁵ *Феофилакт Симокатта. История* (перев. С. П. Кондратьева). М., 1957, стр. 36.

У этого же автора читаем: «Дело в том, что когда гунны, жившие на севере восточных областей (персы обыкновенно называют их *тюрками*)...»⁶ и далее: «...захватив с собой самого видного из своих друзей, Сеоса, он направился к племени гуннов, которых наша история неоднократно называла *тюрками*»⁷.

Симокатта сообщает далее, что в те времена гунны влияли на развитие исторических и общественных событий в Иране и на Востоке⁸.

На основании приведенных данных, а также сведений, содержащихся в ряде древних арабских, грузинских и других источников, можно предположить, что гунны, *басилы*⁹, *булгары*, а позднее и *хазары*, поселившиеся по меньшей мере в первые века нашей эры на Кавказе, в том числе и в Закавказье, были тюркоязычными племенами и что между этими племенами, а также мидийцами и албанами возникли разнообразные и все более крепнувшие связи.

Довольно обширные сведения о гуннах, как о тюркоязычных племенах, поселившихся на Кавказе, сообщает албанский (арранский) историк Моисей Каланкатуйский в «Истории Албании»¹⁰. Эти сведения представляют особый интерес с точки зрения изучения некоторых вопросов истории культуры гуннов, в том числе прослеживаний связей их мифологии с мифологиями других тюркоязычных племен. Дело в том, что, описывая в упомянутом труде события, развернувшиеся в связи с предательским убийством в 669 г. албанского царя Джаваншира, из-за чего гунны намеревались пойти походом на Арран¹¹, историк приводит некоторые данные о гуннской мифологии.

По вполне понятным причинам автор «Истории Албании» неприязненно относится к верованиям и связанным с ними обычаям, традициям, нравам гуннов и других тюркоязычных племен и, по-видимому, под влиянием этого в ряде случаев пристрастно излагает и комментирует факты. Но, несмотря на это, а также на неполноту и разрозненность некоторых приводимых автором сведений, они представляют несомненную ценность.

Моисей Каланкатуйский сообщает, в частности, что гунны поклонялись огню и воде, солнцу и луне, молнии и грому, земле, деревьям и дограм¹². Из многих источников нам известно, что им же поклонялись и другие племена, в том числе и тюркоязычные. Симокатта, говоря о религиозных верованиях тюркских племен, писал: «Тюрки оказывают огню глубокое уважение, относятся к нему с великим почтением...»¹³ Он же сообщал, что «тюрки веровали в воду»¹⁴. Эта вера проявлялась в поклонении божеству воды и растений *Olänk*¹⁵.

⁶ Фиофилакт Симокатта. Указ. соч., стр. 77.

⁷ Там же, стр. 102.

⁸ Там же, стр. 78.

⁹ По нашему мнению, слово-название «басил» тюркского происхождения и состоит из двух частей — «бас» и «ил». Первое «бас» в тюркских языках, в том числе в азербайджанском, является словом многозначным. Одно из этих значений — «побеждать, покорять». В ряде тюркских языков существует фонетический вариант «ил» — «эл» (народ, племя). Бас+ил || бас+эл — «побеждающий народы», «покоритель земель». Второе значение «басил» несколько отличается от первого. В некоторых тюркских языках имеется фонетический вариант «бас» — «баш». (См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911, стр. 1524). В таком случае «башэл» означает «глава племен, старшее племя».

¹⁰ Մովսեսի Կալանկատույցի, պատմութիւն Աղուանից աշխարհի. Մտպվա 1860, стр. 183—184. (Моисей Каланкатуйский. История страны Агван. М., 1860, стр. 183—184).

¹¹ Там же, стр. 183.

¹² Там же, стр. 191, 196.

¹³ Фиофилакт Симокатта. Указ. соч., стр. 161

¹⁴ Там же, стр. 161.

¹⁵ См.: Мирэли Сеидов. Өлэнкин изи илэ. — «Азербайжан», 1965, № 12, стр. 152—165.

Надо сказать, что пережитки былого поклонения воде до сих пор сохранились у многих тюркоязычных народов, в том числе и у азербайджанского. И теперь еще бытует обычай плеснуть воду вслед человеку, отправляющемуся в дорогу, желая ему счастливого пути и благополучного возвращения. Возможно, что в старину при совершении этого обряда люди молили божество воды в том, чтобы он помог путнику в дороге. Во многих районах Азербайджана и по сей день среди женщин сохранился обычай поведывать воде свои горести.

Ряд источников подтверждает, что многие тюркоязычные племена, как и гунны, считали священной и землю. Некоторые из них поклонялись божеству земли. Симокатта пишет: «Тюрки распевали гимн в честь земли»¹⁶.

О поклонении тюркоязычных племен воде и земле свидетельствует и памятник Тоньюкука. В 38-й строке этого памятника читаем: «Тән,гі, Умай, yduq Jär sub basa bärti arınc»¹⁷. В переводе это означает: «Небо, (богиня) Умай, священная Родина (земля—вода) — вот они, надо думать, даровали (нам) победу»¹⁸. В данном тексте выражение «священная земля и вода» (yduq jär sub) имеет переносное значение «родина». Это также свидетельствует о том, что земля и вода у тюркских племен считались священными. Приведенную строку можно перевести двояко: либо как «Небо, (богиня) Умай, священная Родина (т. е. священная земля и вода) — вот они, надо думать, даровали (нам) победу», либо же как «Небо, (богиня) Умай, божества земли, воды (или же считающиеся священными земля и вода) — вот они, надо думать, даровали (нам) победу». И в том и в другом случае смысл этой фразы свидетельствует о том, что земля и вода считались священными, и что они так же, как небо и богиня Умай, могли принести победу.

Многие тюркоязычные племена, как и гунны, поклонялись солнцу и луне. Из манихейского памятника видно, что к их числу относились уйгуры и родственные им племена. В 49-й строке памятника читаем: kün ait (ä) p,гі (бог солнца и луны)¹⁹. Имена этих богов упоминаются в 78-й, 81-й и 122-й строках того же памятника.

Подобно некоторым другим тюркоязычным племенам гунны поклонялись также божеству любви и красоты. Моисей Каланкатуйский, к сожалению, не сообщает нам ее гуннского имени, называя по-гречески Афродитой. Он пишет, что гуннские служители культов, в том числе и служительницы капищ Афродиты, которых он называет «волшебницами Афродиты» («*αἰσχυρὰ Ἐφροδίτην*») ²⁰, проводили богослужения в честь этого божества. Поскольку историк упоминает о служительницах капищ Афродиты, закономерно предположить, что в них имелись изображения этого божества.

Может возникнуть вопрос, почему Моисей Каланкатуйский называет служительниц капищ Афродиты волшебницами. По-видимому, это связано с тем, что у гуннов, как и у многих древних народов, существовало поверие, что божество любви и красоты может помочь юноше или девушке вызвать ответное чувство в сердце любимого человека, соединить молодых, одарить потомством бездетных. «Волшебницами» называли служительниц многих культов у древних египтян, шуммеров, аккардов, хеттов, хуритов, греков.

¹⁶ Феофилакт Симокатта. Указ. соч., стр. 161.

¹⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 63.

¹⁸ Там же, стр. 68.

¹⁹ Там же, стр. 117.

²⁰ Моисей Каланкатуйский. Указ. соч., стр. 200.

Среди основных зооморфных онгонов гуннов Моисей Каланкатуйский называет и дерево. Гунны верили, что великий Тангрыхан и «красивое дерево» «защищают страну» (*ազաճիչ և կեցնչիչ է աշխարհի սլորիկ*)²¹. Он сообщает, что гунны приносили жертвы дереву, в особенности крупным деревьям, в частности дубу. Историк пишет: «В жертву дереву приносили лошадей, кровью которых оно поливалось. Голова и шкура животного вывешивались на ветвях»²². Аналогичный обычай бытовал и у древнего тюркского племени, жившего на Мугани.

Как сообщает Моисей Каланкатуйский, одним из главных божеств у гуннов был Тангрыхан — божество геройства²³. По словам историка, гунны представляли его себе титаном, воздвигали статуи этого божества, приносили ему в жертву лошадей и других животных. Он считался божеством не только у гуннов, но и у некоторых других тюркоязычных племен.

Известно, что видный венгерский тюрколог Ю. Немет, говоря о связях гуннов с другими тюркоязычными племенами, ссылаясь на семь следующих гуннских слов-имен, имеющих тюркское происхождение.

Mundzuk, Ay-bars, Es-kam, Ata-kam, Ilek, Ir-nek, Dengiz-ik, а также на имя жены Атиллы *Agi(q) kan*²⁴.

К числу таких слов, на наш взгляд, следует отнести и имя *Tangryhan*. Это слово-имя совершенно очевидно состоит из двух тюркских слов: *tangry* и *han*. *Tangry* на языке древних тюрков означало «небеса». Впоследствии это слово приобрело смысловое значение «бог». Первоначальной формой слова *Tangryhan* было, видимо, *Tangryagan*, *Tangrygan*, а *agan* || *gan* являются первичной формой слов *hagan* || *han*. Таким образом, это имя можно расшифровать и как «властитель небес». Вероятно, присоединяя к имени *Tangry* титул *gan* || *han*, гунны и другие тюркоязычные племена подчеркивали тем самым величие этого божества, его превосходство над другими онгонами. В связи с этим можно предположить, что это божество считалось у гуннов отцом других онгонов, богинь и богов, то есть верховным божеством, подобным древнегреческому Зевсу.

Большой интерес представляет сообщение Моисея Каланкатуйского о том, что гунны, как и многие другие тюркоязычные племена, поклонялись грому и молнии. Божеством этих явлений природы у них, по словам историка, был *Guar*. По имеющимся у нас данным, это имя не привлекло еще внимания тюркологов и кавказоведов. Между тем его анализ дает интересный материал для изучения как языковых, так и этнических связей гуннов с другими тюркоязычными племенами. Поэтому автор счел целесообразным попытаться дать в настоящей статье этимологический анализ слова-имени *Guar* || *kuar* || *küär*.

Моисей Каланкатуйский пишет это слово слитно. Вполне вероятно, что в таком виде оно имело хождение и у самих гуннов. Однако нельзя исключать и возможности того, что слитное написание этого слова возникло при переводе с албанского первоисточника на древнеармянский.

На наш взгляд, слово *Guar* — сложное и состоит из двух самостоятельных слов: *gu* || *ku* || *kü* и *ar* || *är*. Начальный звук первого из этих слов *gu* одни тюркоязычные народы, в том числе алтайцы, произносили как «к», а другие, например огузы, как «g». Моисей Каланкатуйский пишет слово *Guar* через «g». Это, возможно, произошло по одной из двух причин: либо сами гунны произносили его как «g» и в этом случае исто-

²¹ Моисей Каланкатуйский. Указ. соч., стр. 199.

²² Там же, стр. 198.

²³ Историк отождествляет Тангрыхана с богом персов Аспендеатом и в ряде мест называет его этим именем.

²⁴ Ю. Немет. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии.—«Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 128.

рик, видимо, записал его как услышал, либо же анлаут этого слова звучал как «к», но, поскольку в армянском языке (будь то грабар или ашхарабар) нет фонемы «к» и соответствующей буквы, Моисей Каланкатуйский или переводчик его произведений на древнеармянский вместо мягкого «к» написал твердое «g».

Слово *gu*, входящее в сложное слово *guag*, употребляется в самостоятельном виде и как *ku* || *kü* и как *kuj* || *küj*. Звук «j» в слове *kuj* || *küj* как полугласный при его слиянии со словом *ag* || *äg* выпадает²⁵.

Во многих тюркских языках *gu* || *ku* || *kü* || *kuj* || *küj* имеет следующие значения: 1) «голос, рев, шум» 2) «огонь»; 3) «слава».

По нашему мнению, это слово первоначально имело значения «голос, рев, шум», а также «огонь». Значение «слава» оно, по-видимому, приобрело позже. Махмуд Кашгари переводит слово *gu* в его первом значении как *säs* «голос, рев, шум»²⁶.

Рассмотрим сначала первое значение слова *gu* «голос, рев, шум». У алтайцев *куу* означает «гул, громкий голос, напев»²⁷; у казахов и татар *күй* — это «голос, мелодия»; у барабинцев и телеутов *ку* также означает «звук, голос, гул, крик, громкий напев»²⁸. Аналогичные значения имеет и фонетический вариант *куј* у барабинцев, киргизов, азербайджанцев — «рев, мелодия»²⁹.

Слово *ku* || *kü* встречается в 12-й строке большой надписи Кюль-Тегина. Выражение *кү асидіп*³⁰ С. М. Малов перевел как «услышав весть».

Слово *ku* || *kü* имеет и значение «беседа».

В эпосе «Китаби Деде-Коркуд» слово «гу» (*gu*) употребляется в двух значениях: «весть» и «донос, злословие, сплетня». В одном из отрывков эпоса читаем: ...бир гу онлар дәхи жәтирдиләр...³¹ «...они принесли еще одну весть...» В этой фразе слово «гу» использовано в значении «весть». В другом месте эпоса это же слово употребляется в значении «злословие».

Улу, кичи галмаја сөз единә,
Гары, гоча галмаја гу единә,
Аг сагалы бабан бүкүлү ола,
Гарычыг олмуш анан ган-јаш төкә³².

В переводе это означает: «Не останется ни великого, ни малого, все заговорят; не останется ни старух, ни стариков, все станут злословить»³³.

Выражение *гу гылды*³⁴, встречающееся во вступлении эпоса «Китаби Деде-Коркуд», акад. Г. Араслы переводит как сөз кәздирмәк, т. е. «судачить, распространять сплетни»³⁵. В некоторых диалектах азербайджанского языка фонетический вариант *gu*, встречающийся в эпосе «Китаби Деде-Коркуд», до сих пор сохранил свое первоначальное значение сәс «звук, голос». Во многих диалектах Северного и Южного Азер-

²⁵ М. Ш. Ширәлијев. Азәрбајчан диалектолокијасынын әсаслары Бақы, 1962, стр. 25, 28.

²⁶ Divanü lûgat it-türk tercümesi, III cilt, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1941.

²⁷ Л. З. Будагов пишет: «(алт.) куу «гул, громкий голос, напев» (см.: Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. III. СПб., 1871, стр. 196).

²⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, ч. 2, СПб., 1899, стр. 1417.

²⁹ Там же.

³⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 29, 37.

³¹ Китаби Дәдә-Горгуд. Бақы, 1962, стр. 20.

³² Там же, стр. 99.

³³ Книга моего деда Коркута. М.—Л., 1962, стр. 68.

³⁴ Китаби Дәдә-Горгуд, стр. 14.

³⁵ Там же, стр. 162.

байджана слово *gu* означает «голос, крик». Г. Заринезаде приводит следующий пример: *гу вурурсан, гулаг тутулур* «так кричишь, что закладывает уши». Этот же автор считает, что слово *gu* означает «шум, крик, рев, рычание» и является азербайджанским словом, которое заимствовали персы. Он пишет, что слово *janku* گنجو, которое Махмуд Кашгари переводит как *äks-säda* «эхо», является сложным словом, состоящим из слов: *jank* (*jeni*) «новый» и *gu* (*säs*) «голос»³⁶.

В азербайджанском языке в настоящее время слово *küj* употребляется в значении «звук, крик». В нем имеется немало производных слов от этого корня. *Küjlätäk*, к примеру, означает «распространять слух, увеличивать», *küjсü* «суматошный». В ряде случаев слово *küj* употребляется в азербайджанском языке вместе со своим синонимом—словом *säs*, означающим «звук, голос, шум». Например: *Bu nä säs-küjdür?* «Что за шум?», *Kimdir säs-küj salan?* «Кто это шумит?» и т. д. Такое совместное употребление синонимов *küj* и *säs*, по-видимому, свидетельствует о том, что одни тюркские племена, участвовавшие в формировании азербайджанского народа и его языка, предпочитали слово *säs*, а другие — слово *küj*.

В современном узбекском языке имеется немало слов, связанных со словом *kuj* || *küj*, которое означает «мелодия, песня, мотив». Например: *klassik kuj* «классическая музыка», *raks kuji* «танцевальная музыка», *kujlatag* «петь, напевать, петь вполголоса», *kujli* «мелодичный, гармоничный», *kujси* «певец»³⁷.

Слова, в состав которых входит слово *kuj*, встречаются и в уйгурском языке, например *kujlätäk* «воспевать»³⁸.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что слово *ku* || *kü* || *küj* в значении «голос, звук, шум» имеется в языке многих тюркских народов, и что со временем само это слово и образовавшиеся от него другие слова и выражения приобрели новые смысловые оттенки, впрочем, тесно связанные с его первоначальным значением.

Как уже упоминалось выше, одним из первоначальных значений слова *ku* || *kü* || *küj* было «огонь, гореть».

Узбекский ученый XV века Тали Имани, составляя словарь языка поэта Алишера Навои, перевел گوى³⁹ как «гореть». В этом же значении дает его в своих словарях ряд других авторов⁴⁰. То же значение имеет слово *küj* у алтайцев, телеутов, киргизов, на агсуинском и кашгарском диалектах синьцзянских уйгуров⁴¹.

Слова, имеющие различные смысловые оттенки, но связанные со словами «огонь, гореть», в состав которых входит и *kuj*, имеются и в современном узбекском языке, например *куймок* (*kujmok*)⁴².

С. Е. Малов перевел выражение *küäg* из памятника Тоньюкука как «храбрый муж». На наш взгляд, он при этом имел в виду такие значения слова *ku* || *kü*, как «огонь» и «слава». Слово *ku* || *kü* в значении

³⁶ Г. Заринезаде. Фарс дилиндэ Азербайжан сөзләри. Баку, 1962, стр. 364. Автор утверждает, что слово «гулаг» (ухо) в азербайджанском языке образовано от «гу» (*гу+лаг*). Мысль Г. Заринезаде мы считаем допустимой; там же, стр. 363.

³⁷ Узбекско-русский словарь. М., 1959, стр. 221—222.

³⁸ Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961, стр. 107.

³⁹ А. К. Боровков. Бадан-ал-лугат. М., 1961, стр. 22.

⁴⁰ В. В. Вельяминов-Зернов. Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868, стр. 375—376; Pavet de Courteille. Dictionnaire turc-oriental. Paris, 1870, стр. 481;

стр. 263. شيخ سرحان القندی بخاری لغت چغتای و ترکی عثمانی استازبول ۱۲۴۷

⁴¹ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, ч. 2, СПб., 1899, стр. 1418; С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961, стр. 132.

⁴² Узбекско-русский словарь. М., 1959, стр. 222.

«храбрый, шустрый, огневой» употребляется в азербайджанском языке и поныне.

Второй составной частью сложного слова *guag* || *kuag* || *küāg* является тюркское слово *ag* || *āg*.

Обращает на себя внимание, что первый звук слова *ag* в сложном слове *guag* у Монсея Каланкатуйского передан буквой «а». По нашему мнению, это произошло по следующим причинам:

1. Племена, которые произносили слово *guag* через *gu*, по закону гармонии гласных первый звук в слове *ag* выговаривали как «а», что перешло и в письмо.

2. Племена, произносившие слово *guag* через *kü*, вторую часть слова произносили как *āg*. Но либо сам Монсей Каланкатуйский, либо же переводчик его труда написали это слово через «а», так как в армянском языке звук «ä» отсутствует. И поныне армяне в словах и терминах, перешедших в их язык из азербайджанского, произносят и пишут звук «ä» как «а». Следовательно, слово *ag* в сложном слове *guag* может быть заменено на *āg*, что с древнейших времен и по сей день у многих тюркских народов означает «мужчина, храбрый, бесстрашный». Но *ag* || *āg* является также аффиксом, образующим отглагольное существительное. В этом случае слово *gu* || *ku* в соединении с *ag* || *āg*, принимая во внимание два первоначальных значения этого слова — «шум» и «огонь» — может быть переведено как «горящий, кричащий».

Назвав свое божество грома и молнии Гуаром, гунны, по-видимому, при этом имели в виду и тот факт, что слово *gu* || *ku* в соединении со словом *ag* || *āg* имеет также значения «храбрый, мужественный».

Как уже отмечалось, многие тюркоязычные племена в древности поклонялись не только самой молнии, но даже деревьям и людям, которых она поражала, принося в их честь жертвы. Алтайцы, считавшие молнию проявлением священной воли божества Ульгена (*Ulgen*), поклонялись месту и предмету, пораженным молнией, и веровали в их та же должность у одних тюркоязычных народов называлась *jabgu*, у многих древних тюркоязычных племен существовал обычай для защиты от злых духов всегда иметь при себе обломок какого-либо пораженного молнией предмета.

Слово *guag* с незначительным фонетическим изменением в форме *goag* и ныне в ходу в Джебраильском районе Азербайджанской ССР. Р. Рустамов пишет, что это слово употребляется в значении *архаланмаг* (*arxalanmag*), *күвәнмәк* (*güvānmäk'*) «опираться, надеяться»⁴³.

Следует отметить также, что слово *gu* в сочетании с другими словами встречается во многих тюркских языках, а также у монголов, которые имели тесные связи с тюркоязычными племенами. И в тюркских и в монгольском языках многие слова, особенно имена собственные, в сочетании со словом *gu* приобретали смысловой оттенок святости, величия.

Известно, что многие тюркоязычные племена называли себя именем того божества, которому поклонялись. Впоследствии племя называло этим именем своего хакана, еще позднее — прославленных героев, богатырей и, наконец, его стали давать и рядовым представителям племени. В связи с этим имя божества постепенно утрачивало смысловой оттенок святости.

Так, по-видимому, случилось и со словом *gu* в сложном слове *jabgu*. У древних тюрков, в том числе и у огузов, после хакана на

⁴³ Р. Рустамов. Азербайжан дили диалект вә шивәләрдә фе'лин гурулушча нөвләри. Баки, 1963, стр. 74.

⁴⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. т. III, ч. I. СПб., 1905, стр. 288.

иерархической лестнице следуют тегин и ябгу⁴⁴. Слово ябгу (jabgu) в значении сословного звания мы встречаем в 14-й строке большой надписи Кюль-Тегина. Об употреблении тюрками слова jabgu в значении сословного звания упоминают и многие путешественники⁴⁵. В ряде случаев jabgu называли и хагана.

Существуют различные мнения о происхождении слова-термина jabgu. Одни исследователи считают его кушанским, другие — тохарским, третьи — древнеиранским⁴⁶. Однако большинство исследователей, в том числе и С. Г. Агаджанов⁴⁷, не разделяет мнения этих ученых.

По нашему мнению, слово-термин jabgu сугубо тюркского происхождения. В тюркских памятниках это слово употребляется в формах jabgu || jarqu. Переход звука «b» в «p» — особенность, характерная для тюркских языков. По всей видимости, слово jabgu образовалось путем соединения слова jab || jar со словом gu.

Яр — тюркское слово, имеющее множество значений, в частности «исполняющий, строящий». Следовательно, jar в соединении с gu может означать «великий строитель, творец, творящий, повелитель».

Слово gu в названиях племен Вајырку улуг, ябагу⁴⁹ и с семантической, и с фонетической точек зрения соответствует тому самому gu, которое мы встречаем в слове-имени Guag.

Обращает на себя внимание, что сложные слова и имена собственные, в состав которых входит слово gu, как правило, так или иначе связываются с громом и молнией.

У древних монголов, которые, как уже отмечалось, были близки с древними тюркоязычными племенами, существовал обычай присоединять к имени ханов, их внуков и правнуков слово gu || ku. Тем самым подчеркивалась их принадлежность к высшему сословию. Интересно отметить, что, если судить по легендам тюрков и монголов, в частности алтайских монголов, каждый герой легенды, в состав имени которого входит слово gu||ku, как-то связан с громом и молнией. Молния помогает ему достичь своей цели, мстит его врагам. Так происходит, например, почти во всех легендах алтайских монголов.

Г. Н. Потанин приводит следующую легенду: «В седой древности сын неба (Тенгринку) спустился на землю; его увидел грызун (ольби). Сын божий заснул под деревом; в это время ольби перегрыз ему горло. Небо (тенгри) поразило ольби за это громовой молнией; и теперь, если молния падает на землю, удар направляется туда, где сидит грызун (ольби)»⁵⁰. Поэтому у монголов считается добрым делом убить ольби и труп его повесить на дереве.

В другой легенде, записанной тем же автором, рассказывается о том, как лиса с помощью ряда ухищрений добилась того, чтобы молния убила богатого хана Мангыса и ему наследовал герой легенды, носящий имя Баралтай-ку⁵¹.

⁴⁵ А. А. Ковалевский. Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 24.

⁴⁶ М. F. Köprülü. Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur.—KCSA. Bd. I, Heft. I, 1938, стр. 330; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 12, 43; O. Pritsak. Stammensnamen und Titulaturen der altaischen Völker. UAJ, Bd. XXIV, № 1—2, 1952, стр. 89.

⁴⁷ С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 139.

⁴⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 31.

⁴⁹ И. И. Умяков. История Фахреддина Мубарекшаха.—«Вестник древней истории», 1938, № 1 (2), стр. 115.

⁵⁰ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881, стр. 160.

⁵¹ Там же, стр. 171. Между этой легендой и азербайджанской сказкой «Армудан и лиса» существует сложная идейная близость. См.: Азербайжан нағыллары, ч. V, Баки, 1964, стр. 58—60.

Как видно, в обоих случаях молния приходит на помощь героям легенды, в составе имен которых имеется слово *ku* || *gu*, что в свете сказанного выше представляется закономерным. Монголы, жившие на Алтае, были тесно связаны с тюркоязычными племенами, в том числе и гуннами, и, возможно, им было известно божество грома и молнии Гуар.

Слово *gu* входит также в состав сложного слова *baġgu*, означавшее у многих тюркоязычных племен «правитель». Об этом со ссылкой на многие источники сообщает, в частности, С. Г. Агаджанов⁵². Он указывает также, что это же слово входит и в состав имен-терминов Арсланбайгу и Байгукальян, упоминающихся в трудах ряда древних авторов⁵³.

С. Г. Агаджанов расшифровывает имя Арсланбайгу как «Лев-сокол». Такое толкование представляется нам несколько сомнительным. Думается, что переводить *baġgu* как «сокол» неверно, поскольку при этом оба имени-термина утрачивают свой смысл. Должно быть, *baġgu* в данном случае по смыслу связано со словом *gu* в составе слова-имени *Guag*. Как уже отмечалось выше, слово *gu* в сочетании с именем перед титулом придает ему смысловой оттенок величия, сановности или святости. Видимо,

и в данном случае *gu* означает не *gus* (*baġgus*) «птица», а является тем самым *gu*, которое входит в состав слова *Guag*. Мы считаем, что *baġgu* — сложное слово, состоящее из слов *baġ* + *gu*. Слово *baġ* || *baġi* встречается во многих тюркских памятниках в значениях «богатый», «господин». Из «Китаби Деде-Коркуд» известно, что хаганы, ханы и их жены присваивали титул *baġ* || *beġ* лицам, проявившим храбрость, отвагу, героизм⁵⁴. Титул этот присваивался и выборным путем⁵⁵. Но, чтобы отличить бея, стоящего на высшей ступени сословной лестницы, от просто бая «господина», к его титулу присоединялось слово *gu*.

Итак, *baġgu* — это «великий, высочайший, богатый господин», и, следовательно, в слове Арсланбайгу имеется в виду не «Лев-сокол» или «сокол Арслан», а «великий» или «высочайший господин Арслан».

Многие тюркоязычные племена заменяли слово *baġgu* словом *ġabgu*⁵⁶. Слово *ġabgu* || *ġabgu* означает «большой, великий, деятель», а *baġgu* — «великий, высочайший, господин». Основная причина такой замены кроется в семантической и фонетической близости обоих этих слов.

Некоторые ученые, в частности И. Маркварт и З. В. Тоған, считали *baġgu* искаженной формой слова *ġabgu*. Приведенный анализ слова *baġgu* опровергает это мнение. По-видимому, дело здесь в том, что одна и та же должность у одних тюркоязычных народов называлась *ġabgu*, у других — *baġgu*.

Ряд тюркских племен наряду с *ġabgu* употреблял и слово-термин *zabgu*⁵⁷. По нашему мнению, слово *zabgu* также является сложным и состоит из двух слов: *zab* + *gu*. Слово *zab* в древнетюркских языках имело

⁵² С. Г. Агаджанов. Указ. соч., стр. 140.

⁵³ Фахраддин Рази Хеданк ал-анвар фи-хаканк ал-асрар. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, инв. № 2671, стр. 103; Ibn-el-Athiri. Cronikon quod perfectissimum inscribitur ed. Tornberg C. J. vol. I—XIV. Lugduni Batavorum, 1851—1876, IX, стр. 324; Рашид-ад-дин Джами ат-Таварих. Рукопись Гос. публ. биб-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, стр. 346; Sadruddin Ebul-Hasan Ali ibn Nasir ibn Ali el-Husejni. Ahbar ūd-devlet is-Selçukiyye. Çeviren Necati Lügal. Ankara, 1943, стр. 1.

⁵⁴ См.: Китаби Дәдә-Горғуд. Бақы, 1962, стр. 19—20, 27 и др.

⁵⁵ Mehmet Neşri. Kitab-i Cihan-nüma, Hazırl. F. R. Unat ve M. A. Köymen. Ankara, 1949, стр. 44—45.

⁵⁶ стр. 103, *مجموع التواريخ والقصص تیران ۱۴۱۸ هجری*

⁵⁷ O. Pritsak. Der Untergang des Reiches des Oguzischen Jabgu. Mélanges Fuad Köprülü. Istanbul, 1956, стр. 405.

несколько значений. В 7-й строке памятника Тоньюкука оно употреблено в значении «слава, почет»⁵⁸. В некоторых словарях слово *zab* означает еще и «доверие»⁵⁹. Следовательно, *zab* имеет смысл «славный, почтенный, доверенный», а *gu*, как уже отмечалось, — «великий, большой, доверенный». В таком случае, *zabgu* означает «славный, почтенный, доверенный, великий человек». Ввиду этого *zabgu* иногда употребляется параллельно со словами *jabgu*, *jargu*, а в ряде случаев даже их заменяет.

Мы не претендуем на полноту анализа слов-имен *Tangruhan* и *Guar* и связанных с последним слов-терминов *baigu*, *jabgu*, *zabgu*. Вместе с тем они, как и упоминавшиеся в статье слова-имена, проанализированные венгерским ученым Ю. Неметом, на наш взгляд, могут служить дополнительным подтверждением принадлежности гуннов к тюркоязычным племенам древности.

Из всего сказанного видно, что гунны имели богатую мифологию, лишь незначительная часть которой затронута нами в настоящей статье.

⁵⁸ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 135.

⁵⁹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. I, СПб., 1911, стр. 196.

А. Т. КАЙДАРОВ. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО УЙГУРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. Ч. I, УЙГУРСКИЕ ДИАЛЕКТЫ И ДИАЛЕКТНАЯ ОСНОВА ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА*

Недавно вышедшая в свет книга А. Т. Кайдарова представляет собой первую часть большого исследования, посвященного современному уйгурскому литературному языку. Она подводит итог многолетним изысканиям автора.

Современный уйгурский литературный язык в динамике — таков главный объект исследования нового труда А. Т. Кайдарова. С одной стороны, это — связи литературного языка уйгуров с литературными языками других народов, а с другой — сопоставление ныне действующего уйгурского литературного языка и живого общенародного языка.

Многоплановое исследование А. Т. Кайдарова затрагивает круг наиболее актуальных вопросов современного уйгуроведения, дискутировавшихся еще в 30-е и 50-е годы и сохранивших до наших дней свою теоретическую и практическую значимость.

До 30-х годов текущего столетия литературным языком уйгуров был письменный язык, созданный на основе среднеазиатско-тюркского книжного языка, включавшего наслоения более ранних периодов. Этот язык значительно отличался от живого народного языка. В середине XIX в. группа уйгурских поэтов и писателей-демократов и прежде всего Билял Назым способствовала своим творчеством некоторому сближению литературного языка с общенародным, однако, как справедливо утверждает А. Т. Кайдаров, старый литературный язык все же не трансформировался в современный.

Современный уйгурский литературный язык в двух своих разновидностях

(уйгуров КНР и уйгуров СССР) сложился в 20—30-е годы XX в. на основе общенародного разговорного языка с включением традиционных книжных элементов. Автор сознательно обходит вопросы преемственности, ибо соотношение и взаимовлияние тюркских литературных языков различных периодов — особая проблема, требующая специальной методики исследования, основы которой были блестяще разработаны С. Е. Маловым¹.

Внимание А. Т. Кайдарова сосредоточено на выяснении народной основы современного уйгурского литературного языка, его связей с диалектами и говорами.

Прежде всего автором решается вопрос о диалектной базе литературного языка синьцзянских уйгуров (КНР), чему посвящена большая часть монографии.

Детально прослеживая полуторавекую историю языка уйгуров Синьцзяна, А. Т. Кайдаров отмечает наличие девяти основных языковых групп. Изучение уйгурских диалектов имеет исключительное значение для развития тюркологии. С. Е. Малов еще в конце 30-х годов, стремясь привлечь к этой проблеме внимание, заявил: «...Западный Туркестан далеко отстал по части изученности своих турецких наречий от Китайского Туркестана и провинции

¹ С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. VI, вып. 6, 1947, стр. 475—480.

Ганьсу»². Теперь, конечно, положение в корне изменилось. Однако научные проблемы уйгурской диалектологии сохраняют свою актуальность.

Отсутствие единых принципов диалектологической классификации обычно приводило к произвольному выделению различных диалектных единиц. Естественным выходом из создавшегося положения могло быть установление собственных критериев диалектного членения на основе комплекса общих и частных фонетических, морфологических и лексических признаков, что и было сделано А. Т. Кайдаровым. В результате определились пять групп говоров (куча-турфанская, илийская, кашгаро-яркендская, хотано-керийская и лобнорская), составляющих три более крупные единицы (диалекты) — центральный, хотанский, лобнорский.

Не оспаривая этого вывода, все же хотелось бы отметить, что в данном случае критерии членения автором избраны весьма широкие. Руководствуясь ими, можно прийти и к несколько иным, отличным от предложенных, вариантам группировки говоров. Оптимальные результаты дало бы применение лингвогеографии, однако это дело будущего.

Далее А. Т. Кайдаров приходит к следующему принципиально важным выводам. Опорным диалектом уйгурского литературного языка является, утверждает он, центральный диалект, фонетические нормы которого определяются илийским, морфологические — турфанским, а лексические — кашгарским и илийским говорами. Это подтверждается и предварительными выводами большой

синьцзянской диалектологической экспедиции 1956—1958 гг.

Последние разделы работы посвящены диалектам и литературному языку советских уйгуров. Представленный здесь диалектный материал в основном совершенно новый. Большие заслуги по его сборанию и обработке принадлежат Г. Садвакасову, самому А. Т. Кайдарову и Т. Талипову. Предварительные выводы сделаны на основе пока еще необобщенного, полностью необработанного материала. Всесторонне характеризуются илийско-семиреченский говор, туркменский и киргизский подговоры, дается подробное описание кашгарско-ферганского говора.

Заключительная часть работы посвящена анализу процесса становления литературного языка уйгуров СССР, вобравшего в себя особенности илийско-семиреченского и кашгарско-ферганского говоров.

Несмотря на близость опорных баз литературных языков синьцзянских и советских уйгуров (и там и здесь фигурируют илийский и кашгарский говоры), между ними имеется и ощутимая разница, ясно воспринимаемая на слух. Это объясняется различными условиями жизни и быта уйгуров.

Книга А. Т. Кайдарова — серьезное, основательное исследование, вносящее определенный вклад в развитие уйгуроведения. Оставляет весьма приятное впечатление также литературное и полиграфическое оформление издания.

Э. Р. Тенишев

² С. Е. Малов. Изучение живых турецких наречий Западного Китая. — «Восточные записки», т. I, Л., 1927, стр. 172.

С. Н. ИВАНОВ. РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ТЮРОК АБУ-Л-ГАЗИ-ХАНА (ИМЯ И ГЛАГОЛ. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)*

Рецензируемая книга представляет собой самостоятельное монографическое исследование парадигм имени и глагола на материале одного из памятников староузбекского языка, отражающего поздний этап его развития (XVII в.).

С. Н. Иванов выявил весь состав грамматических форм имени и глагола и обстоятельно охарактеризовал их природу, тем самым во многом восполнив имеющийся фактографический пробел в изучении формообразования этих частей речи применительно к староузбекскому языку. Это имеет большое значение, так как грамматику староузбекского языка едва ли можно воссоздать во всей полноте, если пользоваться только ранее выявленным фактическим материалом, игнорируя упомянутый памятник.

Успешное решение этой важной для исторической грамматики и истории узбекского языка задачи позволило С. Н. Иванову теоретически осмыслить парадигматику имени и глагола, внеся значительный вклад в разработку одной из насущных проблем тюркского языкознания.

Проблема эта раздельно по глаголу и имени разрабатывалась другими исследователями на материале различных тюркских языков. Однако результаты этой работы во многом противоречивы и малоубедительны.

Исследователи критически не оценивали и не обобщали всего того, что было сделано по данному вопросу. Тем большее значение приобретают собранные и обработанные С. Н. Ивановым материалы, которые позволили осветить данную проблему с новой точки зрения и наметить несколько иные пути ее разрешения.

В своих выводах С. Н. Иванов руко-

водствуется четкой методологией, основанной на положениях материалистической диалектики и диалектической логики, учитывая при этом достижения отечественного классического языкознания, в частности синтаксическую концепцию А. А. Потебни.

В решении сложных теоретических задач, возникающих при изучении грамматических категорий и морфологии, С. Н. Иванов исходит из единого принципа. Он уделяет большое внимание толкованию грамматических категорий и форм путем установления соотношения их собственно морфологического и синтаксического назначений. Автор доказывает наличие системы в пределах одной многозначной формы в рамках нескольких форм, объединяемых в одну категорию, и, в более широком масштабе, — взаимодействия грамматических категорий, выходящего за пределы парадигматики данной части речи, и т. д.

С. Н. Иванов констатирует, что сложнейший вопрос о соотношении отдельных значений полисемантических грамматических форм не может решаться лишь путем умозрительного извлечения из каждого из значения какого-то инварианта, будто бы объединяющего все частные значения, поскольку, согласно диалектической логике, общее по отношению к единичному представляет собой не умозрительный их инвариант, а ту конкретную систему, в которую включено данное единичное и в рамках которой оно функционирует.

Соотношение грамматической формы, ее значений и функций С. Н. Иванов предлагает рассматривать в свете диалектического учения о соотношении категорий предмета, свойства и отношения, в связи с чем наблюдается следующий изоморфизм: грамматическая фор-

* Ташкент, 1969.

ма как нечто, имеющее отдельное бытие, — это предмет (в философском смысле), обладающий свойствами (значениями), проявляющимися в ее отношениях (функциях) (стр. 20—22). На этой основе С. Н. Иванов постулирует понятие субстанциональной морфологии: грамматическая форма в морфологическом аспекте должна, по его мнению, трактоваться как носитель системы грамматических значений, заложенных в ней и проявляющихся в ее синтаксических функциях (стр. 22).

Сумма отношений какой-либо формы квалифицируется С. Н. Ивановым как система ее значений, как ее сущность. И эта сущность, по мнению автора, выявляет противоречивое отношение данной формы к самой себе. Такое толкование сущности грамматической формы С. Н. Иванов основывает на диалектическом учении о соотношении сущности и явления и о наличии противоречивых сторон «во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)» (В. И. Ленин). Опираясь на это учение, С. Н. Иванов заключает, что общее значение какой-либо формы нельзя понимать как универсальную единственность непротиворечивого значения, а следует истолковывать как неизбежную двойственность значений каждой формы (стр. 22—25).

Исходя из указанных методологических посылок, С. Н. Иванов в своем исследовании рассматривает грамматические категории имени и глагола как систему значений каждой формы, систему форм и их значений в каждой грамматической категории.

Грамматические категории имени — категорию числа, категорию определенности, неопределенности, категорию падежа и категорию принадлежности — С. Н. Иванов характеризует в их тесной связи друг с другом и приходит к выводу, что во всех этих категориях находит формальное выражение взаимодействие конкретно-предметных и отвлеченно-предметных (предметно-качественных) значений. Это находит отражение в двойном противопоставлении форм числа (стр. 32—48), в подразделении склонения на две группы падежей — выражающую соотношение указанных значений (основной, винительный, родительный) и нейтральную к ним (дательный, исходный, местный) (стр. 50—99), в способности категорий принадлежности выражать конкретно-предметное отношение (так называемый III тип изафета) и отвлеченно-предметное отношение (II тип изафета) (стр. 102—106 и 112—113). Особенно полно охарактеризована с этой точки зрения категория падежа, в каждой из форм которой наиболее наглядно представлена

многозначность (стр. 51—53, 63—67, 70—72). Проследив противопоставленность двух групп падежей по названному их значениям, С. Н. Иванов отмечает, что последние составляют лишь часть грамматической семасиологии всех шести падежей и что они по остальным своим значениям противопоставлены друг другу внутри данного ряда падежей.

Подтверждая это положение, С. Н. Иванов прослеживает противопоставленность основного падежа (исключая его противопоставления винительному и родительному падежам) и показывает его нейтральность в отношении противопоставления конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений (стр. 50—51, 97—98). В дательном, исходном и местном падежах, также нейтральных в отношении противопоставления конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений, С. Н. Иванов обнаруживает дифференцирующие их значения: в дательном падеже — значение объекта ответного действия (наряду со значением направленности действия) (стр. 76—79), в исходном — значение обратной направленности действия (наряду со значением отложительности) (стр. 84—86). В пределах каждой падежной формы С. Н. Иванов устанавливает две группы противоречивых значений. Такая интерпретация склонения в тюркских языках, предпринимая впервые, позволяет С. Н. Иванову показать все многообразие значений и функций падежей в стройной системе, объединяющей их между собой отношениями противопоставления. Интересны наблюдения С. Н. Иванова над взаимодействием категорий числа и падежа, категорий падежа и принадлежности (стр. 182—183, 192—194).

Предложенная автором интерпретация грамматической системы имени характеризуется новизной, стройностью и обоснованностью.

Во второй части монографии, посвященной глаголу, рассматриваются грамматические категории залога, времени, наклонения и лица в их взаимных связях. Здесь интересна и во многом нова трактовка категорий залога, которая представляет собой творческое развитие прежних воззрений С. Н. Иванова, излагавшихся в его публикациях, в том числе и в книге «Очерки по синтаксису узбекского языка» (1959 г.).

Противоречивую двойственность категории залога С. Н. Иванов усматривает в том, что залог носит лексико-грамматический характер и трактуется различия в значениях залоговых аффиксов как следствие различия их функций в составе всей производной глагольной основы и по отношению к основе неизпроизводной. В одной из своих

функций залоговые аффиксы квалифицируются как средство расширения объектных связей исходного глагола (словообразовательный ряд), а в другой — как средство грамматического уточнения субъекта действия исходной основы (грамматический ряд значений) (стр. 117—134). С. Н. Иванов обнаруживает тесную связь между этими двумя разрядами значений (стр. 125) с учетом специфики залоговых отношений, представленных в причастиях (стр. 127—130). Аргументируя высказываемые положения, он пользуется материалами и других источников старозубекского языка. Больше внимание уделено здесь специфике соотношения залога с остальными категориями глагола (стр. 183—185). Интересно сопоставление двойного залогового оформления причастия типа айткан (суз): айтлган (суз) с двойкой формой прямого дополнения (стр. 183—190). С. Н. Иванов обнаруживает здесь прямую связь.

Во II части монографии центральное место занимает анализ категории времени и наклонения. Так же как и при рассмотрении склонения, С. Н. Иванов широко использует вышеописанные методологические принципы. Многообразие временных форм старозубекского глагола охарактеризовано в их взаимодействии, образующем стройную систему противопоставлений. С. Н. Иванов устанавливает два противостоящих ряда форм — настоящего-будущего времени и прошедшего времени, в пределах которых по частным признакам противопоставляются составляющие их формы. Так, характеризуя прошедшее категорическое время, С. Н. Иванов показывает, что в ряду прошедших времен оно противопоставляется всем остальным формам, обозначающим нерасчлененное действие в прошлом: а за пределами этого ряда оно выступает как форма с универсальным значением прошедшего времени вообще, на основе которого объединяются формы данного ряда и противопоставляются формам другого ряда (стр. 136—152). Три формы настоящего-будущего времени в противопоставлении друг другу дифференцируют значения настоящего и будущего времени, тогда как по отношению ко всем формам прошедшего времени они выступают, по мнению С. Н. Иванова, в качестве недифференцированного настоящего-будущего времени (стр. 138—141, 150—151).

Исследование С. Н. Иванова характеризуется последовательным применением методологических принципов, постулированных во «Введении» (стр. 3—26). Каждая форма рассматривается им как средоточие разнородных и противоречивых значений, которые в их

взаимном соотношении и противопоставлении образуют систему категорий и форм. Понятие системы в таком ее осмыслении сводится к тому, что все грамматические категории и формы взаимосвязаны не только общими признаками, но и своими противоречащими особенностями.

Не в пример некоторым другим ученым, которые, говоря о системе, обычно ограничиваются лишь отвлеченными рассуждениями, С. Н. Иванов свое понимание системы, как и выдвигаемые им методологические постулаты, обосновал в своем исследовании, по-новому осмыслил формообразование имени и глагола, вскрыл и с возможной полнотой и последовательностью описал природу их парадигм, что составляет главное и неоспоримое достоинство его монографии.

Тем самым он подтвердил свою теорию грамматических значений в рамках многозначности грамматических форм, подтвердив фактами ее правомерность.

Несмотря на убедительность обоснования своей теории, С. Н. Иванов, однако, допускает возможность полемизирования с ее отдельными частностями. Он придерживается мнения, что значения грамматических форм проявляются в их синтаксических функциях (стр. 22). Основания на сходных воззрениях Ф. де Соссюра и А. А. Потебни (отражающих, в свою очередь, грамматические традиции второй половины XIX и начала XX в., согласно которым морфология считалась придатком синтаксиса и соответственно значения и функции всех грамматических форм рассматривались в синтаксисе, а в самой морфологии содержался только их перечень), данная точка зрения представляется правомерной постольку, поскольку речь идет о парадигмах, синтаксически закрепленных и проявляющих свои значения в отношении к другим словам, взаимодействующим с ними на синтаксических началах. В применении же к формам, которые к синтагматике прямого отношения не имеют, например к грамматической форме интенсива прилагательных и наречий на -rak, закрепленной за ними как за частями речи, а также к форме отрицания глагола на -та и к формам времени, предназначенным для уточнения именно содержания глагольной основы (а не слов, соотносенных с глаголом синтаксически), эта точка зрения выглядит по крайней мере спорной. Иное дело — формы собственно залогов, синтаксически обуславливающие, но не закрепленные за определенной синтаксической позицией, и формы собственно наклонений, например императива и условного наклоне-

ния, которые с полным основанием могут быть отнесены к числу синтаксически обуславливающих и закрепленных парадигм.

Синтаксически закрепленные парадигмы, будучи, вероятно, генетически производными от синтаксических функций слова, воспринимаются и воссоздаются вне зависимости от их происхождения, именно как носители тех значений, которые за пределами синтаксиса лишаются смысла, а в полисемантических парадигмах и с точки зрения своего формального выражения поставлены в полную зависимость от синтаксиса. Даже обусловленное контекстом частное значение многозначной парадигмы функционирует обычно на общих основаниях со словами и морфемами как нечто характерное для самой парадигмы. Условная поначалу связь между парадигмой и ее производным значением по мере вхождения в обиход превращается в устойчивую норму, и парадигма воспринимается уже как естественный носитель этого значения, хотя подобная связь и возникает в результате поначалу исключительных условий внедрения этой парадигмы. Формальное выражение производного значения благодаря синтаксическим связям остается в силе, особенно с точки зрения генетической, но оно игнорируется, как только связь этого значения с данной парадигмой приобретает относительно устойчивый характер. Это обусловлено общими условиями функционирования всякой значащей морфологической единицы в определенной морфологической системе, от которой только и зависит ее реальная природа, хотя вхождение парадигмы в новое значение в эту систему и предопределяется ее происхождением, в нашем случае — уникальными условиями ее реализации. Ибо всякая семасиологическая инновация слова или ее формы есть история принятия или отклонения нормы языка, возникающая на синтаксической основе нового значения слова или морфемы с последующим ее закреплением и адаптацией в соответствующей морфологической системе вне зависимости от истории возникновения инновации. Производное значение слова или морфемы, вошедшее в систему, адаптируется и выравнивается в последней уже под ее влиянием, и совпадение нового значения после адаптации с собственной генетической сущностью слова, с его прошлым, представленным в синтаксисе в снятом виде, вовсе не обязательно. Система сама регулирует реальную природу созданного с помощью синтаксиса значения. Многозначные формы в каждом из своих значений функциони-

руют под контролем морфологической системы.

В силу изложенного и понятие субстанциональности, под которым С. Н. Иванов подразумевает формальное выражение всякого значения парадигмы не только ее собственными средствами, но и синтаксическими, применительно к последним имеет весьма относительный характер: не условия реализации предопределяют реальную природу парадигмы, хотя эта природа и может быть обязана им своим происхождением, наоборот, именно парадигма предопределяет их, канонизируясь как таковая нормами языка в определенной морфологической системе. Поэтому слова и являются средоточием всякой синтаксической структуры, в конечном итоге обуславливающей их (и их парадигмы). В этом смысле синтаксис — лишь средство реализации слов и их парадигм в целях коммуникации. Соответственно и формальное выражение значений многозначной парадигмы с помощью синтаксиса выглядит всего лишь как средство реализации значений, закрепленных за ней нормами языка.

Выделяя и квалифицируя некоторые частные, лексически закрепленные значения местного и дательного падежей, отдельных форм залога и времени, С. Н. Иванов мог бы более четко отграничить их от ведущих значений этих форм, проявляемых независимо от характера лексического значения основы. Да и вообще соотношению лексической и собственно грамматической семасиологии слова могло бы быть уделено больше внимания. Возможно в этом случае противоречивость значений ряда временных форм и названных двух падежей могла бы быть объяснена обусловленностью их частных значений, характером лексических значений определенного семантического профиля, взаимодействием собственно грамматического значения, выражаемого парадигмой слова, с его лексической семасиологией (ср. к примеру, формы указанных падежей в их отношении к именам, выражающим пространственные и временные значения; формы настоящего и будущего времени и отдельные формы прошедшего времени в отношении к глагольной основе с точки зрения вида).

Представляется в высшей степени спорным отделение форм дательного и местного падежей от имен типа *otā* «середина», *ogup* «место», *juz* «поверхность», *jakup* «близко» как послелогов (стр. 94—96). Данные формы лексически тождественны с остальными словоформами тех же имен, а с точки зрения грамматической — неразличимы от структуры, функций и

значений тех же форм, образованных от остальных имен соответствующего семантического разряда. К тому же отдельные, так называемые послелог-имена в одном и том же лексическом значении могут быть употреблены и в постпозиции и самостоятельно, вне сочетания с предыдущим именем, что во все не свойственно послелогу, ср.: sul-tannuŋ aldyna сукур «выйдя перед сул-

таном» и alduŋ(g)a сукур «выйдя предо мной», ordunuŋ januŋa kälip «подойдя к ставке» и januŋ(g)a kälip «подойдя к тебе», suvnu ortasyga «в середине реки» и ortada tura «стоит в середине», ortabyzda dostluk bar ärdi «между ними была дружба», где нет ни дисфункции форм названных падежей, ни нарушения тождества имен, при которых они употреблены, стало быть, нет и оснований говорить об их превращении в послелог.

Субстантивацию причастий едва ли можно безоговорочно считать только окказиональным явлением и на этом основании отрицать ее, как это делает С. Н. Иванов (стр. 180). Если причастие регулярно выступает в синтаксических позициях, закрепленных за существительным, и при этом на общих основаниях пользуется его парадигмами, то категориальная характеристика причастия по происхождению едва ли может препятствовать его включению в состав существительных, хотя бы на правах их аналога под воздействием грамматических норм.

Формы на -gas и -gupsa выражают, по-видимому, не обстоятельство, как это утверждает С. Н. Иванов (стр. 154), а относительное время, соотнесенное с последующим глагольным сказуемым не только хронологически, но и по категориям лица и числа на иных синтаксических началах, чем между глагольным сказуемым и обстоятельством.

Морфемосочетание -irga (стр. 75), выступающее как показатель целевого инфинитива, едва ли имеет прямое отношение к дательному падежу, из системы которого оно, судя по материалам уйгурского и татарского языков, выпало, вероятно, давно, во всяком случае до XVII в.

Лингвистическая литература по чагатайскому языку могла бы быть использована в исследовании шире. От этого оно только выиграло бы даже в том случае, если бы воззрения С. Н. Иванова шли вразрез с мнениями его предшественников по данному вопросу.

В заключение хотелось бы сделать еще одно замечание. Едва ли форма

bosaŋ «освободить» настолько монолитна, что из нее нельзя выделить корневую морфему bosa «освободиться» и аффикс каузатива -i (ср. стр. 131).

Несмотря на перечисленные выше отдельные недостатки, монография С. Н. Иванова в целом является ценным вкладом в тюркское языкознание.

А. А. Юлдашев

З. К. ЖАРАШУЕВА. МАТЕРИАЛЫ ПО КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ*

Фразеология является сравнительно новой областью языкознания, в которой имеется еще много неразработанных проблем. Характеризуя положение фразеологии в языкознании в недавнем прошлом, проф. Н. Я. Немировский¹ метко назвал ее «аппендиксом» в теле филологической науки.

В настоящее время благодаря трудам специалистов по славянским, кавказским, финно-угорским и другим языкам фразеология оформилась как наука и стала неотъемлемой частью лексикологии.

Заметный вклад в развитие фразеологии тюркских языков как специальной области лексикологии внесли тюркологи. Ими опубликовано большое количество статей и проведено два специальных совещания по вопросам фразеологии — в Самарканде (1959 г.)² и в Баку (1964 г.)³.

В резолюции IX Всесоюзного координационного совещания по фразеологии записано: «Признать создание фразеологических словарей национальных языков одной из существенных и необходимых задач советской филологической науки», и далее: «...недостаточный опыт по созданию фразеологических словарей не дает еще возможности остановиться на каком-либо одном типе фразеологическо-

го словаря, поэтому допустимы и желательны экспериментальные фразеологические словари различного замысла».

Рецензируемый словарь З. К. Жарашуевой относится к первым опытам создания фразеологического словаря одного из тюркских языков.

Отмечая в предпосланном словарю предисловии, что «фразеологией обычно называют совокупность устойчивых оборотов речи и выражений, свойственных какому-либо языку» (стр. 3), автор тем самым подчеркивает широкое понимание им этого термина. В словарь включаются наряду с фразеологизмами баш кьагыу «дремать», кьаны бузулуб «расстроившись», туз кьутукъ болуу «затвердеть, зачерстветь» также поговорки: башсыз урчукъ айланмаз — о неблагоприятной жизни (у вдовы); половицы: къл тойса да, кълз тоймаз — о характере ненасытного человека — «иметь много и еще хватать»; бранные выражения: башинг кёбсюн! «какое твоё дело!»; грубые выражения: башинга ур! «девай куда хочешь!»; пренебрежительные выражения: не ёлю жукъусу этдинг? «чего спишь вечным сном?»; проклятия: ата тьбюнде кьалсын — 1) «пусть умрет, упав с лошади», 2) «пусть забудется имя его», 2) «пусть останется на лошади»: разного рода устойчивые словосочетания: ат тизгин «сбруя», элиб деган «читающий по-арабски».

Включенные в словарь фразеологизмы располагаются в алфавитном порядке.

Автором приводятся лексические варианты фразеологизмов: ичи тутса — ичи кьызса — 1) «если полюбит», 2) «если захочет». Факультативные компоненты фразеологизмов заключены в ломаные скобки: ит бла киштикча <жашаргъа> «(жить) в постоянной ссоре, вражде».

Отмечена полисемантичность фразеологизмов, например: аякъ урмау 1) «не удерживаться», 2) «не посещать».

* Нальчик, 1968, 96 стр.

¹ Н. Я. Немировский И. Отзыв о работе В. Ф. Рудова «Фразеология произведений М. Горького». — «Ученые записки Таганрогского пед. ин-та», т. II, вып. 5, кафедра русского и иностранных языков. Таганрог, 1959, стр. 199.

² Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои. Вопросы фразеологии. Новая серия, вып. 106, Самарканд, 1961.

³ Тезисы докладов. IX Всесоюзное координационное совещание по вопросам фразеологии. Баку, 1964.

К достоинствам фразеологического словаря следует отнести включение в него синонимов и антонимов фразеологизмов (ср., например, при тул-туман болургъа «полным-полно, много» синоним тыгъ-тыкълама болургъа). Фразеологизмы и иллюстративные материалы снабжаются переводом на русский язык. Переводы осуществляются следующими способами: а) эквивалентно: бурнундан чючгюрют тюшгенча «словно вылитый, очень похож», б) адекватно: сезюне табылмазгъа «бросать слово на ветер»; в) описательно: жан ауулгъа тюшген «последние вздохи умирающего»; г) оборотом: бойнун тартсанг, бир тамычи къан чыкмаз «сильно бледный» (от злости, от истощения, от болезни). Все это дает возможность пользоваться словарем широкому кругу читателей.

В целом «Материалы по карачаево-балкарской фразеологии» З. К. Жарашуевой следует расценить как первый серьезный шаг в развитии карачаево-балкарской лексикографии.

Несколько слов и о некоторых недостатках словаря.

1. В словаре нет четкого разграничения фразеологизмов и других устойчивых словосочетаний: пословиц, поговорок и т. п., ибо не все они являются фразеологизмами. Большинство лингвистов считает фразеологизмами метафориче-

ские устойчивые сочетания, общий смысл которых не определяется значением отдельных составляющих их компонентов.

2. Не совсем точны переводы некоторых фразеологизмов, например: таулуну жаны тауда должен переводиться «душа горца в горах» вместо «привязанности балкарца к горам», хуржуну къалын болуу означает «быть богатым», а не «дежурный (человек), богатый».

3. В некоторых примерах синонимы и варианты смешиваются. Так, на стр. 81 указывается, что фразеологизм тенгизга таш атханча «пропасть бесследно (кому-либо, чему-либо)» является синонимом терен къолгъа таш атханлай. В действительности же это лишь вариант последнего фразеологизма. Границы фразеологизма — таш атханча (лай), терен, къол и тенгиз являются переменными компонентами (ср. узб. сувга тош отгандаи).

4. К многозначным фразеологизмам даются примеры, раскрывающие лишь одно из их значений, тогда как было бы желательно, чтобы примеры давались и на остальные значения фразеологизмов.

Безусловно, указанные недостатки не умаляют значения в целом полезного и ценного труда.

Э. А. Умаров

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ГОД—1969

2-го марта с. г. в Москве состоялось общее собрание Отделения литературы и языка Академии наук СССР, на котором были обсуждены итоги филологических исследований, проведенных в 1969 г. Собрание открыл вступительным словом академик-секретарь отделения М. Б. Храпченко.

Участники собрания обсудили доклад Отделения «О важнейших итогах научно-исследовательской работы в области филологии в 1969 году», розданный присутствовавшим в напечатанном виде, а также доклады директора Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР академика АН Литовской ССР К. П. Корсакаса «Основные направления филологических исследований в Литовской ССР» и директора Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН Узбекской ССР д-ра философ. наук К. Х. Ханазарова «Важнейшие результаты научно-исследовательской работы Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН Узбекской ССР».

Как отмечалось в общем докладе Отделения, значительное место среди исследований филологов в истекшем году заняли труды, в которых крупные проблемы литературоведения и языкознания разрабатывались в свете теоретического наследия В. И. Ленина, а также некоторые другие работы, относящиеся к ленинской тематике. Исследования, связанные с освоением и развитием ленинского наследия, проводились почти во всех филологических научных учреждениях Академии наук СССР, академий наук союзных республик, научно-исследовательских институтах автономных республик и областей. Многие из этих трудов опубликованы. Крупнейшими из них являются: «Наследие В. И. Ленина и литература XX века», «Наследие В. И. Ленина и наука о литературе» и «Ленинизм и литература».

Выдвинутые В. И. Лениным положения в области мирового общественно-исторического развития были исходными при освещении особенностей литературного процесса XIX и XX веков и характеристике различных направлений и течений в литературе. В труде «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания» с марксистско-ленинских позиций рассматриваются узловые методологические проблемы современного языкознания, в частности вопросы философских основ структурной лингвистики, марксистско-ленинской теории познания и знаковости языка, соотношения языка и мышления, понятия системы и структуры языка, качественных и количественных изменений в языке и противоречий в его развитии, ленинской концепции развития национальных отношений и языковой политики в СССР и др.

Опубликованы также работы Я. Е. Эльсберга «Ленинское наследие, жизнь и литература», А. Г. Цейтлина «Стиль Ленина-публициста», Дж. Таштемирова «Советская Ленинина и киргизская литература», И. К. Белододеда «Ленинская теория национального языкового строительства в социалистическом обществе» и др.

Опубликованные и подготовленные к печати монографии, сборники и статьи свидетельствуют о достойной встрече советскими филологами столетия со дня рождения В. И. Ленина.

Интенсивное исследование важнейших проблем филологии на основе ленинских методологических принципов всегда будет служить плодотворным началом для всей нашей научной деятельности. Не следует также забывать и о необходимости систематически вести непримиримую борьбу с буржуазно-идеалистическими теориями, с искажением положений ленинского теоретического наследия. В докладе Отделения отмечались недостатки в работе филологов в области теории и подчеркива-

лась необходимость более углубленно овладения ленинской теорией отражения. Основываясь на этой теории, необходимо более обстоятельно, чем это делалось до сих пор, раскрыть характер отражения и творческого начала в произведениях литературы и искусства различных художественных направлений и стилей.

В области марксистско-ленинской эстетики и теории литературы в истекшем году исследовались важные проблемы развития современной литературы, в том числе проблемы художественной формы в литературах социалистического реализма и другие теоретические вопросы. Ряд исследований в 1969 году посвящен разработке весьма актуальной проблемы раскрытия национального своеобразия и интернациональной общности социалистических литератур, а также произведений прогрессивных писателей капиталистического мира.

Одним из основных направлений литературоведческих исследований, говорилось далее в докладе, в настоящее время стало изучение современного литературного процесса. Ощутимые результаты принесло изучение поэтики художественной литературы, типологическое исследование литературных явлений, разработка истории литературы народов СССР дооктябрьского периода, изучение зарубежных литератур, литературных взаимосвязей, современного народного творчества, его жанровой системы, взаимосвязи фольклора и литературы, сравнительно-историческое изучение фольклора разных народов. По этим направлениям завершены или опубликованы такие работы, как коллективный труд «Национальное и интернациональное в советской литературе», рассматривающий опыт развития ряда литератур народов СССР в условиях социалистической общности, двухтомный труд «Проблемы художественной формы социалистического реализма», ряд томов «Истории всемирной литературы», шеститомной «Истории многонациональной советской литературы», коллективный труд «К. Маркс и актуальные вопросы эстетики и литературоведения», книга А. С. Бушмина «Методологические вопросы литературоведческих исследований» и др.

В области исследования тюркских литератур завершена работа над «Очерками истории башкирской советской литературы», научным исследованием «Татарская литература периода развернутого строительства коммунизма», коллективным трудом «Очерки якутского устно-поэтического творчества», подготовлены к печати работы «Туркменский романтический эпос», «Узбекский героико-романтический эпос» и др.

Существенные критические замечания на собрании были сделаны по адресу фольклористики, переживающей в

настоящее время довольно трудный период. Завязавшиеся оживленные споры, касающиеся самого предмета фольклористики, показывают, что в этом вопросе нет достаточной ясности. Исключающие друг друга точки зрения тормозят развитие исследований в этой области. Все это обуславливает необходимость организации в ближайшее же время обсуждения основных проблем и путей развития советской фольклористики.

Большое внимание в истекшем году языковеды уделяли разработке таких теоретических проблем лингвистики, как формы существования и основные функции языка, специфика языка как семиотической системы, структурная организация языка, а также вопросы методики лингвистических исследований. Отмечалось расширение сферы исследований в разработке социолингвистической проблематики в изучении новых лингвистических объектов. Начаты поисковые работы по проблемам, находящимся на стыке социолингвистики и ряда других языковедческих дисциплин. Важным направлением в работе языковедов явилось изучение взаимоотношений языка, мышления и чувственно-психической деятельности человека. Активно изучался такой важный аспект лингвистической семиотики, как семантика. Завершена работа над монографией «О взаимоотношении языка и мышления» В. З. Панфиловым, опубликованы труды А. А. Леонтьева по психолингвистике и речевой деятельности, Г. П. Торсуева по проблемам теоретической фонетики и фонологии, а также коллективная работа «Системы и уровни языка».

В области социальной лингвистики интенсивно велись исследования по важным проблемам развития национальных литературных языков и их общественных функций, роли языка в развитии национальных отношений, языковых контактов, взаимосвязи языка и культуры, повышения языковой культуры трудящихся и др. Обобщающей работой по этой проблематике явилась подготовленная Институтом языкознания АН СССР последняя книга коллективного четырехтомного труда «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху» (руководитель Ю. Д. Дешериев). В ней исследованы общественные функции языков народов СССР, проанализированы вопросы функционального развития литературных языков в области начального, среднего и высшего образования, науки, культуры, общественно-политической жизни, периодической печати. Изданы уже первые два тома этого труда: I — иранские и кавказские языки, II — тюркские, финно-угорские и монгольские языки. Вышли из печати также сборники: «Вопросы социальной лингвистики», «Норма и социальная

дифференциация языка», монография И. К. Белодеда «Развитие языков социалистических наций СССР».

По этой же проблематике опубликован ряд работ по тюркским языкам: «Современный татарский литературный язык», «Вопросы туркменского языка» (П. А. Азимов), «Развитие современного уйгурского литературного языка» (А. Т. Каидаров). Проблемам языкового взаимодействия посвящена книга «Взаимодействие и взаимоотношение языков народов СССР». По культуре речи в Азербайджане издан первый выпуск сборника «Вопросы культуры речи».

По-прежнему в работе советских языковедов большое место занимает описание строя языков. В истекшем году интенсивно осуществлялось исследование грамматического строя и словарного состава ряда малоизученных бесписьменных языков, что имеет важное значение для решения многих теоретических вопросов общего языкознания. По тюркским языкам опубликована работа «Фонетика казахского языка», подготовлены к печати коллективный труд «Грамматика якутского языка. Ч. I. Фонетика и морфология», «Исследования по киргизскому языку», «Грамматика туркменского языка. Ч. I. Фонетика. Морфология», «Вопросы морфологии и синтаксиса туркменского языка» М. Хамзаева и др.

Среди работ по лингвистической компаративистике, в области типологического изучения языков, изучения истории языков, диалектологии, лексикографии в докладе отмечены такие труды по алтаистике, как «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков» и «Проблема общности алтайских языков», подготовленные алтаистами Института языкознания АН СССР.

В докладе названы также следующие опубликованные работы по тюркским языкам: «Введение в изучение тюркских языков» Н. А. Васкакова, сборник «Исследования по тюркологии» (Институт языкознания АН Казахской ССР), «Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы» Б. Ч. Чарырова; подготовленные к печати: «Язык письменных памятников уйгурского языка XI—XIII вв.» В. М. Насилова, тексты ряда памятников XIII—XIV вв. (Казань, Ташкент), последний (IV) том капитального исследования «Западная группа диалектов и говоров азербайджанского языка», посвященный диалекту, легшему в основу литературного азербайджанского языка. «Диалектологический словарь каракалпакского языка», изданные в истекшем году диалектологические словари казахского, татарского и башкирского языков. Сданы в печать двухтомный «Толковый словарь узбекского языка», Би-

блиографический словарь отечественных тюркологов дооктябрьского периода» А. Н. Кононова, монография А. А. Юлдашева «Принципы составления двуязычных словарей тюркских языков» и др. Большой научной ценностью представляет вышедший в свет в минувшем году «Древнетюркский словарь».

В настоящее время на повестке дня стоят исследования ряда лингвистических вопросов, которые предстоит решить в свете ленинских методологических принципов. К ним в первую очередь относится вопрос о знаковости языка. В его решении заинтересованы философы и литературоведы. Другой лингвистической проблемой, представляющей интерес и для литературоведов, является вопрос о стиле языка и художественной литературы, о чем много пишут как лингвисты, так и литературоведы. Однако в теоретическом плане еще недостаточно раскрыто, как соотносится стиль языка художественной литературы с ее литературным стилем, каковы в целом взаимодействия языковых и литературных стилей.

Дальнейшее усиление и расширение исследовательской деятельности по ряду важнейших направлений филологии требует решения таких задач, как оснащение лингвистических институтов современными техническими средствами, механизация и автоматизация лексикографической работы. В докладе была подчеркнута необходимость обеспечения более широкой координации работы лингвистов и историков, философов, искусствоведов, психологов, математиков.

В докладе К. П. Корсака была обстоятельно обрисована картина имеющихся достижений в области современной литуанистики — науки о языке, литературе и фольклоре литовского народа, центром которой стал Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР. Докладчик подчеркнул, что в Литве языкознание занимает ведущее место среди филологических дисциплин. Уже опубликовано 7 томов капитального многотомного (15—16 томов) «Словаря литовского языка». Подготовлена трехтомная «Грамматика литовского языка». В области литературоведения усилия ученых сосредоточены на двух главных направлениях: изучении литературного наследия и критическом освещении современного литературного процесса. Первое место среди крупных работ по литературе занимает четырехтомная академическая «История литовской литературы», в которой впервые на основе марксистско-ленинской методологии освещается историческое развитие литовской литературы со времени ее зарождения в XIV веке и до наших дней.

В докладе К. Х. Ханазарова были приведены данные, характеризующие деятельность Института языка и литературы АН Узбекской ССР (текст доклада приводится ниже).

В прениях по докладам на собрании выступили: И. К. Белодед (Киев), М. Ш. Ширалиев (Баку), А. Н. Кононов (Ленинград), московские ученые И. Неупокоева, В. И. Борков-

ский, Э. В. Севортян, Н. Кравцов, Ю. Д. Дешериев и другие.

В принятом постановлении общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР обратило внимание коллективов филологических институтов страны на необходимость уделять больше внимания библиографической работе, шире осуществлять специализацию молодых ученых.

* * *

ИЗ ДОКЛАДА ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. С. ПУШКИНА АН УЗБЕКСКОЙ ССР К. Х. ХАНАЗАРОВА «О ВАЖНЕЙШИХ РЕЗУЛЬТАТАХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ИНСТИТУТА»

Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина — старейшее научно-исследовательское учреждение Узбекистана, начало деятельности которого связано с первыми годами культурной революции в республике. Известно, что в тот период основные усилия советских органов были направлены на развертывание всеобщего, создание первых учебников и пособий по родному языку и литературе. В процессе этой работы выяснилось, что учебники и пособия по узбекскому языку, созданные путем механического перенесения на местную почву структуры, принципов, грамматических категорий и так далее существовавших пособий по арабскому, татарскому, азербайджанскому языкам не отвечали и не могли отвечать в полной мере всем требованиям, так как не отражали специфики узбекского языка. Жизнь со всей убедительностью показала, что языковедческая наука Узбекистана должна базироваться на специфике узбекского языка, как самостоятельного национального языка, учитывая все его особенности и самобытность. Не менее острой была проблема создания национального литературоведения. Все это обусловило необходимость создания в Узбекистане единого центра по изучению национального языка и литературы.

Основы такого центра и были заложены в 1929 г. созданием сектора языка и литературы при Узбекском научно-исследовательском институте культурного строительства. Официальной же датой создания института принято считать 1934 г., когда упомянутый сектор был преобразован в Институт языка и литературы при Комитете наук Узбекской ССР. В 1937 г. в связи со 100-летием со дня смерти А. С. Пушкина институту было присвоено имя этого великого русского поэта.

К 1944 г. Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина насчитывал в своем составе 21 научного сотрудника, в

том числе 2 кандидата наук, и состоял из 4-х секторов: современного узбекского языка, словарей, узбекской советской литературы, фольклора. А к 1 апреля 1970 г. в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР работало уже 212 чел., в том числе 137 научных сотрудников, среди которых 21 человек имеет ученую степень доктора, а 83 — кандидата филологических наук.

В институте функционирует 15 секторов, в том числе 8 языковедческих и 7 литературоведческих, а также лаборатория экспериментальной фонетики. К числу языковедческих относятся секторы: современного узбекского языка, словарей, истории и сравнительного изучения узбекского языка, диалектологии, историко-этимологических словарей, культуры речи, терминологии, экспериментального и структурного изучения узбекского языка (при секторе имеется и лаборатория); а к числу литературоведческих секторов — узбекской советской литературы, узбекской литературы дооктябрьского периода, теории литературы, литературных взаимосвязей, русской литературы Узбекистана, фольклора и, наконец, сектор теории перевода.

Профили созданных секторов отражают нужды и требования практики, кардинальные проблемы узбекской филологии. Институт сосредоточивает свои усилия на решении наиболее актуальных проблем, связанных с задачами коммунистического строительства в нашей стране, дальнейшего развития советской филологической науки.

В течение последних шести-семи лет, когда штаты института стабилизировались, он стал подготавливать ежегодно в среднем по 350 а. л. научной продукции. Из этого количества от 150 до 250 п. л. публикуется в виде монографий и сборников статей. Только за последние шесть лет общий объем изданий института превысил 1100 п. л.

В 50-е годы коллективом института были подготовлены и изданы: пятитомный и однотомный русско-узбекские и однотомный узбекско-русский словари, а в 60-е — двухтомный труд «Очерки узбекской советской литературы» и первый том трехтомной «Истории узбекской советской литературы». Кроме того, совместно с научными сотрудниками ИМЛИ им. М. Горького в 1970 г. была издана в Москве на русском языке однотомная «История узбекской советской литературы», удостоенная Республиканской премии им. Бируни. Вышли в свет также «Толковый словарь русско-интернациональных заимствований в узбекском языке» А. У. Усманова и Р. Д. Даниярова, «Староузбекский язык» в двух томах Э. И. Фазылова, «Андижанский говор узбекского языка» С. Ибрагимова, «Фонетика хорезмских говоров» Ф. А. Абдуллаева, «Сатира Навои» в двух книгах А. А. Абдугафурова, «Вспомогательный глагол в узбекском языке» А. Х. Хаджиева, «Проблема традиций и новаторства в узбекской советской литературе» М. Ю. Юнусова. Значительным вкладом в узбекское литературоведение являются работы «Мастерство писателя» и «Идейность и мастерство в творчестве Айбека» Х. И. Якубова, научно-критический текст «Хамсы» А. Навои, подготовленный П. Ш. Шамсиевым, «Очерки русской литературы Узбекистана» в двух томах (второй том находится в производстве), «Проза Гафура Гуляма» С. М. Мамаджанова.

Научная общественность республики с интересом встретила появление таких работ, как «Современный узбекский литературный язык» в двух томах, коллективный труд «Лексика узбекских говоров», монография «Говоры Верхней Кашкадарьи» и «Шахрисабзский говор узбекского языка» Б. Дж. Джураева, «Жизнь и творчество Лютфи» С. Э. Эркинова, «Язык и художественный перевод» Г. С. Салымова, «Из истории переводов в Узбекистане» Дж. Ш. Шарипова, «Ранняя лирика Навои» Я. И. Исакова, «Пути развития узбекского советского фольклора» Дж. К. Кабуллиязова, «Узбекские варианты дастана «Алпамыш» Т. М. Мирзаева, сборник «Навои и вопросы литературного влияния», «Стиль Абдуллы Каххара» М. С. Султановой, «Система «бармак» в узбекском языке» У. Т. Туйчиева, «Поэтическое мастерство Хамида Алимджана» Н. Ф. Каримова, «Узбекский роман» С. М. Мирвалеева, сборник «Узбекское народное творчество», «История развития глагольных форм в узбекском языке» Ш. Ш. Шукурова и др.

Институтом подготовлены и опубликованы «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгари и «Индекс» к этому Дивану, серия сборников по вопросам узбекского языкознания и литературоведения, ряд

коллективных работ и сборников по узбекской диалектологии. Большим событием в культурной жизни республики явилось издание институтом 15-томного собрания избранных сочинений Алишера Навои. Коллектив института принимает также участие в подготовке 10-томного собрания сочинений Алишера Навои на русском языке. Осуществляется издание лучших образцов узбекского устного народного творчества в 35 томах.

Институтом издается журнал «Узбекский язык и литература» на узбекском языке, объемом каждого номера в 6 п. л. и периодичностью шесть номеров в год. Журнал этот приобрел большую популярность в республике, его тираж превысил 13 тыс. экз.

В республике ежегодно 9 февраля — в день рождения Навои — проводятся традиционные научные сессии. В этом году на XIV традиционной сессии было прочитано 18 докладов о жизни и творчестве великого поэта.

В настоящее время коллектив института ведет исследования по 10 проблемам и 19 темам.

По проблеме «Закономерности развития советской литературы» подготавливается академическое издание собрания сочинений академика Айбека. Уже завершена работа над пятью томами. Ведется подготовка к изданию литературно-критических работ академика Гафура Гуляма. В области теории литературы научные исследования ведутся по темам: «Абдулла Каххар и реализм в узбекской литературе», «Роль народного языка в становлении узбекской реалистической прозы», «Социалистический реализм и литературное наследие» и др. По проблеме «Национальный характер в русской литературе Узбекистана» научно разрабатываются такие темы, как «Проблема национального характера в творчестве Бориса Лапина», «Среднеазиатский фольклор в творчестве П. Г. Скосырева», «Средняя Азия в поэзии Аделины Адалис», «Диалогия Л. Соловьева о Ходже Насреддине и литературно-фольклорные традиции», «Проблема национального характера в творчестве С. Маркова» и др.

Одним из важнейших объектов, на которых в настоящее время сконцентрировано наше внимание, является подготовка четырехтомной истории дореволюционной узбекской литературы. Эта тема уже исследовалась рядом авторов; опубликованные ими работы в основном рассчитаны на студентов вузов, нередко носят научно-популярный характер и, к сожалению, не всегда отвечают современным требованиям. К подготовке четырехтомника привлечены лучшие силы литературоведов республики. I-й том будет посвящен донавоинскому периоду, II-й том — Навои, его эпохе и литературной среде, III-й том — периоду по-

сле Навои вплоть до второй половины XVIII в., а IV том, состоящий из двух книг, охватит периоды со второй половины XVIII в. до Великой Октябрьской революции. Авторским коллективом четырехтомника проделана уже значительная работа. Завершение ее планируется на 1974 г.

По проблеме «Закономерности развития мирового литературного процесса» исследуются взаимосвязи узбекской советской литературы с литературами народов СССР. В 1969 г. завершена разработка таких тем, как «Горький и узбекская художественная проза», «Роль русской поэзии в развитии жанров узбекской поэзии», «Великий Октябрь и уйгурская литература», «Узбекско-таджикские литературные взаимосвязи на современном этапе».

По проблеме «Народное устно-поэтическое творчество» изучаются закономерности развития узбекского фольклора, готовятся очередные тома 35-томного собрания лучших образцов узбекского народного творчества.

По проблеме «Грамматический строй языка» институт с 1966 г. готовит капитальное двухтомное исследование «Научная грамматика узбекского языка» объемом 120 а. л. Работа ведется с большим напряжением, так как это исследование должно стать новой ступенью в научном осмыслении современного узбекского языка. В авторском варианте работа в основном будет завершена к концу 1970 г.

По проблеме «Лексикология и лексикография» усилия коллектива института сосредоточены на создании первого в истории узбекского народа «Толкового словаря узбекского языка». Словарь, в котором будет дано толкование 60 тыс. слов, планируется выпустить в двух томах, общим объемом 250 а. л. Уже завершена работа над I-м томом и большей частью II-го тома. Работа над ним будет полностью завершена в 1972 г., а выход в свет обоих томов ожидается в 1974 г. в издательстве «Советская энциклопедия».

Еще одной важной темой по той же проблеме является «Орфографический словарь узбекского языка» на 70 тыс. слов. Ранее изданные словари такого рода включали не более 8—12 тыс. слов. Начата также работа над словарем Алишера Навои.

С 1969 г. в институте ведутся работы по исследованию фонетики узбекского языка на основе экспериментальных данных, по исторической грамматике узбекского языка, по староузбекскому языку, а также по публикации древних письменных памятников тюркоязычных народов Средней Азии. Завершена подготовка текста, написан грамматический очерк

и составлен словарь древнетюркского памятника XIV в. «Гулистан би-т-турки». Подготавливаются диалектологические атласы узбекского языка, монографические исследования по диалектам и говорам узбекского языка, ведется изучение отдельных сторон сравнительной грамматики тюркских языков на материалах тюркоязычных народов Средней Азии. Группа языковедов института занимается вопросами исторической и современной терминологии.

Обязательство, взятое коллективом института в связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, выполнено досрочно. Досрочно сданы в печать монография по староузбекскому языку и сборник статей, посвященный В. И. Ленину.

В 1969 г. подготовлены к печати монография «Поэма Навои «Лейли и Меджнун» Т. А. Ахмедова, второй том двухтомника «Сатира Навои» А. А. Абдугафурова, диалектологический словарь узбекского языка, «Хибатул хаккайик», «Югнаки» К. М. Махмудова, «Мастерство Айни» Н. Р. Рахимова, «Социалистический реализм и литературное наследие» И. А. Султанова, «Староузбекский язык» Э. И. Фазылова, «Недостаточный глагол в узбекском языке» А. Х. Хаджиева, «Творческий метод Алишера Навои и литературы Востока X—XV вв.» А. Х. Ханитова, «Дастан «Фархад и Ширин» Навои и взаимовлияние восточных литератур» С. Э. Эркинова и другие, общим объемом свыше 200 изд. л.

Ученый совет института рассматривает кандидатские диссертации по узбекской и каракалпакской филологии. Институт подготовлено 6 докторов и свыше 20 кандидатов наук.

Институт оказывает также помощь в подготовке высококвалифицированных кадров филологов для республики, а также для соседних республик Средней Азии и Казахстана. Только за последние шесть лет институт подготовил для Каракалпакии свыше 30, а для областных институтов Узбекистана около 20 кандидатов наук.

Институт поддерживает постоянные творческие контакты с научно-исследовательскими учреждениями и отдельными учеными Москвы, Ленинграда, Киева, Баку; с таджикскими, казахскими и татарскими коллегами, рука об руку работает с каракалпакскими филологами.

Узбекские филологи искренне признательны всем коллегам из других городов и республик страны за их помощь, советы и консультации, за поддержку всех начинаний и усилий в разработке вопросов узбекской филологии, подготовке кадров, определении важнейших направлений филологических исследований.

Филологи Академии наук Узбекистана намерены и дальше расширять и укреплять научные связи с учеными Москвы, Ленинграда и братских союзных республик. В частности, в этом году намечается командировка ряда сотрудников института в прибалтийские республики для изучения опыта составления развернутых систем карточек и каталогов по терминологии, фольклору и лексикографии.

* * *

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» АКАДЕМИКА АН АЗЕРБ. ССР М. Ш. ШИРАЛИЕВА

Решение об издании всесоюзного научно-теоретического журнала «Советская тюркология» — совместного органа Академии наук СССР и Академии наук Азерб. ССР — стало знаменательным событием в жизни нашей научной общности. Можно без преувеличения сказать, что с учреждением этого печатного органа тюркология в нашей стране, имеющая давние и славные традиции, вступает в новый этап своего развития.

Русская тюркология издавна была одной из ведущих в мире. Имена ее выдающихся представителей занимают почетное место в истории этой науки. Немалый вклад в развитие тюркологии внесли и ученые тюркоязычных народов нашей страны. Но только в советское время эта область знаний начала развиваться широким фронтом, планомерно и систематически. В стране возникли новые тюркологические центры. Дальнейшее развитие тюркологии требовало улучшения дела координации и объединения усилий ученых. Эту задачу можно было успешно разрешить лишь посредством издания специального периодического научно-теоретического органа. Именно таким органом и должен стать журнал «Советская тюркология».

Этот журнал призван сыграть и, несомненно, сыграет важную роль в деле объединения творческих усилий тюркологов нашей страны и координации их деятельности. Он будет стимулировать создание новых исследований в области тюркологии, способствовать оперативной взаимной научной информации ученых, освещать на своих страницах все важные с точки зрения тюркологии события в нашей стране и за ее пределами.

Сообщение об издании журнала встретило горячее одобрение и за пределами нашей страны. Многие видные зарубежные ученые прислали в адрес редакции свои поздравления и добрые пожелания в связи с этим событием.

Институту удалось преодолеть свой недостаток — мелкотемье и сконцентрировать свои усилия на разрешении крупных и важных научных проблем и вопросов.

Достиженные коллективом института успехи ко многому обязывают. Институт стоит перед решением новых, еще более значительных задач и проблем в области узбекского языкознания. Для этого он располагает всеми необходимыми условиями и возможностями.

Вполне оправданным, на наш взгляд, было решение об издании журнала в городе Баку. Один из крупнейших промышленных и культурных центров страны — интернациональный Баку, уже с первых лет Советской власти стал общепризнанным тюркологическим центром Союза. Именно здесь на заре Советской власти проходил I-й тюркологический съезд, здесь же в дальнейшем проводились многие тюркологические конференции, совещания и т. п. К тому же тюркология в Азербайджане за последние годы достигла заметных успехов. В республике выросли кадры молодых талантливых тюркологов, которые плечом к плечу с учеными старшего поколения ведут плодотворные научные исследования.

Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство нашей республики создали все необходимые условия для успешной работы редакции: выделены соответствующие штаты, дано указание об обеспечении журнала высококачественной бумагой, печатание журнала поручено крупнейшему издательству республики «Коммунист» и т. д. Принимаются меры к дальнейшему укреплению материально-технической базы журнала.

Вместе с тем подготовка первых двух номеров выявила ряд трудностей, возникших на пути коллектива редакции.

Прежде всего следует отметить, что портфель редакции не столь богат, особенно литературоведческими статьями, как того хотелось бы. Причину этого редакция усматривает прежде всего в том, что литературоведы имеют по сравнению с языковедами более широкие возможности для публикации своих работ в различных печатных органах, с которыми нашему безгонорарному журналу трудно конкурировать. Однако, как нам кажется, выступление на страницах нашего молодого журнала является делом чести и долгом каждого тюрколога.

Известные трудности для работы редакции создает и недостаточная оснащенность местных типографий соответствующими шрифтами и знаками. В настоящее время принимаются меры к тому, чтобы обеспечить журнал необходимым латинским и греческим шрифтами для набора текста транскрипций, различными диакритическими знаками, а также орхонским, уйгурским, турецким, арабским и другими шрифтами.

Имеются у редакции претензии и к некоторым авторам. В разосланном нами проспекте указывалось, что статьи в «Советскую тюркологию» должны представляться в двух экземплярах, отредактированными, снабженными двумя рецензиями и рекомендацией ученого совета научного учреждения или кафедры вуза и что примеры в тексте должны приводиться в принятой редакцией латинской транскрипции. Однако не все авторы придерживаются этих правил, присылая неряшливо оформленные, литературно и стилистически не обработанные статьи. Последнее обстоятельство при подготовке к печати и литературной обработке статей часто ставит редакцию, не имеющую возможности консультироваться с иногородними авторами, в затруднительное положение.

Не вполне удовлетворяет редакцию и состояние раздела информации и хроники. Хотелось бы, чтобы этот раздел отражал все, сколько-нибудь важные, представляющие интерес для тюркологов, события в научной и культурной жизни нашей страны и за ее пределами. Сюда относятся сообщения о проводя-

щихся научных сессиях, конференциях, симпозиумах, совещаниях в области тюркологии, о защитах докторских диссертаций тюркологического профиля по языкознанию и литературоведению, о новых изданиях, интересных открытиях и находках и т. д. Однако эти сведения к нам поступают от случая к случаю. Для своевременного и регулярного получения этой информации, на наш взгляд, было бы весьма целесообразным возложить в тюркологических учреждениях обязанности по постоянному информированию журнала обо всем его интересующем на специально для этого выделенных лиц. Расширение раздела информации будет, несомненно, способствовать также и росту читательского интереса к журналу, а следовательно, и его распространению.

Редакция журнала была бы весьма признательна также за своевременно присылаемые рецензии на новоизданные работы в области тюркологии, дающие объективную оценку достоинствам и недостаткам последних, раскрывающие их значение для науки.

Члены редакционной коллегии и коллектив редакции «Советская тюркология» в полной мере осознают всю важность и ответственность возложенных на них задач и приложат все силы, чтобы, опираясь на помощь Академии наук СССР, Академии наук Азерб. ССР и поддержку всех тюркологов страны, с честью преодолеть все трудности организационного периода и наладить издание журнала, достойного его высокого названия.

НАУЧНО-ТВОРЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВАМ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Большой интерес среди филологов и всех почитателей народной словесности Казахстана вызвала научно-творческая конференция с участием ученых-фольклористов, народных акынов и других творцов и хранителей казахского фольклора, которая была проведена Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР 27—30 октября 1969 г. в связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина и 50-летием республики.

На конференции были рассмотрены некоторые проблемные вопросы развития казахского советского фольклора и намечены меры по его дальнейшему обогащению и изучению.

Участники конференции заслушали свыше 20 докладов и сообщений. В основных докладах «Казахская народная поэзия за 50 лет» (проф. М. Габдуллин), «Взаимосвязь фольклора и литературы» (проф. М. Каратаев) получили освещение полувековая история казахской советской народной поэзии, вопросы связи современного фольклора с литературой.

Доклад проф. Н. С. Смирновой был посвящен сравнительному анализу алтайской и казахской версий эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», формированию и развитию каждой из этих версий.

У казахов «Козы-Корпеш» как социально-бытовой эпос оформился в XV—XVII вв. в период миграции казахов Семиречья на Аягуз. Сравнение эпоса с его древним изводом показывает, что эпос больше связан с действительностью, что основной идеей в нем становится объединение территорий и населяющих их родов, что в эпосе по-новому раскрываются семейные и родовые отношения, иначе интерпретируются древние конфликты, обновлена тематика, осложнен сюжет. Дальнейшее развитие эпоса приводит в XIX в. к его

сближению с касса и дастанами, и он оказывается таким образом на грани между фольклором и литературой.

У алтайцев же эпос о Козын-Эркеше возник из древней богатырской песни-сказки. В XVIII—XIX вв. на Алтай через барабинских татар и телеутов проникает казахская версия эпоса, получившая название «Козюйке и Баян». Таким образом, у алтайцев существуют две версии этого эпоса: самобытная — «Козын-Эркеш» и заимствованная — «Козюйке и Баян». Первая из них, в отличие от второй, во многом сохраняет особенности древней песни-сказки, что, вообще, характерно для алтайского эпоса.

Темой доклада проф. Б. Г. Ерзаковича были национальные и интернациональные истоки революционных песен казахского народа. Зарождение казахской рабочей и народной революционной песни относится к началу XX в., т. е. ко времени усиления революционного движения как в центральной России, так и на ее национальных окраинах. Докладчик подробно остановился на истории зарождения и развития казахской революционной песни, на ее многообразных национальных и интернациональных мелодических истоках, предложил ее классификацию в зависимости от источника и характера музыкальной основы.

О проделанной в республике за 50 лет работе по сбору и изучению казахского фольклора рассказала в своем выступлении канд. филол. наук О. Нурмагамбетова. Приведенные в ее сообщении материалы показали, что казахская фольклористика стала подлинной наукой лишь после победы Советской власти в Казахстане.

«Казахские народные песни и их носители» — так назвал свое сообщение канд. филол. наук Б. Уахатов. Отме-

тив малоизученность этого жанра казахского фольклора, докладчик рассказал об исследованиях жанрового состава народной песни, ее функциональных и тематических особенностях. Народные песни казахов синкретичны по жанру. Это и обрядовая, и семейно-бытовая, и охотничье-пастушеская поэзия. Разнообразны и функции народной песни: она то сопровождает обряды, то наставляет и поучает, то просто выражает душевное состояние людей. Говоря об основных носителях казахской песни, Б. Уахатов особо выделил акынов-импровизаторов и оленши (песенников), выступающих одновременно и в качестве поэтов-импровизаторов, и композиторов-исполнителей.

Доклад канд. филол. наук Т. Сыдыкова был посвящен развитию жанра поэмы в творчестве современных казахских акынов. На базе лучших традиций как фольклора, так и письменной поэзии казахский героический эпос сложился в наши дни в особый жанр устной народной поэзии — эпическую поэму. Характерным для поэмы является разнообразие тематики и содержания, своеобразный сюжет и композиция, самообытный стиль и поэтика. Эта поэма близка к письменной литературе, ибо в ней наряду с фольклорными используются изобразительно-художественные средства письменной литературы.

Героической тематике в народных песнях периода Великой Отечественной войны посвятил свое выступление канд. филол. наук К. Сейдаханов. Говоря

о небывалой массовости поэтического народного творчества того периода, К. Сейдаханов отметил большой лиризм и историзм фольклорных произведений военного времени.

Два научных сообщения были посвящены лениниане в казахском фольклоре: «Образ В. И. Ленина в творчестве народных акынов» (канд. филол. наук Б. Адамбаев) и «Образ В. И. Ленина в казахском музыкальном фольклоре» (канд. искусствоведения М. Ахметова).

С научными сообщениями и речами на конференции выступили гости из братских республик, а также ученые Казахстана: акад. А. Нусупбеков (г. Алма-Ата), доктора филол. наук К. Максеев, Н. Сагитов, К. Аимбетов (г. Нукус), кандидаты филол. наук Ж. Ташмуратов, Б. Кебекова (г. Фрунзе), С. Каташ (г. Горно-Алтайск), К. Бейшенбаев (г. Пржевальск), А. Тажибаяв, С. Садырбаев (г. Алма-Ата) и др.

На конференции состоялись выступления более 30-ти творцов и носителей казахского фольклора — акынов, жырау-сказителей, певцов, кюйши, собирателей фольклора. Эта часть конференции убедительно показала, что казахский советский фольклор, продолжая лучшие традиции устно-поэтического творчества казахского народа, живет и развивается, вдохновенно воспевая советскую действительность.

Б. Уахатов, С. Каскабасов

НАУЧНАЯ СЕССИЯ «ЛЕНИН И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

18 февраля с. г. в Институте языкознания АН Азербайджанской ССР состоялась научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, на тему: «В. И. Ленин и вопросы языкознания».

На сессии были заслушаны доклады по актуальным вопросам современного азербайджанского языкознания в свете основополагающих идей В. И. Ленина.

Сессию открыл директор Института языкознания академик АН Азербайджанской ССР, профессор М. Ш. Ширалиев.

В. И. Ленин, сказал он, был не только выдающимся общественным и политическим деятелем, но и величайшим ученым-философом, в трудах которого нашли свое отражение основные гносеологические вопросы естественных и общественных наук, в том числе и вопросы теории языка как важнейшего средства человеческого общения. В Сочинениях В. И. Ленина содержатся ценные высказывания о социальной природе языка, о диалектическом единстве языка и мышления, об объективных и субъективных факторах в языке, соотношении содержания и формы языкового мышления, а также по вопросам формирования и развития национальных языков, культуры речи и др.

Д-р филол. наук М. И. Адилев посетил свой доклад проблеме перевода Сочинений В. И. Ленина на азербайджанский язык и перспективам дальнейшего развития азербайджанского литературного языка. Он отметил, что великие идеи В. И. Ленина, богатая лексика и фразеология, тончайшие стилистические нюансы его произведений, будучи переведенными на азербайджанский язык, обогатили его общественно-политическую и философскую терминологию. Десятки слов и выражений, характерных для ленинского стиля, прочно вошли в азербайджанский литературный язык. В Советском Азербайджане

развитие языка печати, политической публицистики и пропаганды неразрывно связано с ленинским творческим наследием.

Канд. филол. наук М. Б. Мамедов в своем докладе «В. И. Ленин и язык печати» остановился на публицистической деятельности Ильича — основоположника большевистской печати. Он особо подчеркнул высокую требовательность В. И. Ленина к языку печати, который, по его мнению, должен быть простым, ясным, доходчивым, живым, точным, убедительным, эмоционально действенным и выразительным. В. И. Ленин призывал к овладению мастерством писать для трудящихся без усложненных слов и напыщенных фраз. Докладчик привел слова сотрудничавших с В. И. Лениным работников печати, свидетельствующие о том, с каким исключительным вниманием относился руководитель первого в мире социалистического государства к языку печати, к выбору названий газет и журналов, заголовков статей, к умелому употреблению заимствованных и сложносокращенных слов, к стилю корреспонденций и т. д.

Канд. филол. наук Т. А. Эфендиева, выступившая с докладом «В. И. Ленин и национальные языки», подчеркнула, что проблема языка является составной частью марксистско-ленинской национальной политики, основные положения которой, сформулированные В. И. Лениным, вошли в Программу КПСС. Говоря о национальных языках и значении их развития для строительства социализма, В. И. Ленин указывал, что при решении национального вопроса следует исходить из принципа равноправия языков, недопустимости предоставления каких бы то ни было привилегий тому или иному из них. В нашей стране за годы Советской власти в результате торжества ленинской национальной политики проходил двуединый процесс: с одной стороны, имело место

взаимовлияние и взаимообогащение языков в области лексики, фразеологии, терминов творчества, а с другой — все больше расширялись общественные функции национальных языков. В докладе были рассмотрены также вопросы дальнейшего совершенствования азербайджанского алфавита, развития словарного состава и грамматического строя современного азербайджанского языка, составления двуязычных и терминологических словарей и др.

Доклад канд. филол. наук Б. Т. Абдуллаева был посвящен некоторым проблемам создания толкового словаря в свете высказываний В. И. Ленина. Докладчик отметил, что, проявляя большой интерес к лексикографии, В. И. Ленин

в своих письмах к А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому и другим не раз возвращался к вопросам состояния и перспективам развития словарного дела в стране. Даже в самые трудные для молодого Советского государства годы он настоятельно рекомендовал приступить к созданию толкового словаря современного литературного русского языка, который вобрал бы в себя все лексическое богатство произведений русских классиков со времен А. С. Пушкина. В докладе получило освещение также отношение В. И. Ленина к принципам и задачам составления такого толкового словаря.

А. К. Алекперов

КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ТАТАРСКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

27—29 апреля с. г. в Казани по инициативе и при участии представителей Отделения литературы и языка Академии наук СССР состоялось совместное совещание секторов языка Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии наук СССР и Института языка, литературы и истории Башкирского филиала Академии наук СССР, посвященное координации научно-исследовательской деятельности обоих секторов в области татарского и башкирского языкознания.

Участники совещания обменялись опытом работы, информацией о состоянии и результатах проводимых исследований.

Сектор языка казанского Института языка, литературы и истории АН СССР—это ведущий научно-исследовательский центр Татарской Автономной Республики, способный решать актуальные задачи татарского языкознания. Особенно плодотворна деятельность сотрудников сектора в области диалектологии и лексикографии.

В 1969 г. издан полный диалектологический словарь татарского языка, завершается сбор материалов для диалектологического атласа этого языка. Ближится к концу монографическое изучение татарских говоров и диалектов. Создан 4-томный полный академический «Русско-татарский словарь» и большой «Татарско-русский словарь». На базе уникальной словарной картотеки, насчитывающей более трех миллионов карточек, завершена работа над толковым словарем татарского языка объемом более 300 а. л.

За последнее время оживилось изучение истории татарского языка, подготовлен к печати научно-критический текст «Кыссаи-Юсуф» Али, исследуются кыпчакские памятники, записанные армянским шрифтом, начато изучение татаро-чувакских языковых связей.

Заметные успехи достигнуты в области изучения грамматики и стилистики современного татарского языка, повышения культуры речи. Успешно готовятся кадры высококвалифицированных научных работников.

Ведущим лингвистическим научным центром Башкирии стал сектор языка Института языка, литературы и истории Башкирского филиала Академии наук СССР. Этот сектор добился значительных успехов в области монографического изучения и первичного описания диалектов. Сотрудниками сектора составлен первый полный двухтомный диалектологический словарь башкирского языка, выпущены в свет два диалектологических сборника, завершается раздельное описание восточного и южного диалектов, лежащих в основу современного башкирского литературного языка.

Еще более интенсивная работа ведется в области лексикографии. Вслед за первым «Башкирско-русским словарем» вышел в свет большой «Русско-башкирский словарь», специальные словари омонимов и синонимов башкирского языка и др. Ширится работа по составлению первого толкового словаря этого языка.

Как отмечалось на совещании, общая направленность деятельности обоих секторов, а также близость изучаемых ими языков обусловили необходимость координации их научно-исследовательских работ. Обсудив данный вопрос, участники совещания наметили ряд предварительных мероприятий в этой области. В частности, решено силами диалектологов обоих секторов приступить к изучению татарского и башкирского говоров западных районов Башкирской АССР и близлежащих областей.

Татарские диалектологи выразили готовность принять участие в подготовке и обсуждении программы «Диалекто-

гического атласа башкирского языка». В перспективе намечается совместная работа по составлению общего диалектологического атласа татарского и башкирского языков.

Участники совещания договорились также периодически обмениваться опытом работы в области составления словарей, организовывать взаимное рецензирование отдельных трудов и диссертаций, наладить регулярный обмен научной литературой.

В целях оживления контактов между татарскими и башкирскими языковедами сочтено целесообразным в дальнейшем по возможности согласовывать тематику и планы проводимых исследований, постепенно переходить к разработке объединенными усилиями тем, связанных с комплексным изучением тюркских языков Поволжья.

Э. Р. Тенишев, А. А. Юлдашев

СЕРГЕЙ ЕФИМОВИЧ МАЛОВ

(1880—1957)

(К 90-летию со дня рождения)

23 января с. г. состоялось расширенное заседание Тюрко-монгольского кабинета Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, посвященное 90-летию со дня рождения одного из крупнейших представителей русской и советской тюркологии С. Е. Малова. В заседании приняли участие сотрудники Ленинградских отделений Института народов Азии и Института языкознания АН СССР, а также преподаватели восточного факультета Ленинградского государственного университета.

Открывший заседание чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононов рассказал о жизненном пути и научных заслугах

С. Е. Малова. Он подчеркнул, что С. Е. Малов был крупным знатоком тюркских языков, неутомимым исследователем памятников древнетюркской письменности, заложившим прочные основы этой области тюркологии, талантливым педагогом.

Разностороннюю научную деятельность и выдающиеся достоинства С. Е. Малова как исследователя охарактеризовал в своем выступлении его ученик, сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР А. М. Щербак. Он рассказал о первой научной экспедиции С. Е. Малова — поездке к мишарям Чистопольского и Свияжского уездов, о его командировке в Западный и Центральный Китай, где он собрал обширный материал по языку, фольклору и этнографии желтых уйгуров, уйгуров-хамы и лобнорцев, и в частности обнаружил уникальную рукопись буддийской сутры «Золотой блеск», о научных поездках в Среднюю Азию, Минусинск, Алма-Ату и др. А. М. Щербак остановился на работах С. Е. Малова, посвященных описанию живых тюркских языков и исследованию древнейших рунических, уйгурских, сиронесторианских, арабграфичных памятников, отметил большую роль С. Е. Малова в подготовке «Древнетюркского словаря» (Л., 1969). Докладчик подчеркнул, что для С. Е. Малова было характерно редкое сочетание огромного стремления непрерывно накапливать материалы с осторожным и исключительно трезвым осмыслением собранных фактов. И эти его качества во многом способствовали успешному разрешению им таких сложных проблем, как связь древних и современных тюркских языков, этногенез татар и чувашей. Вместе с тем он не отрицал и положительную роль научных гипотез. Им, например, было высказано весьма интересное предположение о том, что лобнорский язык — продолжение языка древних кыргызов.

Сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР Д. М. Насилов рассказал о сотрудничестве С. Е. Малова и В. В. Радлова в исследовании древнейших тюркских письменных памятников и малоизученных в то время тюркских языков Восточного Туркестана. В. В. Радлов оказал решающее влияние на формирование научных интересов С. Е. Малова, был его учителем и наставником со студенческих лет. При содействии В. В. Радлова, бывшего тогда председателем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях, С. Е. Малов в 1908 г. был командирован в Томскую губернию для изучения языка шорцев, в 1909 г. он стал сотрудником Музея антропологии и этно-

графии. В 1909--1911 и 1913--1915 гг. он совершил поездки в Центральную Азию и Западный Китай. Научное сотрудничество этих двух крупных тюркологов продолжалось почти десятилетие. Все созданное ими в те годы вошло в золотой фонд советской тюркологии. Традициям своей совместной работы с В. В. Радловым С. Е. Малов оставался верен в течение всей своей жизни.

На заседании было заслушано также сообщение Л. Я. Медведевой о личном архиве С. Е. Малова, хранящемся в фондах Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, о характере этих материалов и проводящейся в настоящее время работе по их изучению.

В. Г. Гузев

ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ЕГОРОВ

(К 90-летию со дня рождения)

В. Г. Егоров родился 11 февраля 1880 г. в семье чувашского крестьянина¹. В Петербургский университет он получил возможность поступить лишь после окончания семинарии и духовной академии. Василий Георгиевич учился у замечательных русских языковедов А. А. Шахматова и И. А. Бодуэна де Куртене.

Свой путь исследователя он начал как историк-славист. Его труд «Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV—XVII вв.»² — одно из значительных исследований в этой области. В двадцатые годы появляется первая тюркологическая работа В. Г. Егорова под названием «Закон гармонии гласных в чувашском языке»³. С этого же периода начинается его педагогическая деятельность.

Педагогическая работа В. Г. Егорова, которую он ведет и в настоящее время в качестве профессора-консультанта Чувашского государственного университета, заслуживает того, чтобы быть рассмотренной специально. Его роль в подготовке чувашских ученых-языковедов, учителей и других деятелей просвещения и культуры Чувашии трудно переоценить. Но преподавательская работа — лишь одна сторона его деятельности.

В 1930 г. в Москве была опубликована работа В. Г. Егорова «Введение в изучение чувашского языка». Эта книга представляется нам этапной в истории чувашского языкознания, так как она не только подытожила главное из того, что было сделано предшественниками В. Г. Егорова в этой области, но и определила основные направления научных изысканий самого автора и его многочисленных учеников на много лет вперед. Некоторые темы, намеченные во «Введении», еще ждут своего исследователя. «Введение» В. Г. Егорова вместе с аннотированным «Библиографическим указателем литературы по чувашскому языкознанию» — незаменимое пособие для каждого, кто занимается чувашским языкознанием.

В книге рассматривается отношение чувашского языка к другим алтайским языкам, главным образом тюркским.

¹ См.: И. А. Андреев. Профессор В. Г. Егоров. — «Ученые записки НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXI, Чебоксары, 1962, стр. 371—377. Старейший чувашский ученый. — Там же, вып. XXVIII, 1965, стр. 5—11.

² См.: «Филологические записки», вып. II—III, Воронеж, 1916, стр. 189—236; вып. IV—V, стр. 474—523.

³ См.: «Научно-педагогический сборник Восточно-педагогического института», вып. IV, Казань, 1928, стр. 33—63.

анализируются теории об этногенезе чувашской и происхождении их языка, затрагиваются основные проблемы чувашского исторического языкознания.

Новый материал для решения этих проблем собирался и обрабатывался В. Г. Егоровым в течение многих лет и в значительной части был представлен в его докторской диссертации «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении», которая полностью пока не опубликована.

Одна из глав работы, названная «Лексический строй чувашского языка», явилась как бы краткой программой будущего «Этимологического словаря чувашского языка», и представляет собой один из первых опытов подобного рода исследований в советском тюркском языкознании.

В своей работе В. Г. Егоров положил начало разработке такой важной темы, как заимствования в чувашском языке, показал значение этой проблемы для разрешения многих вопросов истории этого языка. Если русские, арабские и иранские заимствования уже стали предметом изучения чувашских языковедов⁴, то тюркские и угро-финские заимствования в чувашском языке до сих пор еще не изучены.

Большое внимание в исследовании уделено автором характеристике диалектов и говоров чувашского языка, что имеет важное значение для воссоздания истории чувашского языка.

В. Г. Егоров привлек внимание исследователей к таким проблемам, как чувашские заимствования в финно-угорских и церковнославянском языках, русском языке и его диалектах, а также в татарском языке. В. Г. Егоров указал на ряд старочувашских слов, сохранившихся лишь в финно-угорских языках и пока не обнаруженных в чувашском, а возможно и вовсе утраченных им.

В работе дается краткий очерк истории чувашского языкознания, излагается история создания чувашской письменности и изучения чувашского языка, анализируются первые чувашские слова-

ри и грамматики как памятники языка и т. д. Эти темы успешно разрабатывались автором и в последующие годы⁵. Перу В. Г. Егорова принадлежит статья о чувашских словарях XVIII в.⁶, очерк о жизни и деятельности замечательного тюрколога Н. И. Ашмарина⁷.

Помимо истории языка В. Г. Егоров занимался и другими разделами чувашского языкознания: им написаны важные главы морфологии чувашского языка⁸, составлены чувашско-русский⁹ и русско-чувашский¹⁰ словари, он принимал участие в разработке многих вопросов прикладного языкознания¹¹.

В. Г. Егорову, присущи большая скромность, доброжелательность к людям, неистощимое трудолюбие. Трудовая жизнь профессора В. Г. Егорова — прекрасный образец для подражания научной молодежи.

Л. С. Левитская

⁵ Роль И. А. Яковлева в создании чувашского алфавита и чувашской письменности. — «Ученые записки НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР», вып. III, Чебоксары, 1949, стр. 63—80; Значение Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина в деле изучения и научной разработки чувашского языка. — Там же, вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 258—267; Деятельность Н. И. Золотницкого по исследованию чувашского языка. — Там же, вып. XV, Чебоксары, 1957, стр. 82—102; Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. — «Тюркологический сборник», М.—Л., 1951, стр. 85—92.

⁶ Чувашские словари XVIII века. — «Ученые записки НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР», вып. II, Чебоксары, 1949, стр. 111—142.

⁷ Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка. Чебоксары, 1948.

⁸ См.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, ч. I. Чебоксары, 1957.

⁹ Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1935 (первое издание), 1954 (второе исправленное и дополненное издание).

¹⁰ Русско-чувашский словарь. Чебоксары, 1960.

¹¹ В. Г. Егоров — автор нескольких школьных учебников, составитель учебных программ по ряду языковедческих дисциплин.

⁴ См.: А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963; М. Р. Федотов. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке. — «Ученые записки НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXVI, Чебоксары, 1963, стр. 89—124; М. И. Скворцов. Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику. — Там же, вып. XXXIX, Чебоксары, 1968, стр. 139—155.

АБДУЛАЗАЛ МАМЕД-ОГЛЫ ДЕМИРЧИЗАДЕ

(К 60-летию со дня рождения)

11 февраля 1970 г. научная общественность Азербайджана отметила 60-летие со дня рождения и 42-летие научно-педагогической деятельности члена-корреспондента Академии наук Азербайджанской ССР, доктора филологических наук, профессора Абдулазала Мамед-оглы Демирчизаде.

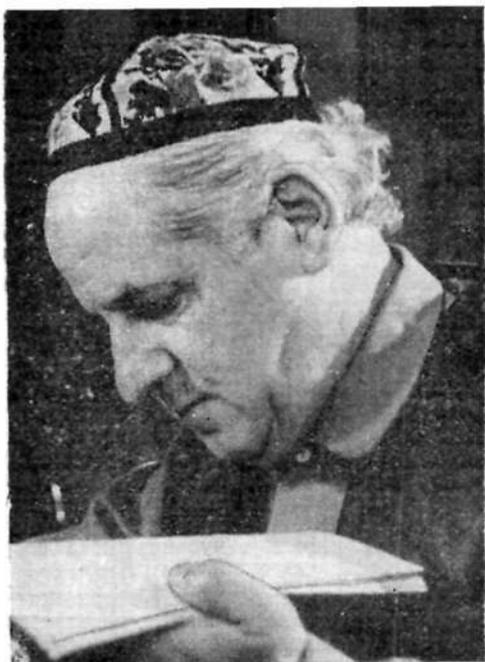
Видный представитель азербайджанской советской тюркологии А. М. Демирчизаде родился в 1909 г. в городе Шеки в семье кузнеца. После окончания педагогического факультета Азербайджанского государственного университета он учится в аспирантуре Азербайджанского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

Первая работа А. М. Демирчизаде «Тюркский язык» вышла в свет в 1936 г. Спустя два года он опубликовал книгу «Очерки по истории азербайджанского литературного языка». В 1940 г. ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

В 1944 г. за капитальный труд «История азербайджанского языка» А. М. Демирчизаде получает ученую степень доктора филологических наук. Эта работа была отмечена выдающимися советскими учеными — академиками И. И. Мещаниновым, В. Струве и др.

С 1939 г. А. М. Демирчизаде ведет большую научно-исследовательскую работу в Академии наук Азербайджанской ССР, членом-корреспондентом которой он избирается в 1955 году.

Творчество А. М. Демирчизаде многогранно и разносторонне. Такие его труды, как «История азербайджанского литературного языка» (1938), «История азербайджанского языка» (1947), «Пути развития азербайджанского литературного языка» (1958), «История азербайджанского литературного языка» (1967), «Историческая грамматика азербайджанского языка» (1967), «Исследования по

азербайджанскому языку» (1947) (раздел фонетики), «Грамматика азербайджанского языка» (1951) (раздел фонетики), «Фонетика современного азербайджанского языка» (1960), «Основы орфоэпии азербайджанского языка» (1969), «Стилистика азербайджанского языка» (1962), «Язык дастанов «Китаби Деде-Коркуд» (1960), «50 слов» (1963) и другие сыграли значительную роль в формировании азербайджанского языкознания, особенно в изучении истории азербайджанского языка, его фонетики, орфоэпии, стилистики, этимологии, яви-

лись ценным вкладом в советскую тюркологию.

Многогранную научную деятельность А. М. Демирчизаде сочетает с педагогической работой, с подготовкой высококвалифицированных научных кадров: докторов и кандидатов наук. Он — автор многих работ по вопросам преподавания азербайджанского языка, в том числе учебников «Тюркский язык» (1936), «Грамматика» (1938), «Азербайджанский язык» (1941) (для школы глухонемых детей), «Азербайджанский язык»

(1947), неоднократно переиздаваемых программ курсов: «Современный азербайджанский язык», «История азербайджанского литературного языка», «История грамматики азербайджанского языка» для высших школ, десятков научно-методических статей.

В настоящее время А. М. Демирчизаде возглавляет кафедру азербайджанского языка при Азербайджанском педагогическом институте им. В. И. Ленина, ведет научные исследования в области истории азербайджанского языка.

Н. Г. Наджафов

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАСКАКОВ

(К 65-летию со дня рождения)

22 марта с. г. исполнилось 65 лет со дня рождения и 40 лет научной деятельности заслуженного деятеля науки РСФСР, Казахской ССР, Туркменской ССР и Каракалпакской АССР, члена-корреспондента Финно-Угорского общества (Финляндия), почетного члена Урало-Алтайского общества (ФРГ), доктора филологических наук, профессора Николая Александровича Баскакова.

Н. А. Баскаков родился в 1905 г. в г. Сольвычегодске Архангельской области. После окончания в 1930 г. Москов-

ского университета он получает основательную и всестороннюю тюркологическую подготовку под руководством выдающихся востоковедов — академиков В. В. Бартольда, В. А. Гордлевского и др.

В 1931—1937 гг. Н. А. Баскаков — научный сотрудник лингвистической комиссии при Коммунистическом университете трудящихся Востока, а затем старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института национальностей. Одновременно он был старшим научным сотрудником Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. С 1937 г. Н. А. Баскаков — старший научный сотрудник Института языка и письменности, реорганизованного впоследствии в Институт языкознания АН СССР.

Первое исследование Н. А. Баскакова, посвященное каракалпакскому языку, вышло из печати в 1930 г. В настоящее время список его печатных трудов насчитывает 301 название.

Значительная часть трудов Н. А. Баскакова посвящена неизучавшимся до него младописьменным тюркским языкам, особенно каракалпакскому, ногайскому, алтайскому, хакасскому. Среди этих трудов такие фундаментальные монографии, как «Ногайский язык и его диалекты» (М.—Л., 1940), «Каракалпакский язык» (т. I, М.—Л., 1950; т. II, М.—Л., 1952), «Алтайский язык» (М., 1958), «Диалект черневых татар (тубакижи)» (М.—Л., 1966).

Особо следует отметить большие заслуги Н. А. Баскакова в деле создания первых переводных словарей уйгурского, алтайского, хакасского, каракалпакского, ногайского, карайманского и гагаузского языков, а также в разработке практических и теоретических проблем национальной письменности, орфографии, орфоэпии и терминологии по целому ряду младописьменных тюркских языков.

Основное место в творчестве ученого занимает разработка общетюркологических лингвистических проблем, в частности вопросов фонетики, грамматики, лексикологии, истории и классификации тюркских языков. Продолжая свои многолетние изыскания в этой области, Н. А. Баскаков в настоящее время, в соответствии с планом Института языкознания АН СССР, успешно работает над монографией «Исследования по структурно-типологической характеристике тюркских языков». Определенными этапами в создании этого капитального труда являются его монографии «Тюркские языки» (М., 1960) и «Введение в изучение тюркских языков» (М., 1969).

На протяжении многих лет Н. А. Баскаков плодотворно разрабатывает тему о закономерностях развития современных тюркских литературных языков.

Многие его труды посвящены сопоставительной характеристике тюркских и русского языков.

В последние годы Н. А. Баскаков интенсивно занимается вопросами топонимии и антропонимии, а также проблемой тюркизмов в лексике славянских языков. Он уделяет много внимания и проблемам фольклора, литературы и этнографии тюркских народов.

Н. А. Баскаков принимает самое деятельное участие в разработке коллективных тем Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР, а также общеплановых тем: он соавтор «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков» (т. I, М.—Л., 1955; т. II, М.—Л., 1956), член редколлегии многотомного издания «Языки народов СССР» и соавтор его второго тома (М., 1966), соавтор и член редколлегии книги «Советское языкознание за 50 лет» (М., 1967), ответственный редактор и соавтор второго тома книги «Закономерности развития языков народов СССР» (М., 1969) и сборников: «Во-

просы усовершенствования алфавитов тюркских языков» (в печати), «Тюркская лексикология и лексикография» (в печати) и других.

Большую и плодотворную научно-исследовательскую работу Н. А. Баскаков сочетает с научно-организационной деятельностью.

Н. А. Баскаков оказывает огромную помощь лингвистическим учреждениям национальных республик, вузам и школам. Он активно участвует в работе конференций, совещаний, дискуссий и симпозиумов по тюркскому и общему языкознанию, созываемых в Советском Союзе и за рубежом.

Н. А. Баскаков — член редколлегии академических журналов «Известия ОЛЯ АН СССР», «Советская этнография» и «Советская тюркология», «Лексикографических сборников», ответственный редактор ряда словарей тюркских языков и многочисленных монографий и сборников.

Н. А. Баскаков является заместителем председателя научных советов по лексикологии и лексикографии и по проблеме «Закономерности развития языков социалистических наций», заместителем председателя экспертной комиссии по языкознанию ВАК Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

Велики заслуги Н. А. Баскакова в установлении личных контактов и сотрудничества с зарубежными учеными. По его инициативе успешно выполнена работа по составлению словаря караимского языка с участием Польской Академии наук. В тесном контакте с польскими и чехословацкими тюркологами Н. А. Баскаков разрабатывает коллективную тему о тюркизмах в славянских языках.

А. А. Юлдашев, Э. Р. Тенишев

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ РЕШЕТОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения и 41 год научно-педагогической деятельности действительного члена Академии педагогических наук СССР, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, доктора филологических наук, профессора Виктора Васильевича Решетова.

В. В. Решетов родился 10 (23) марта 1910 г. в Ташкенте. Окончив тюркологическое отделение восточного факультета и литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Среднеазиатского государственного университета, он получил квалификацию преподавателя узбекского языка в русских группах и русского языка в нерусских группах высших учебных заведений.

Свою научную деятельность В. В. Решетов начал в системе Академии наук Узбекской ССР, где с 1934 по 1955 гг. прошел путь от младшего научного сотрудника до директора Научно-исследовательского института языка и литературы им. А. С. Пушкина.

В 1940 г. ему была присвоена ученая степень кандидата, а в 1952 г. — доктора филологических наук.

К педагогической работе В. В. Решетов приступил в 1929 г., еще будучи студентом.

В декабре 1959 г. В. В. Решетов был избран действительным членом Академии педагогических наук РСФСР и членом Президиума этой Академии. В 1960—1963 гг. он — директор Института национальных школ АПН РСФСР и главный редактор журнала «Русский язык в национальной школе».

Работая в Москве в Академии педагогических наук РСФСР, В. В. Решетов принимал участие в разработке ряда проблем в Институте языкознания Академии наук СССР, был членом комиссии по упорядочению русской орфографии, членом Научного совета по проблеме

«Закономерности развития национальных языков в связи с формированием социалистических наций», членом экспертной комиссии ВАК. Будучи директором Института национальных школ АПН РСФСР, В. В. Решетов принимал участие в решении ряда актуальных вопросов методики преподавания русского языка в национальной школе. Ему принадлежит инициатива создания методики преподавания русского языка в нерусских школах с близкородственными языками.

С ноября 1963 г. В. В. Решетов — ректор Узбекского педагогического института русского языка и литературы.

В августе 1967 г. В. В. Решетов утверждается академиком-учредителем по организации Академии педагогических наук СССР. В качестве академика-учредителя он принимал участие в работе экспертной комиссии по выборам в действительные члены (академики) и члены-корреспонденты Академии педагогических наук СССР.

Перу В. В. Решетова принадлежит свыше 140 исследований, учебников, статей, тезисов докладов по актуальным вопросам тюркологии и методики преподавания русского языка в нерусской школе.

Первая работа В. В. Решетова, посвященная лексическому составу языка периодической узбекской прессы, выявила в этимологическом плане методами лингвистической статистики словарный состав газеты «Кизил Узбекистон». Выводы исследования были опубликованы в виде статьи¹, а остальная часть — издана как краткий узбекско-русский словарь². Следует отметить, что создание двуязычных словарей (русско-узбекских и узбекско-русских) является предметом постоянных занятий В. В. Решетова.

Заслуживают внимания работы В. В. Решетова по грамматике и фонетике узбекского языка³.

Большая работа проделана В. В. Решетовым в области узбекской диалектологии. Им не только описаны отдельные говоры этого языка⁴, но и дана их клас-

сификация⁵. В. В. Решетов уделяет большое внимание также вопросам преподавания курса узбекской диалектологии в вузах⁶.

Не будет преувеличением сказать, что многие работы В. В. Решетова по узбекской диалектологии носят не только общетюркологический, но и общелингвистический характер.

В. В. Решетов — автор «Краткой грамматики русского языка», которая представляет собой первую попытку создания учебника грамматики русского языка на узбекском языке⁷, который позднее перерабатывался и дополнялся⁸.

В. В. Решетов ведет большую работу по редактированию учебников, учебно-методических пособий, монографий, ученых записок и трудов, сборников статей и докладов. Он принимает активное участие в подготовке высококвалифицированных научных кадров из представителей местных национальностей. Им создана школа узбекских диалектологов.

Плодотворная педагогическая и научно-исследовательская работа В. В. Решетова высоко оценена партией и правительством. Он награжден орденами и медалями СССР, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР, значком «Отличник народного образования Узбекской ССР». Ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Л. Р.

¹ В. В. Решетов. Лексический состав современной узбекской прессы. — Сб. «Проблемы языка», т. I, Ташкент, 1934.

² В. В. Решетов. Краткий узбекско-русский словарь, Ташкент, 1936.

³ В. В. Решетов. Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1934; Современный узбекский язык, ч. I, Ташкент, 1940—1946; Основы фонетики и грамматики узбекского языка, Ташкент, 1961, 1965; Языки народов СССР, т. II. Тюркские языки. М., 1966; Узбекский язык. Введение. Фонетика. Ташкент, 1959.

⁴ В. В. Решетов. Маргеланский говор узбекского языка. — «Известия УзФАН СССР», Ташкент, 1941, № 3; Некоторые замечания по консонантизму и морфологии маргеланского говора узбекского языка. — «Известия УзФАН СССР», Ташкент, 1941; Кураминские говоры Ташкентской области. Фонетическая и морфологическая система. Ташкент, 1952; О наманганском говоре узбекского языка. — Сб. «Акад. В. А. Гордлевскому». М., 1953.

⁵ В. В. Решетов. Классификация узбекских говоров Ангренской долины. — «Бюллетень АН УзССР», 1946, № 79; Карлуко-чилиге-уйгурская языковая общность. — «Ученые записки Института иностранных языков». Ташкент, 1961; Классификация узбекских говоров. — «Узбек тили ва адабиёти», Ташкент, 1966, № 1.

⁶ В. В. Решетов. О построении курса узбекской диалектологии. Семинар преподавателей языковедческих кафедр вузов Узбекской ССР, Ташкент, 1952; Программа по узбекской диалектологии, Ташкент, 1957, 1959, 1963, 1966; Узбекская диалектология. Фонетика, морфология, лексика. На узбекском языке. Соавтор — Ш. Шоабдурахманов. Ташкент 1962.

⁷ В. В. Решетов. Краткая русская грамматика. Ташкент, 1936.

⁸ В. В. Решетов. Грамматика русского языка. Соавтор — Л. В. Решетова. Ташкент, 1960, 1968.

МУХТАР ГУСЕЙН-ОГЛЫ ГУСЕЙНЗАДЕ

(К 70-летию со дня рождения)

21 марта исполнилось 70 лет профессору Мухтару Гусейн-оглы Гусейнзаде.

М. Г. Гусейнзаде — видный азербайджанский ученый-языковед, автор более сорока научных работ. Среди них особое место занимает «Современный азербайджанский язык (фонетика, лексика, морфология)», одна из первых значительных работ по научной грамматике азербайджанского языка. Этот труд содержит обширный информационный материал, отличается простым и доходчивым изложением грамматических явлений и кате-

горий, представляя собой, по существу, монографию о морфологическом строе азербайджанского языка.

В своей исследовательской работе М. Г. Гусейнзаде уделяет большое внимание изучению самобытных особенностей азербайджанского языка. Этому вопросу отводится большое место в его монографии «Односоставные и сложные словосочетания в современном азербайджанском языке», в статьях об определительных словосочетаниях первого и второго типа в современном азербайджанском языке и в других работах ученого.

Существенное место среди его трудов занимает неоднократно переиздававшийся учебник по синтаксису азербайджанского языка для средних школ, написанный им совместно с акад. М. Ш. Ширалиевым.

Значительный научный интерес представляют главы, написанные М. Г. Гусейнзаде для двухтомника «Синтаксис азербайджанского языка».

М. Г. Гусейнзаде не только ученый-исследователь, но и опытный педагог с полувековым стажем, прошедший путь от учителя начальной школы до профессора университета. Много лет жизни М. Г. Гусейнзаде посвятил организации учебного процесса. Почти сорок лет из них он преподает в высших учебных заведениях.

В 1935 г. он декан факультета языка и литературы вновь организованного двухгодичного института учителей при педагогическом институте, а в 1936—1941 гг. руководит кафедрой языка и литературы Азербайджанского заочного педагогического института.

Более четверти века М. Г. Гусейнзаде ведет преподавательскую работу в университете. В 1943—1948 гг. он одновременно возглавлял деканат и кафедру

азербайджанского языка в Кировабадском педагогическом институте, а в 1953—1957 гг. заведовал отделом современного азербайджанского языка Института литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР.

М. Г. Гусейнзаде отдает много сил и энергии подготовке высококвалифицированных научных кадров. Под его научным руководством защищено много диссертаций по языкознанию.

М. Г. Гусейнзаде уделяет большое внимание вопросам научной организации работы в области языкознания и приклад-

ной лингвистики. Являясь заместителем председателя Орфографического комитета, он принимал активное участие в разработке принципов орфографии азербайджанского языка.

Заслуги М. Г. Гусейнзаде в развитии современного азербайджанского языкознания получили высокую оценку. Он награжден орденом «Знак почета», медалями СССР, удостоен почетного звания Заслуженного деятеля науки Азербайджанской ССР.

А. А. Ахундов

«ЛЕНИН И ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

Вышла из печати книга доктора филологических наук, профессора А. Курбанова «В. И. Ленин и языкознание», под редакцией академика М. Ш. Ширалиева.

Книга эта представляет собой одну из первых попыток в республике собрать воедино и проанализировать ценнейшие высказывания Ильича о языке, его общественном характере, о единстве языка и мышления, по вопросам культуры речи и т. д.

Основное место в работе занимает раскрытие роли и значения ленинских идей в развитии языков народов Советского Союза. Здесь говорится о плодотворности выдвинутых В. И. Лениным положений о равноправии языков, государственном языке, праве народов получать образование на родном языке и т. д.

В работе приводятся также данные о достижениях азербайджанского советского языкознания.

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В феврале с. г. на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР состоялась защита диссертационной работы старшим научным сотрудником сектора тюркских языков этого института Н. З. Гаджиевой на тему: «Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Н. З. Гаджиева известна широкому кругу отечественных и зарубежных специалистов как исследователь истории тюркских языков вообще, и в частности азербайджанского языка, в синтаксическом аспекте.

Выпускница Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Н. З. Гаджиева в 1952 году защитила диссертационную работу о типах придаточных предложений в современном азербайджанском языке, за которую ей была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. С тех пор ее научные интересы обращены к синтаксису, сначала — синхронному, а позже — историческому. Опубликованная в 1963 году книга Н. З. Гаджиевой «Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке в историческом освещении» стала отправной для сравнительно-исторического изучения тюркского синтаксиса и легла в основу представленного к защите обобщающего труда в этой области.

Теоретическая задача исследования — выявление на современном материале основных путей развития синтаксической структуры тюркских языков, их диалектов, а также исторических памятников. Объектом анализа послужили синтаксические единицы: словосочетания, простые и сложные предложения. Большое внимание в исследовании уделено разработке методических приемов сравнительно-исторического изучения синтаксиса, обоснованию возможности воссозда-

ния синтаксических архетипов. В работе определены ведущие тенденции развития синтаксической структуры тюркских языков. Предлагаемые диссертантом приемы синтаксической реконструкции с опорой на данные исторической морфологии позволили выявить хронологию динамики как словосочетаний, так и некоторых видов простого предложения. Автор приходит к выводу, что развитие тюркского сложного предложения происходило следующими тремя путями:

а) путем трансформации — преобразования предложений в целях выраже-

ния подчинительных отношений; б) союзным способом, условия развития которого заложены в недрах структуры тюркских языков; в) путем гибридизации, т. е. сращения способов трансформации и союзного подчинения.

Затем были оглашены поступившие отзывы на работу Н. З. Гаджиевой, в том числе отзыв кафедры турецкого языка Института восточных языков при МГУ, возглавляемой С. А. Соколовым, отзывы из Азербайджана (М. Ш. Ширалиева, М. Ш. Рагимова, М. Г. Гусейнзаде, З. Х. Тагизаде, Р. Магеррамовой, А. З. Абдуллаева и Ф. Р. Зейналова), Туркмении (П. А. Азимова, Б. Чарырова, М. Хыдырова), Узбекистана (В. В. Решетова, Э. И. Фазылова, М. Аскаровой) и др.

Первый официальный оппонент член-корр. АН СССР А. Н. Кононов, подробно охарактеризовав проблематику синтаксиса тюркских языков, подчеркнул важность избранной диссертантом темы. По мнению оппонента, особый интерес представляет глава диссертации, посвященная методам исследования истории синтаксических единиц, в которой впервые в тюркологии рассматриваются возможные пути их реконструкции.

Второй официальный оппонент доктор филологических наук Э. А. Макаев особо отметил раздел работы Н. З. Гаджиевой, посвященный вопросам методики сравнительно-исторического исследования тюркского синтаксиса. По мнению оппонента, работа Н. З. Гаджиевой представляет крупный вклад не только в тюркологию, но и в общее языкознание.

Третий официальный оппонент доктор филологических наук Э. Н. Наджип подчеркнул, что в работе использован огромный фактический материал по всем тюркским языкам, их диалектам и памятникам, а также по некоторым монгольским и маньчжурским языкам. Он отметил, что предложенные автором приемы синтаксических реконструкций открывают новый этап в изучении синтаксиса тюркоязычных народов.

В обсуждении представляемой к защите работы приняли участие также доктор филологических наук Т. А. Бертагаев и проф. В. Д. Аракин.

Члены Ученого совета единогласно высказались за присвоение Н. З. Гаджиевой ученой степени доктора филологических наук.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАСИМИ И ИХ ЛЕКСИКА

В декабре 1969 года на заседании секции филологических наук Ученого совета Отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации Д. В. Каграмановым на тему: «Научно-критический текст и лексика произведений Имадеддина Насими». Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук М. Ю. Гулизаде, А. З. Абдуллаев, М. Ш. Рагимов.

В настоящее время, когда одной из важнейших задач советской тюркологии является изучение истории каждого из тюркских языков и создание их сравнительно-исторической грамматики, составление научно-критических текстов письменных памятников приобретает особую актуальность.

Известно, что азербайджанский язык как один из старописьменных тюркских языков отличается богатством рукописного наследия. Произведения многих азербайджанских поэтов, имена которых вошли в историю мировой литературы, дошли до нас в рукописях. Одним из крупнейших представителей азербайджанской литературы XIV в. является и знаменитый поэт-мыслитель Имадеддин Насими, творчество которого открыло новую эпоху в истории классической азербайджанской литературы, оставило глубокий след в истории литературно-художественной и общественно-философской мысли всех тюркоязычных народов и сыграло выдающуюся роль в развитии их языков.

Как отмечалось на заседании секции, докторская диссертация Д. В. Каграманова является одной из первых в азербайджанской филологии исследовательских работ лингвотекстологического характера. В ней изложен ряд теоретических положений автора, приводятся

ценные данные о развитии средневековой тюркоязычной литературы, в частности азербайджанской, и говорится о месте и роли Имадеддина Насими в истории ее развития. В диссертации содержатся также интересные сведения о характерных особенностях художественных и лексикологических произведений, написанных на азербайджанском языке до Насими.

Автор определяет роль Насими в развитии азербайджанского литературного языка в XIV в., особенно в формировании и обогащении поэтического

языка, характеризует влияние произведений Насими на средневековую поэзию тюркоязычных народов.

Главное достоинство диссертации заключается в том, что в ней дается научно-критический текст всех азербайджанских стихотворений Насими с разнотечениями и словником.

Диссертационная работа Д. В. Каграманова, несомненно, представляет собой новый шаг вперед в деле углубленного исследования средневекового периода истории азербайджанского языка и литературы.

МОРФОЛОГИЯ ТУРЕЦКОГО ГЛАГОЛА

В апреле с. г. Ученый совет по языковедению Тбилисского государственного университета принял решение ходатайствовать перед ВАК о присвоении ученой степени доктора филологических наук доценту кафедры тюркологии факультета востоковедения этого университета Нодару Николаевичу Джанашиа за диссертационную работу на тему: «Исследование по морфологии турецкого глагола».

Исследование Н. Н. Джанашиа посвящено изучению глагола в современном турецком литературном языке в свете новейших достижений языковедческой науки. Анализируя в представленной работе факты языка, автор подробно останавливается на морфологической структуре турецкого глагола. Все грамматические категории турецкого глагола он подразделяет на две группы:

I. Группа словообразовательных категорий, присущих основе глагола: 1) интенсивность, 2) взаимно-совместность — невзаимно-совместность, 3) некаузатив — каузатив, 4) залог, 5) аспект, 6) характер действия, 7) вид.

II. Группа словоизменительных категорий, выявляющихся в системе спряжения: 1) наклонение, 2) время (характер), 3) потенциальное действие, 4) акт, 5) утвердительность — вопросительность, 6) лицо, 7) число.

Наряду с новой трактовкой выделяющихся ранее категорий (залог, наклонение, время, причастие, деепричастие) в работе устанавливается наличие ряда таких глагольных категорий, как акт, интенсивность, потенциальное действие, характер действия, вид, категория взаимно-совместности и каузатива, выявляется природа соотношений между характером и временем действия, объяс-

няется механизм функционирования указанных выше категорий в структуре турецкого глагола.

Каждый раздел работы Н. Н. Джанашиа иллюстрируется соответствующими схемами, подводящими итог отдельным этапам исследования.

Выступившие на заседании официальные оппоненты — чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононов, акад. АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиев, д-р филол. наук, проф. В. Г. Ахвледиани дали диссертационной работе Н. Н. Джанашиа положительную оценку.

ТУРКМЕНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Изучение взаимосвязей национальных литератур является одной из актуальных проблем литературоведения. В ее разработке советскими учеными проделана немалая работа. Однако, несмотря на определенные достижения, проблема эта нуждается в дальнейшем углубленном изучении. Значительный интерес в этом свете представляет диссертационная работа декана кафедры туркменской филологии Туркменского государственного университета им. А. М. Горького Акпера Рухи Алиева на тему: «Туркмено-азербайджанские литературные связи».

Диссертация состоит из двух частей. В первой ее части анализируются эпосы «Норкут Ата» и «Героглы», дастаны «Шасенем и Гарип» и другие, вари-

анты которых имеются у обоих народов, а также туркменские дастаны «Саятлы и Хемра» и «Неджеп оглан», отобразившие различные черты жизни азербайджанцев и туркмен в прошлом. Большое внимание в этой части диссертант уделит вопросам влияния творчества Низами и Физули на туркменскую поэзию.

Во второй части диссертации рассматриваются некоторые вопросы литературных взаимосвязей азербайджанцев и туркмен после присоединения Туркмении к России, и, в частности, подробно анализируется вторая книга романа известного азербайджанского писателя-просветителя Султанмеджида Гани-заде (1866—1937) «Письма Шейда-бека Ширвани», в которой описывается путешествие от Красноводска до Бухары.

В разделе, озаглавленном «Журнал «Молла Насреддин» и молланасреддиновцы в Туркменистане», говорится о распространении в Закаспии революционно-демократического журнала «Молла Насреддин» и других азербайджанских сатирических изданий, их влиянии на творчество туркменских писателей. Автор приводит много фактов, свидетельствующих о том, что первые туркменские сатирики — основатели журнала «Тонмак» — учились у молланасреддиновцев.

Значительное место в работе отведено исследованию туркмено-азербайджанских литературных связей в советский период. Здесь автор в основном рассматривает произведения туркменских авторов, написанные на азербайджанском материале, и произведения писателей-азербайджанцев на туркменскую тематику.

В диссертации исследуются особенности художественного перевода с азербайджанского на туркменский и с туркменского на азербайджанский языки, формулируются его основные принципы.

В заключительной главе диссертации показана роль азербайджанского драма-

тического искусства в развитии туркменской национальной драматургии и театра.

23 апреля с. г. Совет филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук АН Азерб. ССР обсудил диссертационную работу А. Р. Алиева.

Официальные оппоненты диссертанта — акад. АН Азерб. ССР Г. Араслы, акад. АН Туркм. ССР Б. А. Каррыев,

д-р филол. наук Н. Ф. Ахундов отметили в своих выступлениях, что представленная работа является значительной вехой в изучении взаимосвязей и взаимовлияния литератур азербайджанского и туркменского народов.

Члены Ученого совета высказались за присвоение А. Р. Алиеву ученой степени доктора филологических наук.

УЙГУРСКИЕ ДИАЛЕКТЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Изучение закономерностей формирования, функционирования и развития литературных языков народов нашей страны является одной из актуальных проблем советского языкознания. Большой научный и практический интерес представляет в этом свете и проблема взаимоотношений литературного языка с его общенародной основой. Изучение природы общенародного языка, представляющего совокупность живых диалектов и говоров, его роли в формировании и развитии литературного языка и литературно-стилистических норм имеет исключительно важное значение.

Научной разработке этой проблемы в применении к уйгурскому языку и была посвящена докторская диссертация А. Т. Кайдарова на тему: «Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка», обсуждавшаяся на заседании Ученого совета филологического факультета Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова в конце марта с. г.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Она снабжена тремя картами-схемами, на которых обозначены регионы распространения диалектов и говоров уйгурского языка.

В работе дается систематизированная характеристика общенародного уйгурского языка во всех его диалектных проявлениях, выявляются наиболее характерные дифференциальные (фонетические и лексико-грамматические) признаки диалектных единиц в системе общенародного языка уйгуров, на основе чего предлагается новая классификация и внутреннее членение диалектов и говоров. Диссертант определяет

также диалектную основу уйгурского литературного языка с последующей характеристикой роли доминирующих компонентов опорного диалекта, выступающих в качестве нормализующей основы литературного процесса. В работе установлена общность диалектной базы литературного языка синьцзянских и советских уйгуров и преемственность их развития, а также охарактеризован процесс формирования современного уйгурского литературного языка и функционирование его двух вариантов в условиях соответствующих регионов расселения уйгуров.

В диссертации дается критический обзор всего того, что было сделано до настоящего времени в области изучения живого разговорного языка уйгуров и на этой основе делаются выводы и теоретические обобщения по исследуемой проблеме.

Официальные оппоненты диссертанта — д-р филол. наук, проф. Э. В. Севортян, акад. АН Азерб. ССР

М. Ш. Ширалнев, д-р филол. наук, проф. Ф. Р. Зейналов дали высокую оценку труду ученого.

Положительные отзывы о диссертации были получены из многих языковедческих учреждений страны и от видных ученых-тюркологов.

Члены Ученого совета проголосовали за присвоение А. Т. Кайдарову ученой степени доктора филологических наук.

АНАНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

6 апреля с. г. в Риме на 68-м году жизни скоропостижно скончался один из видных тюркологов современности, крупный польский ученый-востоковед Ананий Александрович Зайончковский.

А. А. Зайончковский родился в 1903 г. в Вильнюсе в семье юриста. В 1929 г. он оканчивает Краковский университет по специальности — филология стран мусульманского Востока. В 1932—1933 гг. читает лекции по турецкому языку, с 1935 г. исполняет обязанности профессора Варшавского университета, а в 1946—1950 гг. заведует кафедрами ориенталистики в Варшавском и Вроцлавском университетах. В 1952 г. А. А. Зайончковский избирается членом-корреспондентом, а в 1961 г. — действительным членом Польской Академии наук.

Более сорока лет своей жизни А. А. Зайончковский посвятил научным исследованиям. Его перу принадлежит свыше трехсот работ, главным образом в области тюркской филологии.

Тюркологическая проблематика в его исследованиях весьма многообразна. Карайм по национальности, он отдал много сил изучению истории, языка, фольклора и литературы караймов, а также исторически связанных с ними хазаров, внес весомый вклад в развитие караймоведения — традиционную для Польши область тюркологии.

Он — автор целого ряда работ по истории польского востоковедения, а также по вопросам изучения тюркских лексических элементов в польском языке. Помимо мемориальных работ о Тадеуше Ковальском, Мариане Левяцком и других ученых, А. А. Зайончковским написаны работы, подводящие итоги развитию польского востоковедения и определяющие перспективы его дальнейшего развития. Но основным направлением его исследовательской деятельности

были публикации и переводы памятников тюркской письменности — старотурецкой и старокыпчакской, комментарии к ним. Классическими в этом отношении являются его работы, объединенные общим названием «Исследования по староосманскому языку», а также публикации мамелюкских и золотоордынских кыпчакских памятников письменности, в первую очередь его иссле-

дование о переводе золотоордынским поэтом Кутба на тюркско-кыпчакский язык бессмертной поэмы «Хосров и Ширин». Этому памятнику, кроме капитальных трудов, он посвятил много статей, раскрывающих поэтические, стилистические, лингвистические и другие его особенности.

Много труда и внимания уделил А. А. Зайончковский изданию и комментариям арабского учебника по языку турок и кыпчаков эпохи государства мамелюков и арабско-кыпчакскому словарю, относящемуся к той же эпохе. К данной серии публикаций следует отнести и мамелюкско-турецкий трактат о лучничестве и ряд других его работ.

Ряд исследований А. А. Зайончковский посвятил иранистике и арабистике. Он — переводчик на польский язык газелей Хафиза, автор многих статей по турецкому и персидскому искусству, персидскому театру, керамике Ближнего Востока, турецкой карикатуре, статей и исследований по дипломатии Золотой Орды, Турции и Крыма, по азербайджанской литературе.

Выдающийся польский ученый был взыскательным и строгим педагогом, воспитавшим целую плеяду талантливых ученых, работающих в области тюркской филологии и общей ориенталистики.

Параллельно с активной исследовательской деятельностью А. А. Зайончковский вел большую научно-общественную и редакторскую работу. На протяжении десяти лет (1948—1958 гг.) он являлся бессменным председателем Польского общества ориенталистов, а в дальнейшем был избран почетным членом этого общества. Он возглавлял Комитет востоковедных наук Польской Академии наук, а в 1953 г. организовал

при этой академии Институт ориенталистики. В 1932—1939 гг. А. А. Зайончковский — редактор журнала «Мысль Караимска», а с 1952 г. — журнала «Пшеглонд Ориенталистичны» и одновременно главный редактор польского академического ежегодника «Рочник Ориенталистичны».

Многие научные общества и университеты мира избрали выдающегося польского ученого своим действительным и почетным членом и доктором. Он — почетный член турецких Лингвистического и Исторического обществ, член-корреспондент Финно-Угорского общества (Финляндия), действительный член Международного Урало-Алтайского общества (ФРГ), почетный доктор Берлинского имени Гумбольдта университета (ГДР), Манчестерского университета (Англия), Тбилисского университета (СССР), неизменный участник, а нередко и организатор всех крупнейших международных востоковедных и тюркологических конгрессов и конференций.

А. А. Зайончковский был искренним другом Советского Союза, часто посещал Москву, Ленинград, Баку, Тбилиси и другие города, имел много друзей среди советских тюркологов и востоковедов, плодотворно работал вместе с ними. Одной из таких совместных работ стал большой «Караимско-польско-русский словарь», издание которого будет осуществлено в ближайшем будущем.

Все, кто знал А. А. Зайончковского лично или по его ярким и глубоким исследованиям, навсегда сохраняют в своих сердцах светлую память об этом выдающемся ученом, замечательном человеке, большом друге советских людей.

Н. А. Баскаков

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ
НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ
РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

ГЛАСНЫЕ

A a — а
 Ā ā — э
 U u — у
 I i — и
 O o — о
 Ö ö — ө
 U u — у
 Ü ü — ү
 E e — е

СОГЛАСНЫЕ

B b — б	N n — н
ẓ ẓ — ч, дж (چ)	P p — п
ç ç — ц	ng — H' (ڭ)
ç̣ ç̣ — ч (چ)	ɣ — ы,
D d — д	R r — р
F f — ф	S s — с
G g — г	Ṣ ṣ — ш
G' g' — к (گ)	T t — т
ɣ ɣ — ғ (غ)	V v — в
H h — h, х ₁ (ح, ه)	Z z — з
J j — j	Ẓ ẓ — ж
K k — ка (ق)	θ θ — ç (ث)
K' k' — ке (ك)	Δ δ — з (ذ)
L l — л	X x — х (خ)
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАД БУКВАМИ

- долгота
- ◌ краткость
- ~ носовой
- ' мягкость

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. А. Дадашзаде</i> (Баку). Образ В. И. Ленина в литературе	3
<i>Т. А. Эфендиева</i> (Баку). Ленинские идеи — основа языкового строительства в нашей стране	11

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Н. З. Гаджиева</i> (Москва). Природа изафета в тюркских языках	18
<i>Л. А. Покровская</i> (Москва). О состоянии изучения и развитии гагаузского языка	27
<i>А. А. Раджабов</i> (Баку). Об Онгинском памятнике	33
<i>К. М. Любимов</i> (Москва). Система грамматических времен в современном турецком языке	44
<i>М. А. Хабичев</i> (Карачаевск). О древнетюркских рунических надписях в Аланских катакомбах	64
<i>А. Т. Кайдаров</i> (Алма-Ата). О фразеологических вариантах в уйгурском языке	70
<i>Дж. С. Ахмедов</i> (Баку). Выражение отрицания предикативами с констатирующей функцией в современном азербайджанском языке	82
<i>Д. С. Сетаров</i> (Карши). Тюркизмы в русских названиях птиц	86
<i>Ф. Р. Зейналов</i> (Баку). Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках	95

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Л. Ю. Тугушева</i> (Ленинград). Древние уйгурские стихи	102
<i>М. А. Сейидов</i> (Баку). Заметки о гуннской мифологии	107

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Э. Р. Тенишев</i> (Москва). А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, ч. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка	117
<i>А. А. Юлдашев</i> (Москва). С. Н. Иванов. Родословное древо тюрок Абу-л-Газихана (имя и глагол. Грамматический очерк)	119
<i>Э. А. Умаров</i> (Ташкент). Э. К. Жарашуева. Материалы по карачаево-балкарской фразеологии	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Филологический год — 1969	126
<i>Б. Уахатов, С. Каскабасов</i> (Алма-Ата). Научно-творческая конференция по проблемам современного состояния и перспективам развития казахского фольклора	134
<i>А. К. Алекперов</i> (Баку). Научная сессия «Ленин и вопросы языкознания»	136
<i>Э. Р. Тенишев, А. А. Юлдашев</i> (Москва). Координационное совещание по вопросам татарского и башкирского языкознания	138

PERSONALIA

<i>В. Г. Гузев</i> (Ленинград). С. Е. Малов	140
<i>Л. С. Левитская</i> (Москва). В. Г. Егоров	142
<i>Н. Г. Наджафов</i> (Баку). А. М. Демирчизаде	144
<i>А. А. Юлдашев, Э. Р. Тенишев</i> (Москва). Н. А. Баскаков	146
<i>Л. Р.</i> (Ташкент). В. В. Решетов	148
<i>А. А. Ахундов</i> (Баку). М. Г. Гусейнзаде	150

ХРОНИКА

«Ленин и языкознание»	152
О синтаксической структуре тюркских языков	153
Произведения Насими и их лексика	155
Морфология турецкого глагола	157
Туркмено-азербайджанские литературные связи	158
Уйгурские диалекты и литературный язык	160
А. А. Зайончковский	162

CONTENTS

<i>M. A. Dadashzade</i> (Baku). Lenin's Image in Literature	3
<i>T. A. Ejdendjeva</i> (Baku). Lenin's Ideas — Foundation of the Language Construction in Our Country	11

HISTORY AND THEORY OF THE LANGUAGE

<i>N. Z. Hajiyeva</i> (Moscow). The Nature of Izafet in the Turkish Languages	18
<i>L. A. Pokrovskaya</i> (Moscow). The Modern State of Study and Development of the Gagauz Language	27
<i>A. A. Rajabov</i> (Baku). On the Ongin Memorials	33
<i>K. M. Lyubimov</i> (Moscow). The System of Grammatical Tenses in the Modern Turkish Language	44
<i>M. A. Khabichev</i> (Karachayevsk). Ancient Turkish Runic Inscriptions in the Alan Catacombs	64
<i>A. T. Kaydarov</i> (Alma-Ata). On the Phraseological Versions in the Uygur Language	70
<i>J. S. Akhmedov</i> (Baku). Negation Expressed by Predicates with Stating Function in the Modern Azerbaijan Language	82
<i>D. S. Setarov</i> (Karshi). Turkish Elements in the Russian Names of Birds	86
<i>F. R. Zeynalov</i> (Baku). Modality and It's Ways of Expression in the Turkish Languages	95

PROBLEMS OF HISTORY AND THEORY OF LITERATURE

<i>L. Yu. Tugusheva</i> (Leningrad). The Ancient Uygur Verses	102
<i>M. A. Seyidov</i> (Baku). The Notes about the Gunn Mythology	107

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). A. T. Kaydarov. «Development of the Modern Uygur Literary Language». Part I. Uygur Dialects and Dialectological Basis of the Literary Language	117
<i>A. A. Yuldashev</i> (Moscow). S. N. Ivanov. A. Genealogical Tree of the Turks of Abu-l-Gazi-Khan (Noun and Verb. Grammar Sketches)	119
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Z. K. Zharaschueva. Materials on the Karachayev-Balkar Phraseology	124

SCIENTIFIC LIFE

Phylogological Year — 1969	126
<i>B. Uakhatov, S. Kaskabasov</i> (Alma-Ata). Scientific Conference on the Problems of Modern Kazakh Folk-lore and Its Perspectives	134
<i>A. G. Alekperov</i> (Baku). The Scientific Session «V. I. Lenin and Problems of Linguistics»	136
<i>E. R. Tenishev, A. A. Yuldashev</i> (Moscow). The Co-Ordinate Conference on Problems of the Tartar and Bashkir Linguistics	138

PERSONALIA

V. G. Guzev (Leningrad). S. E. Malov	140
L. S. Levitskaya (Moscow). V. G. Yegorov	142
N. G. Najafov (Baku). A. M. Demirchizade	144
A. A. Yuldashev, E. R. Tenishev (Moscow). N. A. Baskakov	146
L. R. (Tashkent). V. V. Reshetov	148
A. A. Akhundov (Baku). M. G. Guseinzade	150

CHRONICLE

«Lenin and Linguistics»	152
About Syntactic Structure of Turkish	153
Nasimi's Works and It's Vocabulary	155
The Morphology of the Turkish Verb	157
Turkmen and Azerbaijan Literary Connections	158
Uygur Dialects and Literary Language	160
A. A. Zajonchkovskiy	162

Рукописи не возвращаются

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев.*

Корректор *А. Е. Сорокина.*

Сдано в набор 22.VI.1970 г. Подписано к печати 10.IX.1970 г. ФГ 03309. Формат
бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 5.3. Физ. печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 13,60.
Заказ 2093. Тираж 3130. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.

1 руб.

Индекс
70927